

Р. С. У. ЧЕРНИЛОВА
**ШЕСТИДНЕВНАЯ
СВОЙНА**

Черчилль Рэндолф Спенсер и У Шестидневная война

Глава первая. Прошлое

Согласно традиции, признаваемой как арабами, так и евреями, оба народа происходят от двух сыновей Авраама: Измаила и Исаака. Будучи сыном рабыни-египтянки, Измаил был вынужден покинуть землю отца своего и отправиться в изгнание в пустыню. Он считается родоначальником двенадцати бедуинских племен, от которых современные арабские народы ведут свое происхождение. Исаак, брат Измаила, стал прародителем двенадцати еврейских колен — десять из них бесследно исчезли. Многие люди, в том числе адмирал Фишер, утверждали, что англичане являются потомками потерянных колен. Соперничество между евреями и арабами — это спор между братьями: оба народа принадлежат к одной и той же семитской расе и говорят на родственных языках, и оба народа считают Палестину своей родиной.

Три тысячи пятьсот лет назад Моисей вывел евреев из египетского рабства через Синайскую пустыню в Ханаан, где, по преданию, обосновался после своего переселения из Месопотамии патриарх Авраам. Евреи, вдохновленные своим воинственным Богом, покорили племена, населявшие эту страну. Несмотря на всевозможные бедствия — вавилонское пленение, опустошение страны Александром Македонским, победы римских легионов, — еврейский народ все же остался здесь до 70 года н.э., когда в результате разрушения Иерусалима Титом началось рассеяние — диаспора — евреев по всему свету. Хотя в Палестине всегда оставалось незначительное еврейское меньшинство, новая религия — ислам, — зародившаяся в глубине Аравии, утвердила свое господство на Земле Обетованной и удерживала его до 1920 года, когда победы генерала Алленби привели к установлению британского мандата над Палестиной.

Во время странствия по пустыне Моисей ввел систему моральных правил и норм поведения, которую евреи сохранили до настоящего времени, и создал свод законов, регламентирующих еврейскую гражданскую и религиозную жизнь. Достигнув долины Иордана, евреи признали в ней свою Обетованную Землю и после разгрома египетского гарнизона в Иерихоне поселились на ней и стали успешно отражать набеги соседних племен.

Осажденные врагами, стремясь создать земледельческую общину в стране, в которой еще не было "молочных рек и кисельных берегов", переживая время от времени ужасы гражданской войны, двенадцать колен Израилевых оставались в Палестине в течение тысячелетия, до вавилонского нашествия и увода их в Вавилонию. Первое изгнание длилось только пятьдесят лет, и в 538 году до н.э. первые 40 тысяч евреев вернулись в Иерусалим, восстановили Храм и воссоздали свое государство. В течение 500 лет Палестина оставалась в еврейских руках, но в 63 году до н.э. римские войска под предводительством Помпея вошли в Святая

Святых^{1[1]} Храма в Иерусалиме и превратили страну в податную провинцию Рима. Евреи, связанные тесными религиозными и социальными узами, сохранили свою общину на Земле Обетованной, но утратили политическую независимость, сохранив культурную обособленность.

В 70 году н.э. евреи сделали безуспешную попытку сбросить римское иго. Римские войска разграбили Иерусалим и сожгли Храм. Крепость Масада, последний оплот еврейского героизма, пала три года спустя. Жертвенная трагедия Масады — одна из самых священных страниц в истории сопротивления еврейского народа. Когда командир крепостного гарнизона понял, что капитуляция неизбежна, он обратился с призывом к своим товарищам, предпочесть самоубийство плену. Каждый мужчина должен был убить свою жену и детей и жеребьевкой были выбраны десять человек, чтобы убить остальных. После этого один из них должен был убить девять своих товарищей и покончить с собой, бросившись на меч. Овладев крепостью, римляне застали в живых только двух старух и пятерых детей, спрятавшихся в пещерах. С еврейской независимостью было покончено, и на форуме в Риме была воздвигнута арка с изображением еврейских пленников и трофеев, захваченных в Храме. Через шестьдесят лет отчаянное восстание Бар-Кохбы было подавлено с римской беспощадностью. Иерусалим был превращен в груды развалин, и по прежним местам славы прошел плуг. Евреям не разрешалось вступать в новый римский город Иерусалим чаще одного раза в год. Отправление еврейского культа запрещалось, и даже обрезание было объявлено вне закона. Евреи оставались в Палестине, но надежда на обретение самостоятельности рухнула.

В период римского владычества над Палестиной еврейские поселения возникли в Малой Азии, появились на юге Испании и в долине Роны, в Италии и Греции; еврейские общины обосновались также на берегу Красного моря и в Персии. В конце средневековья евреи устремились на север, куда переместились центры еврейской цивилизации. Они селились по всей Европе, в частности в России, Германии и Англии. Еврейские поселения продолжали существовать на всем Востоке, но в своем большинстве евреи перестали быть восточным народом и стали европейцами. Они были рассеяны по всей Римской империи и пребывали в изгнании, когда христианство стало господствующей религией всего Запада. Повсюду в Европе и Азии они жили обособленной религиозной и социальной группой. Они сопротивлялись ассимиляции и благодаря своей бескомпромиссной приверженности Моисееву Закону, сохранили свою национальную индивидуальность. Евреям удалось избежать слияния с другими народами и сохранить свое лицо благодаря Книге, которую они сберегли как свое величайшее сокровище. Наиболее крупный вклад в развитие цивилизации они сделали в Европе. В средневековой Европе они развивали свои законы и литературу, углубляли свои религиозные обычаи и укрепляли свою общественную жизнь. Они часто занимались ростовщичеством, что было запрещено христианам. В Европе евреи усвоили и приумножили духовные ценности народов, среди которых жили,

^[1] Святая Святых — часть Храма, куда разрешалось входить только первосвященнику и только один раз в год.

сохранив вместе с тем свою религиозную общину и национальную и расовую индивидуальность.

В это время на Востоке родилась новая религия. Ислам (это слово означает покорность воле Господа) основывается на учении пророка Мухаммеда, который родился в Мекке в 570 году н.э. Это воинствующая религия, которая способствовала слиянию стран Ближнего Востока и созданию культуры, объединяющей арабов и подвластные им народы. В 632 году Мухаммед умер. Столетие, последовавшее за его смертью, ознаменовалось распространением ислама из Мекки на Запад. Мусульмане не встречали противодействия до 732 года, когда в битве при Туре ровно через сто лет после смерти пророка Карл Мартелл разгромил войска Абдула Рахмана.

Иерусалим, который долгое время был центром притяжения христиан и евреев, стал также очень важным мусульманским центром. В средние века, в эпоху религиозной экзальтации, Иерусалим обрел особый смысл для последователей трех вероисповеданий. Более двух столетий крестоносцы пытались отвоевать для христианства Иерусалим, и тогда этот город стал для арабов символом сопротивления агрессии с Запада. Для евреев Иерусалим оставался местом, куда они надеялись когда-нибудь вернуться.

История европейского еврейства с X до XX века характеризуется непрерывными насилиями, унижениями и изоляцией в гетто. Сначала крестоносцы усердствовали в распространении христианства, а затем инквизиция, стремясь покарать язычников, не давала погаснуть пламени фанатизма и ненависти. Однажды семнадцатый граф Дерби спросил английского историка Намьера, почему, будучи евреем, он пишет об английской, а не о еврейской истории. Намьер ответил: "Дерби! Еврейской истории нет, есть только еврейский мученик, и заниматься им не доставляет мне удовольствия". Однако история рассеяния не вся окрашена в мрачные тона. Во многих странах евреи играли важную роль в развитии искусства, литературы, науки и медицины. В кромвелевскую и послекромвелевскую эпоху Англия с ее духом веротерпимости явилась для них убежищем. В начале XIX века евреи были эмансипированы во всей Европе, кроме России, и их выдающиеся представители пользовались уважением и почетом в глазах нееврейского общества, с которым была тесно связаны. По мере ослабления религиозных уз появились случаи полной ассимиляции, и различие между евреями и неевреями стало менее заметным. С провозглашением свободы вероисповедания и устранением преград, ограничивавших участие евреев в жизни государства, эмансипация казалась полной, а Святая Земля — далеким воспоминанием о восточном, почти чужом прошлом.

Но в начале 70-х годов XIX столетия возродился дух средневековой нетерпимости. В Германии евреев обвинили в том, что они занимали ключевые позиции в государственной жизни, оставаясь вместе с тем чужаками. В 1881 году Антисемитская лига потребовала от Бисмарка лишить евреев избирательных прав и запретить их дальнейшую иммиграцию в Германию. В 1882 году в Дрездене состоялся Антисемитский конгресс. В 1894 году, когда французский офицер еврей Альфред Дрейфус был ложно обвинен в продаже французских военных секретов Германии, вспыхнул антисемитизм во Франции. В 90-х годах волна

погромов прокатилась по России. Евреи были выселены из Москвы и Киева и лишены права возвращаться в эти города. Единственной категории еврейских женщин, которым разрешалось жить в Москве, были проститутки с желтым билетом.

Возобновившиеся в конце XIX века преследования евреев дали толчок новому развитию еврейской мысли. В 1882 году один еврейский врач в Одессе опубликовал брошюру, в которой утверждал, что евреи занимаются самообманом, надеясь когда-нибудь слиться с народом, среди которого они живут. Он считал, что евреи могут обрести свое достоинство только в результате воссоздания еврейского национального очага в Палестине. Несколько русских евреев отправились в Святую Землю, находившуюся в то время под властью турок, и основали небольшие сельскохозяйственные колонии, которые поддерживал парижский банкир барон Эдмунд де Ротшильд. В 1894 году венский литератор еврей Теодор Герцль присутствовал в качестве корреспондента венской газеты "Нойе фрейе пресе", на заседаниях военного трибунала, слушавшего дело Дрейфуса. До процесса Герцль был убежденным поборником ассимиляции, но дело Дрейфуса убедило его и многих других европейских евреев в необходимости создания постоянного еврейского национального очага в Палестине. В 1897 году в Базеле под руководством Герцля состоялся Первый сионистский конгресс, который провозгласил своей целью создание "очага в Палестине для еврейского народа на основе гражданского права". Многие евреи враждебно относились к сионизму: они опасались, что его развитие возбудит нежелательный интерес к евреям, и это может привести к росту антисемитизма. Но сионизм приобретал все большую привлекательность в глазах народных масс, страдавших от усиливавшихся преследований и социальной изоляции. Герцль произвел благоприятное впечатление на английских министров, и они намеревались предоставить евреям полосу земли в Синае. Но когда возникли трудности с осуществлением этого проекта, министр колоний Джозеф Чемберлен предложил Уганду в качестве территории для еврейской колонизации. Идея поселения вне пределов Святой Земли не вызвала национального энтузиазма среди евреев, и этот проект был отклонен. Герцль умер в 1904 году в возрасте 44 лет, но его смерть не задержала роста сионистского движения, и Еврейский национальный фонд приступил к сбору средств на покупку небольших участков земли в Палестине. К 1914 году эта турецкая провинция уже была усеяна еврейскими сельскохозяйственными поселениями. В 1909 году в Дганин был основан первый кибуц^{2[2]}. Евреи даже основали новый город Тель-Авив — Холм Весны — на песчаных дюнах неподалеку от арабского города Яффы.

* * *

До начала Первой мировой войны идея создания еврейского национального очага в Палестине оставалась мечтой идеалистов и преследуемых и детищем филантропов. Но война превратила эту идею в политический вопрос, который можно и нужно было решить.

^{2[2]} Кибуц — сельскохозяйственная коммуна.

Во второй половине XIX века, когда Турецкая империя переживала период распада, а европейские государства сталкивались друг с другом в борьбе за территории в Африке, британские государственные деятели оказывались все более втянутыми в египетские дела. Премьер-министр Англии, крещеный еврей Бенджамин Дизраэли, купил в 1876 году контрольный пакет акций компании Суэцкого канала. С этого времени зона канала приобрела для англичан жизненно важное стратегическое и экономическое значение.

900 лет (с 640 по 1617 год) в своей богатой событиями истории Египет был под властью арабов: сначала как часть халифата, а затем как независимый султанат. В 1517 году эта своеобразная страна пустынь, управляемая из обессиленной, но плодородной дельты Нила, единственного источника изобилия, была завоевана турками-оттоманами. Египет остается провинцией Константинополя до XIX века, когда Мухаммед Али и его преемники добились большей автономии для Каира, что нашло свое выражение в официальном даровании турками в 1867 году губернатору Каира Исмаилу титула хедива.

Когда турки оказались не в состоянии обеспечить поддержку каирской администрации, положение которой было подорвано непомерными тратами и банкротством, в конфликт вмешалась Англия, вначале как покровительствующая держава, действующая с согласия турок.

Восстание Араби-паши против хедива в 1882 году закончилось интервенцией Гладстона, выступившего в защиту прав иностранных акционеров. С артиллерийского обстрела, которому британский флот подверг Александрию, начинается период английской оккупации Египта, продолжавшейся до 1954 года. Действия Гладстона, бывшего лидером либералов, дали повод лорду Рандольфу Черчиллю произнести одну из своих наиболее язвительных речей. Выступая в Эдинбурге в декабре 1883 года, лорд Черчилль заявил:

На второй день несчастные египтяне были очень близки к тому, чтобы одержать победу в революции; они были очень близки к тому, чтобы сбросить с себя удушающие путы; но, к несчастью для нас, мистер Гладстон, премьер-министр Великобритании, мистер Гладстон, вождь, кумир, полубог либеральной партии, мистер Гладстон, член парламента от Мидлотиана, обрушил на них мощь своих армий и флотов, разрушил их города, опустошил их страну, истребил тысячи людей и вернул этих сражавшихся бедняков в болото угнетения, под упряжку их надсмотрщиков.

В действительности же Гладстон вмешался в конфликт против своей воли, намереваясь при первой возможности вывести английские войска из Египта. Но через 40 лет, когда другое либеральное правительство столкнулось с европейским военным кризисом, англичане все еще оставались в Египте.

Когда в конце октября 1914 года состоялось заседание кабинета для обсуждения не только резко антибританской позиции Турции, но уже вопроса о военных действиях против нее, тогдашний министр финансов Ллойд Джордж призвал своих коллег обсудить вопрос "о конечной судьбе Палестины", и Герберт Сэмюель, единственный еврей в составе правительства, немедленно обратился к министру иностранных дел сэру Эдуарду Грею по вопросу "создания еврейского государства в Палестине, которое, будучи близко к Суэцкому каналу, смогло бы проявить добрую волю в деле, имеющем большое значение для Британской

империи". Но прежде всего и непосредственно англичане прореагировали в Египте, объявив его 18 декабря 1914 года своим протекторатом. С этого момента Великобритания установила еще более прямой контроль над Египтом, чем прежде, что вызвало подъем египетского национализма в самых широких кругах населения.

Евреи не преминули использовать преимущество своего положения. В конце 1915 года они, убежав из Палестины от турок к англичанам в Египет, сформировали Еврейский легион из 650 бойцов, который сражался у Дарданелл на стороне англичан. В марте 1916 года сэр Эдуард Грей предложил Франции и России "договориться с евреями о Палестине". Британское правительство начало переговоры с Хаимом Вейцманом и другими еврейскими лидерами (Вейцман, сменивший Герцля, стал вождем сионистского движения). Но в это же время англичане пытались достигнуть с Францией иного соглашения по Ближние Востоку. Это был знаменитый пакт Сайкса-Пико, который предусматривал предоставление полной независимости Арабской федерации и выделение области с чисто арабским населением. Англия получала небольшой район, в частности Хайфу. Палестина должна была управляться международной администрацией, "форма которой будет определена после консультации с Россией". Чтобы обрести поддержку в войне против Центральных держав (Германской и Австро-Венгерской империй), Англия пыталась пробудить мировое еврейство, в особенности евреев России и Америки.

С этой целью была выработана и обнародована 7 ноября 1917 года Декларация Бальфура. Она была составлена в виде письма британского министра иностранных дел лорду Ротшильду:

Мне доставляет большое удовольствие передать Вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию симпатии к еврейским сионистским чаяниям, которая была предложена кабинету и одобрена. Правительство Его Величества относится благожелательно к идее создания в Палестине Национального очага для еврейского народа и не пожалеет усилий для достижения этой цели. Нужно ясно понять, что не следует предпринимать ничего, могущего нанести ущерб гражданским и религиозным правам нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу, которыми пользуются евреи в любой другой стране. Я буду Вам благодарен, если Вы доведете эту декларацию до сведения Сионистской организации.

То место декларации, где говорится об обеспечении прав нееврейских общин, подало повод к кривотолкам и создало многочисленные трудности. Так возникло мнение, что Палестина — "дважды обещанная" страна. Правда, разным народам и разным деятелям в разное время были обещаны разные вещи. Доброй воли всего мира не хватило бы, чтобы удовлетворить требования всех сторон. К тому же ощущался явный недостаток доброй воли. Сторонники арабов в британской армии и в министерстве иностранных дел Великобритании, составлявшие группу политических деятелей, которые никогда полностью не были согласны с Декларацией Бальфура, поощряли Т. Лоуренса в его военной и политической деятельности в поддержку арабского восстания. Естественно, что арабы могли с большей легкостью помогать своим соплеменникам, чем евреи, которых в то время в Палестине было очень мало.

Многие состоятельные евреи продолжали оставаться равнодушными к сионизму. Английские Ротшильды не присоединились к сионистам до прихода Гитлера к власти. В Америке Бернард Барух всю свою жизнь был противником сионизма. До провозглашения Государства Израиль он занимал антиссионистскую позицию, заявляя, что если будет еврейское государство, то ему могут сказать: "Барух, твое место там". "Но я, — добавил он, — американец прежде всего и желаю остаться здесь, в Соединенных Штатах".

После войны англичане пытались выполнить обещания, данные ими в Декларации Бальфура. На конференции в Сан-Ремо, состоявшейся в апреле 1920 года, мандат на Палестину был передан британскому правительству. Как это ни странно, но сам Бальфур отнесся к этому факту без энтузиазма. Он заявил: "Я предпочел бы что-нибудь другое". Лорд Роберт Сесиль определил мандат как "сомнительное приобретение". Сильнейшее же противодействие Декларации исходило от арабов, и первые погромы, повторявшиеся затем почти каждый год, произошли в Яффе в 1921 году. Британское правление Египтом также перестало быть безоблачным. Хотя Египет в 1922 году был объявлен "независимым суверенным государством", англичане сохранили решающее влияние в вопросах его внешней политики и имперских коммуникаций, что повело к дальнейшему усилению египетского национализма при Заглул-паше. В 1924 году египетские националисты убили на главной улице Каира английского генерал-губернатора Судана сэра Ли Стэка.

* * *

В 1921 году, когда Хадж Амин эль-Хусейни был назначен муфтием Иерусалима (первосвященником мусульман), и британское правительство, и евреи столкнулись с грозным противником. Новый муфтий обратил свои усилия на антиссионистскую агитацию и на саботирование политики мандатных властей. Он утверждал, что евреи пытаются отнять Палестину и Святые Места у арабов и что установление британского мандата явилось первым шагом на пути к осуществлению этого плана. Полагали, что именно муфтий стоит за беспорядками, которые вспыхивали ежегодно, начиная с 1921 года. В марте 1933 года он выразил свою поддержку манифесту Арабского исполнительного комитета, в котором содержался протест против иммиграции евреев и покупки ими земли в стране. Впоследствии, в апреле 1936 года, он возглавил арабское движение, объявившее всеобщую забастовку во всей стране и сформулировавшее три требования: прекратить еврейскую иммиграцию, запретить продажу земли евреям и создать национальное представительное правительство. Когда эти требования были отклонены британским правительством, муфтий начал кампанию террора, целью которой было не только избиение евреев, но и восстание против английских властей. Официально признавалось, что террористам помогали не только соседние страны (особенно Ирак и Сирия) наемниками, но и иностранные государства — деньгами и оружием. Были замешаны главным образом два государства, хотя они и не упоминались в то время: нацистская Германия и фашистская Италия. В июне 1937 года кампания террора оказалась столь эффективной, что английские власти были, наконец, вынуждены, как они объявили официально 1 октября 1937 года, "принять меры против определенных лиц, деятельность которых мешает поддержанию

общественного порядка в Палестине и на которых следует возложить моральную ответственность за эти события". Иерусалимский муфтий был отстранен с поста президента Верховного мусульманского совета, и две недели спустя он бежал в Бейрут, переодевшись в чужое платье.

После Второй мировой войны евреи и многие англичане пытались добиться суда над муфтием как над военным преступником. Эти усилия оказались безуспешными, и муфтий переехал в Египет, где был официально принят королем Фаруком, предоставившим ему дворец. В настоящее время Хусейни живет в Ливане и продолжает принимать активное участие в политической жизни. Он именуется себя "президентом Верховного мусульманского совета", претендуя на один из многочисленных постов, которых он лишился в 1937 году.

* * *

Тяга евреев в Палестину усилилась в 1924 году, когда в связи с принятием Соединенными Штатами иммиграционных законов, американский "плавильный котел", доступ к которому до этого был совершенно свободным, оказался закрытым для всех, кроме ограниченного числа людей некоторых групп и стран, допускаемых в США по системе квот. В 1929 году, через пять лет после принятия этих законов, было создано Еврейское Агентство для иммиграции в Палестину, которое представляло мировое еврейство в его отношениях с британскими мандатными властями. Была установлена такая же жесткая квота на въезд в Палестину, как и в Соединенные Штаты. Евреи полагали, что по мере увеличения их числа в Палестине, они смогут добиться количественного перевеса над арабами, которые уже жили в стране, и что мандат будет аннулирован в законном порядке и власть передана еврейскому большинству. В 1930 году британское правительство в связи с волнениями, не прекращавшимися с 1924 года, заявило постоянному комитету мандатных территорий Лиги Наций, что оно считает невозможным создание местного правительства в Палестине, так как еврейские и арабские интересы никогда не совпадут настолько, чтобы такое правительство было жизнеспособным. В 1936 году, вслед за третьим восстанием арабов, была учреждена комиссия Пиля, которая рекомендовала разрешить арабо-еврейский конфликт путем раздела Палестины на два независимых государства.

С 1933 года резко усилилось стремление евреев иммигрировать в Палестину. В ответ на гитлеровские преследования британское правительство увеличило квоту на въезд евреев в Палестину. Если в 1921 году евреи составляли только 11 процентов общего населения Палестины, то в 1929 году их уже было 29 процентов. Арабы понимали, что если такие темпы еврейской колонизации сохранятся, то к 1962 году евреи окажутся в большинстве, и в Палестине будет создано еврейское политическое господство. Интересно отметить, что за три года арабского восстания, 1936-1939 годы, около 40 тысяч арабов покинули страну как беженцы. Они вернулись после восстановления мира. Кристофер Сайкс, сын инициатора пакта Сайкса-Пико, сэра Марка Сайкса, таким образом объясняет в своей книге "На перекрестных путях в Израиль" (Лондон, 1965) этот исход арабов:

Бежать от ожидаемого гнева — арабская черта. В этом хаосе, вызванном развалом администрации, число тех, кто спасался, было на сей раз выше, чем

когда-либо ранее. Дело в том, что арабский быт базируется на определенной феодальной иерархии, и больше, чем в любом западном обществе, население стремится следовать примеру мэра, нотабля и духовных лиц. При виде того, как местные лидеры искали убежища за пределами страны, простой народ испытывал паническое желание следовать их примеру. Местным же лидерам было трудно усидеть на месте, когда они узнавали, что многие специалисты, богачи, чиновники муниципалитетов и члены Верховного мусульманского совета убегают. Арабские командиры также были известны тем, что пускались в бегство, как только военное счастье изменяло им, а это произошло в будущей войне, особенно в ходе таких крупных операций, как сражения за Тверию, Акко, Хайфу и Яффу.

17 мая 1939 года британское правительство опубликовало свою Белую книгу о Палестине. Белая книга предусматривала въезд в страну 75 тысяч евреев в течение последующих пяти лет и полное прекращение иммиграции в 1944 году. Опубликование этого документа явилось одним из поворотных пунктов в отношениях между Еврейским Агентством и британской мандатной администрацией. Любое превышение установленной квоты подлежало одобрению арабов. Хотя Белая книга предусматривала, что в Палестине никогда не сложится еврейское большинство, она сразу же была отвергнута из-за своей половинчатости не только евреями, но и арабами, что свидетельствовало об усилившемся неприятии арабами самой идеи создания еврейского государства или участия евреев в жизни арабской страны.

Нет необходимости повторять ужасную повесть о судьбе евреев при Гитлере. В результате опубликования Белой книги беженцы, спасавшиеся от гитлеровского преследования, не имели права вступать на палестинскую землю. Отвратительной обязанностью британского правительства стала охота на евреев, стремившихся нелегально въехать в страну. Когда 769 беженцев, пытавшихся добраться до Земли Обетованной на утлом и сильно протекавшем суденышке "Струма", достигли восточного берега Средиземного моря, английские власти, а затем и турецкое правительство не разрешили им высадиться на берег, и все пассажиры, за исключением одного, погибли, когда судно затонуло в Черном море.

Вспыхнувшая в сентябре 1939 года война осложнила положение палестинских евреев. Очевидно, что Великобритания, которая воевала против нацистской Германии, рассматривалась ими как естественная союзница. Но в равной мере в их интересах было бросить вызов принципам, на которых основывалась Белая книга, и установленная ею жесткая квота.

Английское правительство, учитывая высокий процент арабов в своих воинских частях и мусульман в индийской армии, сочло неприемлемым создание самостоятельной еврейской армии, разделяя мнение многих арабов, опасавшихся, что евреи могут использовать ее, чтобы навязать решение вопроса в конце войны. Поэтому, несмотря на то, что многие палестинские евреи сражались в британских войсках, было разрешено сформировать только одну еврейскую бригаду. Еврейский народ разделял цели союзников и сражался в союзнических войсках, но в то же время зародилось также еврейское террористическое движение, прибегавшее к наиболее насильственным средствам в своей борьбе против

Великобритании. В марте 1943 года палата лордов обсуждала предложение об отмене ограничений на иммиграцию тех евреев, которые бежали из захваченной нацистами Германии. От имени правительства лорд Плимут заявил, что не представляется абсолютно никакой возможности ослабить существующие ограничения.

В Палестине группа Штерна, явившаяся центром организационного еврейского террора, жертвой которого пал британский верховный комиссар в Каире лорд Мойн, с возрастающей активностью помогала нелегальной иммиграции, незаконно ввозила оружие в страну, похищала английские боеприпасы и убивала английских полицейских.

Напряженность в отношениях между англичанами и евреями достигла своего апогея 22 июля 1946 года, когда еврейские экстремисты, обозленные продолжающимися ограничениями иммиграции и интернированием на Кипре евреев из Европы, осуществили дерзкий план минирования английского штаба, размещенного в иерусалимской гостинице "Царь Давид". В результате взрыва одно крыло гостиницы было разрушено и 8 англичан убиты. В отместку за этот акт террора генерал-лейтенант Эвелин Баркер обнародовал приказ по армии о запрещении военнослужащим покупать товары в еврейских магазинах и заявил публично, что бойкот настигнет евреев "в самом уязвимом месте, ударит по их карманам и продемонстрирует наше презрение к ним".

С окончанием войны в 1945 году англичане изменили свою позицию в палестинском вопросе. Египтяне потребовали безоговорочной эвакуации британских войск и отвергли соглашение, заключенное с Эрнестом Бевинем об эвакуации на определенных условиях в 1949 году. Поэтому в поисках нового стратегически важного района, который мог бы возместить потерю Египта и зоны канала, англичане обратили свои взоры на Палестину. В конце 1946 и в начале 1947 года они приступили к систематической переброске военного снаряжения из Египта в Палестину.

Ситуация резко обострилась в 1947 году. Президент Трумен не был согласен с английской политикой, и вопрос о будущем Палестины в качестве прибежища для европейских евреев послужил причиной англо-американских разногласий. Убийство двух английских сержантов еврейскими экстремистами 1 августа 1947 года вызвало не только перелом в симпатиях английского общества, но даже антиеврейские выступления.

Этот кризис также способствовал обострению антиамериканских настроений в Англии, так как американские евреи делали взносы в сионистские фонды и оплачивали антибританские объявления в газетах. Рост враждебности к евреям сопровождался многочисленными случаями жестокости. Три еврея были убиты, когда английский эсминец протаранил в Хайфском порту пароход "Экходус", пытавшийся прорвать блокаду и высадить на берег еврейских беженцев, ранее сосредоточенных в немецких лагерях. Эрнест Бевин распорядился вернуть всех пассажиров "Экходуса" в лагерь для перемещенных лиц в Германии.

25 февраля 1947 года британское правительство заявило, что оно поставит палестинский вопрос на рассмотрение Объединенных Наций. 16 мая 1947 года был учрежден специальный комитет Организации Объединенных Наций по Палестине. Он рекомендовал немедленно отменить действие мандата и разделить

Палестину на арабское и еврейское государства, установив одновременно особый международный статус для Иерусалима. 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла план раздела Палестины большинством в 33 голоса против 13 при 10 воздержавшихся. Россия, Америка и Франция голосовали за раздел. Евреи приняли план раздела, но палестинские арабы и арабские государства возражали против предоставления евреям даже незначительной территории. Английское правительство заявило, что до 15 мая 1948 года, когда истек срок действия мандата, оно сохранит полный контроль над страной и что члены Палестинской комиссии, созданной Объединенными Нациями, смогут прибыть в страну только за две недели до прекращения действия мандата. 23 марта 1948 года Бевин так объяснил эту позицию в палате общин: "Мы должны прежде всего добиться положения, которое позволило бы нам покинуть Палестину".

С начала 1948 года борьба между евреями и арабами приняла более ожесточенный характер. Арабы вооружали банды, проникавшие из Сирии и Трансиордании. Кристофер Сайкс подробно описал, как нагнеталась арабо-еврейская вражда. Репрессии и контррепрессии привели 8 апреля 1948 года к избиению евреями террористами 254 мужчин, женщин и детей в деревне Бир-Ясин. Бен-Гурион немедленно послал телеграмму с искренними извинениями королю Трансиордании Абдалле и пытался отмежеваться от террора, но сделать это оказалось трудно. 12 апреля 1948 года, в результате арабской ответной акции, 77 еврейских врачей, медицинских сестер, учителей и студентов, направлявшихся под флагом Красного Креста в одну изолированную еврейскую больницу, были убиты. Эти зверства ускорили уже начавшийся к тому времени исход арабов. Сайкс пишет об этом периоде:

Не только теперь, но уже тогда было ясно, что арабские власти должны были любой ценой пресечь паническое настроение, которое усиливалось с каждым днем после первой радиопередачи о Бир-Ясине. В повторных передачах пригодились раздутые цифры и дело, само по себе отвратительное, обрастало новыми вымышленными подробностями. Совпав с периодом побед еврейского оружия во всей Палестине, террор способствовал превращению уже начавшегося большого исхода арабов в массовое перемещение. За тысячами следовали десятки тысяч. По приблизительным данным сионистов, к концу апреля из Палестины бежали 150 тысяч арабов.

В конце этого исхода арабское население, насчитывавшее предположительно 700 тысяч человек, сократилось до 170 тысяч.

14 мая 1948 года, сразу же после провозглашения Государства Израиль, началось генеральное наступление арабов. Военные действия прекратились только 18 ноября, когда Израиль подчинился резолюции Организации Объединенных Наций о прекращении огня, и возобновились в феврале 1949 года, когда в течение десяти дней велись бои против египтян в Негеве. В результате войны евреи сорвали попытку арабов вытеснить их из всей Палестины. Они также расширили контролируемую ими территорию за пределы района, отведенного им по плану раздела. Но установленные линии прекращения огня не гарантировали Израилю безопасности. Во время войны еврейскими войсками в Иерусалиме командовал подполковник Даян. Предполагают, что 20 тысяч евреев (включая

женщин) сражались против 35 тысяч бойцов регулярных и партизанских частей семи арабских стран. Из-за границы — из Чехословакии — по воздуху поставлялись в Израиль следующие виды вооружения: полевые 77-миллиметровые орудия, легкие танки, тяжелые и легкие пулеметы. Осада Иерусалима арабами продолжалась с 18 мая до 11 июля 1948 года, когда первая колонна с провиантом и медикаментами, направлявшаяся из Тель-Авива, пробилась в город.

Соединенные Штаты признали Израиль де-факто 14 мая 1948 года, через час после провозглашения его независимости, также и русские, по иронии судьбы, последовали их примеру три дня спустя. Южная Африка, в то время еще член Британского Содружества, объявила о признании 24 мая, Канада — в конце года. Англия отстала от Соединенных Штатов на 10 месяцев. В продолжение этих месяцев Уинстон Черчилль, который в то время уже был просто господином Уинстоном Черчиллем, не уставал призывать Эттли и министра иностранных дел Эрнеста Бевина к более реалистичной оценке ситуации. Выступая в декабре 1948 года, он утверждал, что английская позиция в этом вопросе является причиной глубоких разногласий между Англией и Соединенными Штатами;

С любой точки зрения в наших интересах иметь свое представительство не только в Аммане, но и в Тель-Авиве.

Критикуя министра иностранных дел в своем выступлении 26 января 1949 года, он вернулся к этому вопросу:

Я совершенно уверен, что высокочтимый джентльмен должен будет признать израильское правительство и сделать это без долгих проволочек. Я сожалею, что у него не хватило мужества недвусмысленно высказаться сегодня вечером и что он предпочел ретироваться, как каракатица, под покровом чернильных вод и тумана...

За английским признанием, о котором было объявлено 31 января, вскоре последовало признание Израиля Францией, Бельгией, Голландией, Италией, Швейцарией, Австралией, Новой Зеландией, Данией, Норвегией и латиноамериканскими странами.

Все арабские страны отказались признать Государство Израиль и упорствуют в этом по сей день. Каждый, кто путешествует по Ближнему Востоку, знает, что если он намерен посетить не только Израиль, но и какую-нибудь арабскую страну, то должен запастись двумя паспортами. Мало того, арабские государства продолжают упорно утверждать, что они находятся в состоянии перманентной войны со страной, которую они не признают. На этом основании они отказывают Израилю в праве пользоваться Суэцким каналом. Едва ли менее противоестественными оказались границы, установленные перемирием, завершившим войну 1948 года: разделенный на две части Иерусалим; стратегически уязвимая граница с Сирией; узкая талия между рекой Иордан и морем; господствующий над Тиранскими проливами и находящийся в египетских руках Шарм а-Шейх, что затрудняло строительство израильского порта в Эйлате; наконец, нелепая полоса Газы — эта сплошная трущоба, заселенная арабскими беженцами, которые содержались за счет Объединенных Наций, тогда как ни одно арабское государство не хотело пошевелить пальцем ради своих же братьев. Даже в окружении дружественных стран такие границы были бы неудобными. В

окружении же врагов, которые призывали к войне и истреблению, такое положение не могло сохраняться неопределенно долгое время. Объединенные Нации обнаружили всю свою неспособность объединить усилия своих членов в поисках лучшего решения конфликта.

В июле 1952 года в Египте, который является главным противником Израиля в арабском мире, началось национальное возрождение, которое привело к военному перевороту во главе с генералом Нагибом, и отречению от престола короля Фарука. Нагиб был президентом Клуба офицеров в Каире, командующим пехотной дивизией и ветераном войны 1948 года, в ходе которой он был трижды ранен. Против старого режима было выдвинуто, в частности, следующее обвинение:

Люди, бравшие взятки, способствовали нашему поражению в Палестинской войне. Изменники продолжали интриговать против армии после Палестинской войны, но теперь мы очистим свои ряды.

В феврале 1954 года полковник Насер бросил вызов Нагибу как руководителю государства. После тревожного периода борьбы за власть между Насером и Нагибом последний с ноября 1954 года находится под домашним арестом. Как известно, положение Нагиба не изменилось по сей день.

Начиная с 1951 года, египетские руководители проводили политику саботажа, стремясь изгнать англичан из зоны канала до 1956 года, когда истекал срок договора 1936 года. Газета "Нью-Йорк геральд трибюн" опубликовала 21 ноября 1952 года интервью с Насером. На вопрос корреспондента об отношении Египта к британским войскам, Насер ответил:

Формально войны не будет. Это было бы самоубийством. Но по ночам будут бросать гранаты. Английских солдат будут закалывать из-за угла. Мы надеемся, что развернется такой террор, который сделает оккупацию нашей страны слишком расточительным делом для Англии.

На протяжении 1952 года египтянам было запрещено работать в британской зоне канала, и над 80-тысячной английской армией, размещенной здесь, нависла постоянная угроза египетского террора. Из-за необходимости предотвратить повреждение системы водоснабжения в зоне канала в результате актов саботажа, английские солдаты однажды сожгли часть египетской деревни. В апреле 1954 года было подписано англо-египетское соглашение, по которому Англия обязалась покинуть зону канала в 1956 году без каких-либо условий. Чувствовалось, что Насер, который вел переговоры об этом соглашении, считал свое положение довольно шатким. Соглашение не удовлетворило национальных чаяний египетского народа, поэтому Насер решил перейти к такому политическому курсу, который обеспечил бы ему поддержку египетского общественного мнения и мог бы продемонстрировать другим арабским лидерам, отрицательно относившимся к его перевороту, что он истинный вождь арабского национализма. Насер избрал Израиль в качестве объекта своей ненависти. 28 февраля 1955 года в ответ на неоднократные египетские рейды на израильскую территорию новый израильский министр обороны Бен-Гурион предпринял военную акцию против Газы, в результате которой были разрушены египетские военные сооружения.

В первые годы своего пребывания у власти Насер пользовался поддержкой со стороны руководителей Соединенных Штатов, которые считали его умеренным деятелем и потенциальным другом Запада. Когда Насер сменил Нагиба, Кермит Рузвельт из ЦРУ позаботился, чтобы к египетскому премьеру был направлен в качестве постоянного советника Майлс Копленд, которому египтяне отвели кабинет рядом с кабинетом Насера.

Даже после покупки Насером оружия в России в 1955 году, сторонники проарабского курса в государственном департаменте и ЦРУ не переставали надеяться, что Насер в принципе продолжает придерживаться прозападной ориентации. Но, как заявил Кермит Рузвельт Стивену Барберу, он почувствовал, что Насер "пошел по дурной дорожке" уже во время заключения египтянами сделки с Россией. Когда ему возразили, что речь шла о чехословацком оружии, он ответил:

Нет, никакой сделки с чехами не было. Это мое изобретение. Однажды утром, когда я сидел в кабинете Насера, вошел дежурный офицер и сообщил, что сэр Хемфри Тревельян, британский посол в Египте и впоследствии верховный комиссар в Адене, прошел в приемную и просил Насера об аудиенции. Насер спросил меня, чего хочет, по моему мнению, сэр Хэмфри. Я ответил, что, бесспорно, он собирается говорить о слухе, который мы распространили, о сделке с Россией. "Что мне сказать ему?" — спросил Насер. "О, скажите ему, что вы покупаете оружие не у русских, а у чехов... это прозвучит вполне невинно".

Американская ближневосточная политика была до курьеза противоречивой, что, возможно, объясняется разногласиями между двумя ответственными инстанциями — государственным департаментом и ЦРУ.

Когда англичане покинули зону канала, Насер обратился к Великобритании, Америке и Международному банку с просьбой финансировать строительство высотной Асуанской плотины на Ниле. 19 июля 1956 года Англия и Соединенные Штаты объявили, что они прекращают свою помощь. Неделью спустя Насер провозгласил национализацию Суэцкого канала. Это сразу же вызвало шок в Париже и Лондоне. До конца лета делались попытки при посредничестве Соединенных Штатов и Организации Объединенных Наций прийти к какому-нибудь компромиссу.

Тем временем рейды террористов, которые проникали в Израиль не только из Египта, но и из Сирии и Иордании, вывели израильтян из терпения. С помощью Франции Англия и Израиль заключили ряд секретных соглашений и оказались вовлеченными в наступление на Порт-Саид. Кроме того, израильтяне обрушили свой удар на египетские позиции в Синайской пустыне. В ходе молниеносной кампании, начавшейся в конце октября и продолжавшейся пять дней, они оказались в 50 милях от канала, овладели Шарм а-Шейхом и вновь открыли для своего судоходства Акабский залив, закрытый в результате египетской блокады Тиранских проливов.

Этой блестящей кампанией израильтяне обеспечили на время безопасность своей южной границы и свободный доступ к порту Эйлат. Англия и Франция, однако, лишились плодов победы, уступив требованию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о немедленном прекращении огня. За это предложение голосовали 64 государства, против — 5 и 6 воздержались. После

нескольких недель переговоров они эвакуировали свои войска, которые были на египетской границе заменены специальными войсками Организации Объединенных Наций.

Из постоянно возрастающего числа беженцев на израильских границах формировались во все большем масштабе воинские части для партизанских набегов на израильскую территорию. Положение становилось нетерпимым для израильтян, которые за период с 1957 по 1962 год подали 422 жалобы в Организацию Объединенных Наций на нападения с сирийской территории и на нарушения Сирией условий перемирия. Время от времени Израиль осуществлял крупные ответные акции, из которых особую известность приобрели рейд на иорданскую деревню Саму в ноябре 1966 года и израильский контрудар после артиллерийского обстрела израильской фермы с Голанских высот 7 апреля 1967 года. В ходе воздушного боя израильская авиация сбила 6 сирийских МИГов. Напрашивался вывод, что сирийцы, не испытывавшие недостатка в русских самолетах и танках, не располагали обученными кадрами.

* * *

Арабские народы все время испытывали горечь при мысли, что их братья, бежавшие в 1948 году, продолжали жить в лагерях для беженцев, расположенных вдоль границ, и были лишены своей родины. Каирское радио со все возрастающим неистовством распространяло слухи о страданиях беженцев — слухи, которые таили в себе немалую взрывную силу. Насер, наживший политический капитал на суэцкой неудаче Англии и Франции, не без успеха претендовал на роль лидера арабского мира.

Территория Израиля занимает не больше 2 процентов тех земель, которые находятся под арабским суверенитетом. В результате объединенных усилий мирового еврейства в Англии и преимущественно в Соединенных Штатах были собраны по подписке сотни миллионов фунтов стерлингов, чтобы поселить европейских евреев в Израиле или в странах Запада. С другой стороны, нефтяные княжества района Персидского залива, в особенности Кувейт и Саудовская Аравия ничего не предпринимали, чтобы дать пищу и кров тем, кого они гордо именовали своими братьями. Арабские правительства были довольны тем, что беженцы жили на голодном рациионе, предоставляемом Организацией Объединенных Наций. Египтянам было выгодно терпеть на своей территории лагерь беженцев, которые превращали израильскую границу в воспаленный гнойник. Сложилась ситуация, которая могла быть использована египтянами в любой благоприятный с точки зрения Насера момент.

Хотя после Суэцкой кампании израильтяне, в соответствии с резолюцией ООН, принятой в начале 1957 года, завершили вывод своих войск с Синайского полуострова, два жизненно важных для Израиля района — полосу Газы и господствующий над Тиранскими проливами Шарм а-Шейх — они согласились покинуть только в марте 1957 года. Такое поведение отражало израильские сомнения в действительности гарантий их безопасности, полученных от великих держав. Действительно, реагируя на отказ Израиля передать Газу и Шарм а-Шейх под контроль войск ООН, Джон Фостер Даллес не остановился перед угрозой применить экономические санкции к Израилю, если Объединенные Нации потребуют проведения таких мер для выполнения своих резолюций.

Это было 5 февраля 1957 года, а в марте 1957 года, через четыре недели, израильтяне покинули Газу и район проливов. 20 февраля президент Эйзенхауэр заявил, что в случае нарушения египтянами соглашения о прекращении огня или других обязательств, "содружество наций должно действовать со всей твердостью". 1 марта британский государственный секретарь и делегат на Генеральной Ассамблее сэр Аллан Нобль, заявил:

Правительство Ее Величества настаивает на праве свободного плавания в заливе всех британских судов и готово присоединиться к другим государствам, чтобы обеспечить признание этого права всеми заинтересованными сторонами.

Напротив, Бен-Гурион подчеркнул, что, несмотря на принятие на себя президентом Соединенных Штатов моральной ответственности и признание морскими странами израильских прав в проливах, Израиль еще не получил определенных гарантий этих прав в районе полосы Газы и Тиранских проливов.

В течение последовавшего десятилетия обе стороны состязались друг с другом в закупках вооружения. После приобретения трех советских подводных лодок в июле 1957 года, египтяне быстро увеличивали ввоз оружия из России и других восточно-европейских стран. В частности они приобрели реактивные истребители МИГ, реактивные бомбардировщики ТУ-16 и — незадолго до войны 1967 года — ракеты разных классов. Если Англия и Америка проявляли некоторую умеренность, то Россия, буквально, навязывала самые дорогие игрушки Египту и Сирии. Со своей стороны, Соединенные Штаты решили уравновесить крупные египетские закупки продажей Израилю ракет класса земля-воздух. В то время как в Египет шел поток оружия, Насер был вовлечен в борьбу за утверждение и упрочение своего положения вождя арабского мира. После суэцкой "победы" Насер использовал свой огромный престиж для объединения с Сирией и создания в феврале 1958 года Объединенной Арабской Республики. Любое арабское правительство, не желавшее стать сателлитом Насера и его новой империи, подвергалось систематической травле со стороны каирского радио и других органов пропаганды и становилось объектом подрывной деятельности внутри своей страны.

В начале усилия Насера казались безрезультатными. Правда, в Ираке произошла кровавая революция. Король Фейсал и его премьер-министр Нури Саид были убиты в ходе переворота 14 июля 1958 года. Но Касем вскоре после своего прихода к власти занял такую же антинасеровскую позицию, как и остальные арабские лидеры.

15 июля, сразу же после этого переворота, американская морская пехота высадилась в Ливане и через два дня английские парашютисты были переброшены по воздуху в Иорданию. Эти акции были предприняты для защиты обеих стран от диверсии.

Как вождь арабского мира Насер все более терял почву под ногами. Он пытался укрепить свое положение путем введения в ОАР социалистических реформ, сфера применения которых все более расширялась: около 90 процентов промышленных и торговых активов были национализированы декретом, принятым в июле 1961 года. Тем не менее он не смог избежать наиболее унижительного удара по своему личному престижу — распада ОАР в результате отделения Сирии. Создание антинасеровской партии в Сирии явилось серьезным

испытанием для него. Но, как выяснилось впоследствии, это, вероятно, не так беспокоило его, как возрождение экстремистско-доктринерской панарабистской партии Баас, пришедшей к власти в Сирии в 1963 году и бросившей ему вызов как лидеру арабского мира. Ему никогда не удалось подчинить своему контролю сирийских революционеров, которые заключили самостоятельные соглашения с Советским Союзом о кредитах и оружии. Несмотря на эти соглашения, русские не оказывали большего, чем он, сдерживающего влияния на Дамаск.

У Насера были свои личные основательные причины усилить давление на Израиль. Вместо того, чтобы использовать огромную денежную помощь, поток которой шел с Востока и Запада после Суэцкой кампании, для повышения жизненного уровня своего народа, Насер расходовал большую часть этих средств на широкую подготовку к войне. В течение нескольких послевоенных лет он не без успеха играл роль победителя в Суэцкой войне, и его популярность высоко поднялась во всем арабском мире. Его слава достигла вершины в 1958 году, когда Египет и Сирия создали Объединенную Арабскую Республику. Когда эта попытка создания арабского единства кончилась, провалом, Насер пытался восстановить свои позиции внутри страны и лидерство за ее пределами, ввязавшись в войну в Йемене.

На первых порах казалось, что свержение в сентябре 1962 года революционными армейскими офицерами самого реакционного в мире правителя имама Йемена открывало перед Насером прекрасные перспективы. Но постепенно выяснилось, что йеменцы не намеревались терпеть господство египтян. На протяжении без малого пяти лет эти суровые примитивные горцы отстаивали свою свободу против 60 тысяч солдат оккупационной армии Насера и, несмотря на то, что египетская реактивная авиация русского производства ежедневно бомбила и обстреливала их беззащитные селения, несмотря на применение Египтом химического оружия и вопреки равнодушию мирового общественного мнения к их судьбе, они продолжали свое сопротивление, пользуясь оружием и деньгами только со стороны Саудовской Аравии. Быстрая победа, на которую рассчитывали египтяне, обернулась для них затяжной и дорогостоящей кампанией.

Участие Насера в этой войне было вызвано как политическими, так и географическими соображениями. В политическом отношении оно явилось не только этапом в его борьбе за лидерство в арабском мире, но было представлено как сражение между силами прогресса и реакции. С географической точки зрения Йемен представлял для Насера интерес, потому что был плацдармом, опираясь на который, Египет мог господствовать над нефтеносными полями района Персидского залива. Несмотря на утверждение Египта, что он несет прогресс Йемену, такие традиционные йеменские методы устрашения, как публичные казни, массовые аресты и конфискации собственности продолжали применяться египтянами в той же мере, что и приверженцами имама.

С начала 1967 года Насер имел возможность спровоцировать конфликт с Израилем в любой момент, сообразуясь со степенью своей готовности к войне. Но и израильтяне не сидели сложа руки. На вооружение их армии поступили 240 истребителей, преимущественно французских "Миражей" и "Мистеров", и 800 танков, главным образом "Центурионов".

* * *

В последние мирные дни египтяне стали свидетелями странного спектакля: фельдмаршал виконт Монтгомери прибыл в страну с недельным визитом, продолжавшимся с 3 по 10 мая. Осенью 1942 года Монтгомери выиграл при Эль-Аламейне одну из решающих битв мировой истории, и египетские офицеры горели желанием услышать его рассказ о стратегии и тактике ведения войны в условиях пустыни. "Монти" прибыл по приглашению командующего египетскими наземными силами в Синае генерала Мортаджи, который сопровождал фельдмаршала в поездках по Каиру и Александрии в первые дни визита. Специальный корреспондент газеты "Таймс" так комментировал прием, оказанный английскому полководцу: "Опытные местные наблюдатели утверждают, что никогда еще не было визитера, к которому относились бы с такой педантичной предупредительностью и вниманием" ("Таймс", 4 мая).

Посещение Монтгомери 7 мая места своей победы и восхваление им египетского правительства и народа наряду с осуждением нападения на Египет в 1956 году, как противоречащего международной морали, явились сенсацией для британской прессы. В конце недели, непосредственно перед своим отъездом, он прочитал цикл лекций египетским офицерам в Высшей военной академии, в которых описал Аламейнское сражение и ответил на множество вопросов, исходивших от людей, которые вскоре попались в роковую ловушку в Синае. Видимо, он давал неверные ответы. Не исключено также, что вопросы были неправильно сформулированы.

Глава вторая.

Закрытие проливов

Все началось со лжи, русской лжи. В начале мая советское правительство передало Каиру информацию о сосредоточении израильских войск на сирийской границе. Две недели спустя в Каир поступили новые и более подробные сведения о концентрации израильских войск силою до 11 бригад на сирийской границе. В действительности в это время в этом районе у израильтян было не больше роты численностью 120 человек, поджидавшей в засаде сирийских диверсантов. Наблюдатели Объединенных Наций, посты которых были расположены вдоль израильско-сирийской границы, подтвердили 19 мая, что они не располагают данными о крупных передвижениях войск^{1[1]}. Очевидно, русские, опасаясь, что израильтяне совершат карательный рейд на Сирию, рекомендовали Насеру сосредоточить свои войска в Синае и тем самым удержать Израиль от нападения. Фактически же русские утверждения были абсолютно вымышленными.

Выступая 9 июля с речью о своей "отставке", президент Насер заявил:

"Все мы знаем, как начался кризис в первой половине мая. У противника имелся план вторжения в Сирию, о чем открыто заявляли израильские политики и командиры. В доказательствах недостатка не было.

Данные наших сирийских братьев и надежная информация, полученная нами самими, не оставляли места для сомнений.

Даже наши друзья в Советском Союзе сообщили нашей парламентской делегации, которая посетила Москву в начале прошлого месяца, что речь шла об определенном замысле. Мы сочли своим долгом не оставаться безучастными".

Кризис, который вызвал войну, назревал уже в течение шести месяцев. В октябре и ноябре 1966 года террористическая организация "Эль-Фатх" усилила свою диверсионную деятельность против Израиля. 4 ноября Сирия и Египет подписали оборонительный пакт. Затем последовали два инцидента, реагируя на которые израильтяне предприняли крупную карательную операцию. 13 ноября крупные израильские силы, поддержанные танками и бронемашинами, пересекли иорданскую границу и атаковали Саму, деревню с 4 тысячами жителей. Согласно отчету У Тана, израильтяне разрушили 125 зданий, школу и больницу. Израиль не питал сильной вражды к иорданцам и предпринял рейд, чтобы продемонстрировать, что он не намерен мириться с использованием иорданской территории террористами "Эль-Фатха". В начале апреля 1967 года израильтяне решили вывести из строя сирийскую артиллерию, обстреливавшую израильских сельскохозяйственных рабочих, занятых на пахотных работах в демилитаризованной зоне около Тивериадского озера^{2[2]}. В разыгравшемся 7 апреля воздушном бою сирийцы

^{1[1]} См. отчет Генерального Секретаря ООН Совету Безопасности 19 мая 8 7879 9: "Отчеты наблюдателей ООН подтвердили отсутствие концентрации и крупных передвижений воинских частей по обеим сторонам линии перемирия".

^{2[2]} Озеро Кинерет

потеряли шесть истребителей типа МИГ, составлявших значительную часть их военной авиации. Убедившись о том, что сирийский террор не ослабевает, израильские лидеры предупредили Сирию о возможности нанесения Израилем нового удара. 10 мая начальник генерального штаба генерал Рабин довел сирийцев до иступления своим заявлением, что его войска могут атаковать Дамаск и свергнуть режим Нуреддина Атасси. Выступая 14 мая в тель-авивском клубе "Яхдав", премьер-министр Леви Эшкол предупредил: "Учитывая, что только за один прошедший месяц имели место 14 инцидентов, мы можем предпринять такие же решительные меры, как 7 апреля".

Очевидно, что по мере нарастания кризиса положение Насера становилось все более затруднительным. В частности, присутствие на египетской территории чрезвычайных войск Объединенных Наций делало его посмешищем в глазах его арабских соперников. Напрашивался также вопрос, почему террористы развивали столь слабую деятельность против Израиля с египетских баз. Насер, считая неотвратимой израильско-сирийскую конфронтацию, хотел заставить замолчать своих критиков и восстановить свой пошатнувшийся авторитет лидера арабского мира. Он оказался вынужденным продемонстрировать реальность своего оборонительного пакта с Сирией, дав некоторые доказательства своей воинственности.

15 мая через Каир прошли крупные силы египетской армии по направлению к Суэцкому каналу. Контролируемые правительством египетские пресса, радио и телевидение сделали это событие достоянием всеобщей гласности. Свежее масло в огонь подлило известие о состоявшемся в тот же день в Иерусалиме военном параде, который проводился израильянами ежегодно по случаю Дня независимости. Израильский сектор Иерусалима считался демилитаризованной зоной. Поэтому, в соответствии с условиями перемирия, в параде не участвовали тяжелые танки и артиллерия, а количество войск было сведено к минимуму. Несмотря на то, что израильяне соблюдали эти условия, арабы утверждали, что те нарушили соглашение о перемирии.

16 мая в 10 часов вечера начальник египетского генерального штаба генерал Фавзи послал следующую телеграмму генералу Рихие:

"Довожу до Вашего сведения, что я дал указание всем вооруженным силам ОАР быть готовыми к операции против Израиля, как только он решит провести какую-либо агрессивную акцию против любой арабской страны. В соответствии с этой инструкцией наши войска уже сосредоточены на наших восточных границах в Синае. Для обеспечения полной безопасности (sic!) всех сил ООН, установивших наблюдательные посты вдоль наших границ, я прошу Вас отдать приказ о немедленном выводе всех этих войск. По этому поводу я дал соответствующие указания нашему командующему войсками восточной зоны. Сообщите мне о выполнении этого требования".

Содержание этой телеграммы было передано на следующий день каирским радио.

Генерал Рихие немедленно передал египетское требование У Тану и отправился спать. Из передач каирского радио 17 мая стало известно, что целью египтян было удаление войск ООН с возможного поля битвы, чтобы они "не пострадали в случае военных действий". Было добавлено, что генерала Рихие просили отвести его войска от границы и сосредоточить их в районе полосы Газы. Войска ООН в Шарм а-Шейхе не упоминались. Получив от Рихие текст телеграммы Фавзи, У Тан пригласил к себе Эль-Куни, египетского представителя при Организации Объединенных Наций, и информировал его, что частичный вывод войск невозможен. У Тан сказал, что от Объединенных Наций нельзя требовать, чтобы они "стояли в стороне", создавая этим условия для возобновления войны между обеими сторонами". Поэтому Насер был поставлен в известность, что он должен требовать полной эвакуации чрезвычайных сил ООН с египетской территории или оставить их на прежних позициях.

Чрезвычайные силы ООН следили за поддержанием мира, выполняя после суэцкого кризиса полицейские функции. Они были размещены здесь по соглашению, заключенному в ноябре 1956 года между президентом Насером и генеральным секретарем ООН Дагом Хаммаршельдом^{3[3]}. Условия договора, преданного гласности, носили двусмысленный характер. В памятной записке, представленной в то время Хаммаршельдом в ООН, утверждалось, что египетское правительство согласилось руководствоваться "доброй волей, приняв резолюцию Генеральной Ассамблеи от 5 ноября 1956 года". Как известно, после отвода войск ООН распространились слухи, что У Тан был связан более конкретным, хотя и не обнародованным соглашением, заключенным между Хаммаршельдом и Насером. Но в момент формирования войск ООН их полномочия казались вполне определенными. Генерал-директор египетского министерства информации полковник Хатем заявил 12 ноября 1956 года, что именно в соответствии с соглашением Объединенные Нации должны были немедленно вывести свои войска из Египта по первому требованию египетского правительства.

Теперь же, когда создалось критическое положение, как реагировал У Тан? Даг Хаммаршельд, его предшественник на посту генерального секретаря, немало размышлял над такой возможностью. Она явилась главной темой его семичасовой беседы с Насером 17 ноября 1956 года.

5 августа 1957 года Хаммаршельд в конфиденциальной памятной записке отметил, что они с Насером пришли к соглашению об обстоятельствах, при которых чрезвычайные силы ООН могут быть эвакуированы. Он утверждал, что Насер дал свое согласие лишь после третьего предупреждения Хаммаршельда, что в случае его отказа от сотрудничества, ООН не замедлит вывести свои войска.

Египет и ООН достигли договоренности о том, что эвакуация должна состояться только после выполнения войсками ООН их "задачи". По словам Хаммаршельда, в случае предъявления Египтом требования удалить войска

^{3[3]} Войска ООН состояли из 978 индусов, 745 канадцев, 579 югославов, 530 шведов, 430 бразильцев, 61 норвежца и 2 датчан.

ООН, "вопрос должен быть немедленно передан на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Если Генеральная Ассамблея признает, что войска выполнили свою миссию, то все в порядке. Если же Генеральная Ассамблея сочтет, что задача выполнена, а Египет, несмотря на это, останется при своем мнении и будет настаивать на эвакуации, то он тем самым нарушит свое соглашение с Организацией Объединенных Наций". Хотя У Тан и указал, что меморандум Хаммаршельда не был официальным документом ООН, вскоре обнаружилось, как далеко отошел У Тан от линии поведения своего предшественника.

В утро войны, в среду, Джонсон получил пожизненный билет на игры Национальной футбольной лиги и затем, проведя час в обществе членов Совета национальной безопасности, официально объявил назначении Макджорджа Банди советником специального комитета СНБ, в состав которого был введен директор ЦРУ Ричард Хелмс. Новый комитет Совета должен был координировать усилия, направленные на прекращение войны и выработку долгосрочной американской политики на Ближнем Востоке путем установления прочных отношений как с Израилем, так и с арабами. Банди был главным советником покойного президента Кеннеди во время кубинского кризиса. После ухода Банди с политической арены в 1966 году его пост специального помощника президента по делам международной безопасности перешел к Уолтеру Росту. Росту приобрел репутацию неизлечимого оптимиста в делах Вьетнама и, являясь одним из ведущих "ястребов", открыто призывал к бомбардировке Ханоя еще до 1965 года, когда Джонсон отправил американские войска в эту страну для участия в военных действиях. Росту разделял мнение, установившееся в государственном департаменте, что другие очаги напряженности в мире не должны отвлекать внимания США от Вьетнама.

Брат Росту Юджин — второй человек после Дина Раска в государственном департаменте — также был настроен довольно оптимистически. До самого начала войны существовала твердая уверенность, что положение, создавшееся в результате ввода египетских войск в Шарм а-Шейх и район Акабского залива может быть изменено к лучшему путем принятия многосторонней декларации морских держав.

Подобно другим советникам президента, братья Росту возражали против принятия Соединенными Штатами новых военных обязательств. Когда вспыхнула война, многие младшие чиновники государственного департамента с горечью вспоминали о том, что никто не прислушался к их прежним предостережениям. В таких сигналах недостатка не было. Не последним среди предостерегавших был Давид Нес, тогдашний заместитель главы американкой миссии в Каире. Он был убежден, что уже в январе Насер намеревался пойти на открытый конфликт с Израилем и Западом. Нес даже написал сенатору Фулбрайту, настаивая на срочном назначении американского посла в Каир. Но пост посла оставался вакантным в течение всех трех месяцев, предшествовавших кризису. Являясь поверенным в делах и не испытывая ни малейшего сомнения в том, что конфликт неизбежен, Нес даже разработал план эвакуации американских граждан. Наконец, посол был

назначен: им стал Ричард Нолт. По прибытии в Каир 21 мая в ответ на вопросы журналистов Нолт воскликнул: "Какой кризис?". Нес считал, что Нолт не подходил для этой работы. События показали, что администрация Джонсона нуждалась в лучшем аппарате, чтобы не дать конфликту перерасти в войну.

Заявление Джонсона о том, что американцы будут действовать как в рамках Объединенных Наций, так и вне этой организации, было истолковано как намек на то, что они попытаются договориться непосредственно с Россией. Но в этом случае им предстояло вычистить настоящие авгиевы конюшни. Бесспорно, что отношение США к Насеру отличалось с давних пор непоследовательностью. Ирония заключалась в том, что в те старые времена, когда Насер и его хунта независимых офицеров, номинально возглавлявшаяся генералом Нагибом, прогнала короля Фарука, руку дружбы Насеру протянуло ЦРУ.

Человек, который сделал больше кого-либо из американцев для укрепления позиции Насера, был Кермит Рузвельт, вице-президент "Галф ойл" и бывший сотрудник ЦРУ. Он также участвовал в свержении иранского премьера Мосаддыка в 1952 году. Рузвельт устроил в Каире Майлса Копленда, которого Би-би-си представила 7 июля в своей программе "За 24 часа" как "бывшего американского дипломата на Ближнем Востоке и близкого друга президента Насера". Копленд, бюро которого находилось по соседству с кабинетом египетского президента, служил в качестве американского "советника" в те дни, когда Насер, отстранив Нагиба и возглавив Верховный революционный совет, стал управлять Египтом из дворца на острове Гезира, расположенного рядом с причалом королевских яхт.

Задолго до поражения британской дипломатии в 1956 году американцы перестали сотрудничать с Англией на Ближнем Востоке. Очевидно, они исходили из необходимости выработать новый политический курс, который отличался бы от английского. После Суэцкой кампании, когда престиж Великобритании в районе мира, разумеется, сильно пошатнулся, у Америки появились основания не доверять английским экспертам по Ближнему Востоку. Многих неудач удалось бы избежать, если бы Великобритания и Америка выступали единым фронтом. Отсутствием согласованности в политике обеих держав в отношении Египта и Ближнего Востока объясняется в немалой мере то, что сэр Антони Иден был вынужден действовать с излишней горячностью и на собственный страх и риск. Немало затруднений вызвала решимость ЦРУ проявить самостоятельность, отказавшись от тесного сотрудничества с государственным департаментом. Поскольку оба американских ведомства преследовали, независимо друг от друга, одни и те же внешнеполитические цели без четких директив от президента, разграничивающих их обязанности, то результаты, конечно, оказались плачевными.

В конце концов Насер порвал с США после окончательного отказа в 1956 году Джона Фостера Даллеса, государственного секретаря в правительстве Эйзенхауэра, финансировать строительство Асуанской

плотины. Решение Даллеса сыграло фатальную роль, побудив Насера национализировать Суэцкий канал — шаг, который неуклонно привел к англо-франко-израильскому нападению на Египет в ноябре того же года. Американцы осудили суэцкую интервенцию и снова начали обхаживать Насера. Американские акции в Каире снова поднялись, достигнув вершины в 1963 году, тогда как влияние русских постепенно уменьшалось, несмотря на то, что они приступили к строительству высотной Асуанской плотины. В период президентства Кеннеди Насер и американский президент состояли в дружеской личной переписке. Насер был силой, с которой следовало считаться, и его поэтому всячески умиротворяли.

С приходом к власти Джонсона в американо-египетских отношениях снова наступило охлаждение. В американских политических кругах утвердилось мнение, что следует оказывать поддержку арабским нефтяным шейхам, которые изображались как "умеренные". В результате этого в июне 1966 года состоялся государственный визит короля Саудовской Аравии Фейсала в США. Во время своего визита Фейсал предостерег президента Джонсона, указав, что арабы обеспокоены американской политикой на Ближнем Востоке. Фейсал, если верить сведениям, исходившим из его окружения, был особенно озабочен невероятным, по его мнению, отсутствием заинтересованности Вашингтона в обороте, какой могли принять события после 1969 года, когда Великобритания объявит о своем решении оставить Аден. Он заявил Джонсону, что Насер утратил свободу действия, задолжав русским огромные суммы за военную технику. К тому же Насер не в состоянии выправить свой торговый баланс поставками товаров из-за войны против йеменских роялистов и в связи с уничтожением урожая хлопчатника сельскохозяйственными вредителями.

В 1966 году Насер окончательно порвал с США после их отказа поставить Египту пшеницу.

Египтяне не стали дожидаться формального ответа У Тана. 17 мая в 8 часов утра по гринвичскому времени они уже занимали югославские наблюдательные посты вдоль границы. У Тан упустил время, чтобы настоять на неприкосновенности войск ООН. В Каире Махмуд Риад вызвал послов всех семи стран, направивших свои войска в состав чрезвычайных сил ООН, и потребовал вывода этими странами своих контингентов. Он получил немедленное согласие Югославии и Индии.

В тот же день в Нью-Йорке постоянные представители Индии и Югославии в ООН разъяснили У Тану, что они вывели свои контингенты по первому требованию Насера, ибо не намерены нарушать суверенитет Египта. Хотя У Тан провел много часов с представителями стран, предоставивших в распоряжение ООН свои войска, никакого соглашения достигнуто не было. Тем временем в Египте происходил распад этих сил.

18 мая, вскоре после полудня (по гринвичскому времени), египтяне приказали отряду из 32 солдат ООН, занимавшему наблюдательные посты в Шарм а-Шейхе, эвакуироваться в течение 15 минут. Но только в 4 часа дня до сведения У Тана было доведено следующее официальное египетское требование:

Правительство Объединенной Арабской Республики имеет честь сообщить Вашему Превосходительству, что оно решило положить конец присутствию чрезвычайных войск Объединенных Наций на территории Объединенной Арабской Республики и полосы Газы. Поэтому я прошу Вас принять необходимые меры для удаления в кратчайший срок войск ООН.

По мнению У Тана, единственное, что ему оставалось, — это составить официальную ноту Риаду. В ноте просто сообщалось, что он отдал необходимые указания чрезвычайным войскам ООН "осуществить безотлагательно их организованную эвакуацию с автомашинами, оснащением и всем имуществом, принадлежащим им". Однако он предостерег египтян:

Независимо от мотивов, которыми Вы руководствовались в своих действиях, я хочу со всей откровенностью указать Вам, что они внушают мне серьезные опасения, поскольку, как отмечено в моих ежегодных отчетах Генеральной Ассамблее о чрезвычайных войсках ООН, я считаю эти войска важным фактором поддержания мира.

19 мая У Тан заявил Генеральной Ассамблее, что он получил египетский ультиматум и что войска были эвакуированы безотлагательно. На кратковременной церемонии, состоявшейся в тот же день в Газе, бело-голубой флаг Объединенных Наций был спущен, и чрезвычайные силы ООН бесславно и внезапно прекратили свое существование.

Канадское правительство, направившее 800 своих солдат на Ближний Восток, выразило величайшее недовольство поспешностью, с которой действовал У Тан. Как это ни странно, ни Англия, ни Соединенные Штаты не потребовали созыва Совета Безопасности. В конце концов этот вопрос был включен в повестку дня по требованию канадцев и датчан.

Хотя У Тан считал абсолютно безупречным свое поведение с самого начала кризиса, американские обвинения, что он не сделал всего что мог, чтобы помешать роспуску чрезвычайных войск ООН, очевидно тяготили его. Ровно через месяц после этого события он опубликовал меморандум на 32 страницах в оправдание своего поведения. Его главный тезис заключался в том, что египтяне лишили войска ООН свободы действия еще до предъявления формального требования об их выводе. Он также объяснил, почему было проведено так мало консультаций. По словам У Тана, он не созвал Совета Безопасности, так как между его членами не было единства, и не созвал Генеральной Ассамблеи, потому что она не смогла бы действовать "оперативно".

Вечером 19 мая израильское официальное лицо заявило в Тель-Авиве:

Израиль может поставить вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, так как присутствие чрезвычайных сил ООН в этом районе основывалось на резолюции Генеральной Ассамблеи и не может быть аннулировано в одностороннем порядке.

Во время своей 45-минутной встречи в Нью-Йорке с У Таном представитель Соединенных Штатов в ООН господин Гольдберг обещал оказать полную поддержку "любому мероприятию Объединенных Наций, направленному на сохранение мира". Впоследствии он публично выразил

"глубокую озабоченность" в связи с нарастанием напряженности в этом районе.

Вероятно, никто не был удивлен больше Насера, когда У Тан, даже не проконсультировавшись с Советом Безопасности или Генеральной Ассамблеей, немедленно выполнил все его требования.

Отношение русских к чрезвычайным силам ООН также могло оказать влияние на решение У Тана вывести войска. Россия упорно отказывалась дать хотя рубль на их содержание и никогда не упускала случая представить их как ширму для деятельности Центрального разведывательного управления США.

В пятницу 19 мая, за полчаса до начала своего давно запланированного визита в Россию, Браун^{4[4]} объявил об отсрочке этой поездки. Это решение сделало его мишенью яростных нападок на страницах газеты Сесилия Хармсворта-Кинга "Санди миррор". "Миррор" перепечатала из "Санди телеграф" историю давностью в несколько недель о бестактном поведении Брауна в обществе. Статья задает три вопроса:

1. Какие основания имеются у министра иностранных дел считать, что тот ничтожный вклад который он лично может внести в дело ослабления напряженности на границе между Израилем и Египтом, более важен, чем крайне необходимые переговоры, или, говоря иначе, крайне необходимое ознакомление с русской точкой зрения по вьетнамскому вопросу при встрече с господином Косыгиным в Москве?

2. Была ли поездка мистера Брауна в СССР неумышленно отсрочена или отменена?

3. Когда министерство иностранных дел или лично мистер Браун намерены сделать полное и недвусмысленное заявление о мотивах курьезного изменения планов министра?

В субботу 20 мая Израиль провел частичную мобилизацию своих резервистов, и в Каире заместитель командующего египетскими вооруженными силами маршал Амер, совершив инспекционную поездку в район, который после эвакуации чрезвычайных войск ООН был занят войсками Египта и Армии освобождения Палестины, также издал приказ о призыве резервистов.

Правительство Индии благожелательно встретило меры Насера. 21 мая в газете "Декан геральд" было опубликовано сообщение, что премьер-министр Индии Индира Ганди заявила о полной поддержке президента Насера и арабов вообще в их приготовлениях для оказания помощи Сирии.

В понедельник 22 мая Египет объявил о закрытии Тиранских проливов для израильских судов. Президент Насер сообщил, что ОАР закрыл Акабский залив для израильских судов, а также для неизраильских, поставляющих в Израиль стратегические материалы. "Израильский флаг больше не будет развеваться над Акабским заливом: наш суверенитет над заливом неоспорим. Если Израиль грозит нам войной, то мы отвечаем: "Добро пожаловать".

^{4[4]} Министр иностранных дел Великобритании.

Во вторник 23 мая Эшкол, выступая в Кнесете в Иерусалиме, сказал, что помехи, чинимые израильскому судоходству в Тиранских проливах, будут рассматриваться как акт войны.

В тот же день президент Джонсон заявил, что египетская блокада является незаконным актом и что Соединенные Штаты полны решимости гарантировать территориальную целостность всех стран Ближнего Востока. Далее он добавил: "Мы обескуражены поспешной эвакуацией войск ООН, предпринятой без ведома Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности". Он подтвердил, что направил личное послание Косыгину в конце прошлой недели с призывом сотрудничать с Соединенными Штатами с тем, чтобы склонить арабов и израильтян к сдержанности, и что Артур Гольдберг должен был, согласно полученным инструкциям, обратить внимание русского делегата в ООН Федоренко на стремление Америки избежать конфронтации с Россией.

В воскресенье У Тан объявил о своей предстоящей поездке в Каир. Он прибыл в Египет во вторник и присутствовал на обеде, данном в его честь министром иностранных дел. Насер принял его только в среду.

Британские военные корабли в Средиземном море были приведены в состояние боевой готовности, и кабинет принял решение немедленно направить полномочного посланника министерства иностранных дел мистера Джорджа Томсона в Вашингтон и Нью-Йорк. Браун, снова отложивший на несколько часов свою поездку в Россию, чтобы присутствовать на специальном заседании кабинета, отбыл, наконец, в Москву.

Он уезжал под аккомпанемент аргументированной защиты на страницах газеты "Гардиан":

Лишившись своих буферных войск, У Тан поступает разумно, отправившись в Каир — место, где он может с успехом оказать сдерживающее влияние на нарастающий ближневосточный кризис. Подобным же образом нам также представился теперь счастливый случай оказать влияние на ход событий путем переговоров с русскими, которые в немалой мере ответственны за подготовку Египта и Сирии к войне. Если бы Браун отправился в Советский Союз до конца этой недели, он оказался бы вне событий и вернулся бы из Москвы как турист. Теперь же он должен нанести в эту столицу более кратковременный и более деловой визит.

В то же время, выступая во вторник 23 мая в Гастингсе, лидер тори мистер Эдвард Хит призвал британское правительство занять недвусмысленную позицию и попытаться добиться возобновления эффективного присутствия Объединенных Наций на израильско-египетской границе. Он заявил также: "Объединенные Нации, очевидно, примирились без обсуждения с выводом войск, поддерживавших видимость мира... Но требование Объединенной Арабской Республики не должно было ни при каких обстоятельствах быть принято без рассмотрения его Советом Безопасности и, в случае необходимости, Ассамблеей". В заключение он сказал: "Теперь британское правительство должно без промедления потребовать срочного созыва Совета Безопасности". В тот же вечер Хит и сэр Алек Дуглас-Хьюм навестили премьер-министра на Даунинг-стрит и

попросили его разъяснить, какие шаги собирается предпринять правительство, чтобы утвердить свои права в районе залива, и какую позицию оно занимает в вопросах британского судоходства. В ту ночь Хит снова говорил в Доркинге. Он заявил, что одних слов недостаточно для утверждения наших прав. Премьер-министр должен перейти к делу и его долг показать, что он располагает необходимыми средствами для обеспечения британских прав.

Сэр Алек Дуглас-Хьюм также выступил в тот вечер в Букингеме: "Соединенные Штаты уже заявили, что воды Акабского залива должны считаться международными. Это справедливо. В 1956 году американцы еще не осознали необходимости пресечения египетских экспансионистских устремлений. Они поняли это теперь, и следует оказать им полную поддержку в их решимости добиться торжества международного права".

На другой день, 24 мая, премьер-министр отправился на вертолете в Маргейт для участия в ежегодной конференции тред-юнионов электриков. Он воспользовался случаем, чтобы вновь подтвердить право свободного плавания всех британских судов в Тиранских проливах в соответствии с законами о международных морских путях. Он добавил, что Англия готова "присоединиться к другим странам для обеспечения всеобщего признания этого права". Но, что еще важнее, премьер-министр обосновал свои взгляды ссылкой на заявление, сделанное Алланом Ноблем в бытность его делегатом консервативного правительства на сессии Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций 1 марта 1957 года, после провала Суэцкой кампании. Наибольшее значение представляют следующие слова Нобля: "Правительство Ее Величества настаивает на праве свободного плавания всех британских судов в водах Акабского залива и готово объединиться с другими странами, чтобы добиться признания этого права всеми странами". К этому премьер-министр добавил: "На его слова откликнулись делегаты, представляющие главные морские державы. Декларация, сделанная тогда (Ноблем), продолжает соответствовать точке зрения и политическому курсу правительства Ее Величества, и мы окажем содействие и поддержку международной акции, которая обеспечит право свободного судоходства".

Общественное мнение Англии в основном склонялось в сторону Израиля, и взгляды наиболее образованных кругов нашли свое полное выражение в передовой статье газеты "Таймс", озаглавленной "Закон и залив".

Притязание Египта осуществлять полный контроль над судами, проходящими через Тиранские проливы, затрагивают один из самых чувствительных нервов Израиля как суверенного национального государства. Самой северной точкой Акабского залива является Эйлат, единственный израильский порт, связывающий страну с Востоком и тем самым с главными поставщиками нефти. Западное побережье Акабского залива находится под властью Египта, восточное — под властью Саудовской Аравии, северное побережье — в руках Иордании и Израиля. Длина залива 100 миль, ширина 17-20 миль. Благодаря узости Тиранского пролива, доступ к которому блокируется островами, египтяне могут осуществлять контроль над судами,

плавающими по этому морскому пути, утверждая свои права над территориальными водами у входа в залив.

Осуществление такого контроля над жизненно важной артерией другого государства с давних пор должно было основываться на принципах международного права. Наиболее известным примером, который считается классическим с точки зрения географии, был случай с прохождением судов в Черное море через Дарданеллы и Босфор. Эти знаменитые проливы оказались под турецким контролем после занятия Константинополя турками в 1453 году, но соглашение, предоставлявшее русским судам право свободного плавания в проливах, было достигнуто только в 1774 году, когда Екатерина Великая установила русское господство над северным побережьем Черного моря. Затем начался период переговоров об условиях плавания в этих водах, в особенности для военных кораблей. Серия договоров, которые были заключены на протяжении всего XIX века с учетом интересов крупных стран, привела к расширению принципов свободного судоходства и устранению угрозы господства одной страны над другой благодаря лишь географической случайности. После распада Османской империи вопрос о свободе судоходства в проливах оказался в компетенции международной комиссии. Впоследствии режим в проливах был определен Лозаннским договором 1923 года и конвенцией Монте-Негро 1936 года, которые остаются в силе и по сей день.

На Тиранские проливы и Акабский залив распространяется то же правило, и они представляют такой же случай в международном морском праве, что и Дарданеллы и Босфор. Предметом конвенции о территориальных водах и прилегающей к ним зоне, принятой в Женеве в 1958 году после обсуждения ее всеми заинтересованными странами, был вопрос о признании свободы мореплавания и о гарантировании этой свободы. В одной статье этой конвенции говорится, что запрещается чинить препятствия плаванию иностранных судов с мирными целями в проливах, которые открыты для международной навигации, или между одним пунктом в открытом море и другим пунктом в открытом море, или в территориальных водах суверенного государства.

Египтяне выдвинули несколько возражений против этого положения. Так как другая статья конвенции определяет плавание судов с мирными целями как акт, который "не наносит ущерба миру, порядку или безопасности прибрежного государства", то египтяне возражают против провоза по этому морскому пути^{5[5]} израильских стратегических грузов. Этот аргумент дополняется другим: Египет подписал, но не ратифицировал Женевскую конвенцию. Третье возражение заключается в том, что если исходить из международного права, согласно которому граница территориальных вод проходит в 12 милях от побережья, то залив является территориальными водами и не может считаться, согласно формуле конвенции 1958 года, открытым морем. Наконец, имеется аргумент, заключающий в себе все

^{5[5]} Тиранские проливы и Акабский залив.

остальные возражения: Египет находится в состоянии войны с Израилем и не связан более каким-либо соглашением о свободе судоходства.

Некоторые из этих доводов несостоятельны с точки зрения права. Все они противоречат принятому во всем мире принципу свободы судоходства, который должен соблюдаться независимо от того, какого мнения о кризисе придерживается одна из стран. Довод, что залив является территориальными водами, не принимается во внимание в международном праве в случае существования нескольких прибрежных стран: израильский порт Эйлат должен пользоваться теми же правами, что и соседний с ним иорданский порт Акаба. Утверждение Египта, что он находится в состоянии войны с Израилем, противоречит резолюции Совета Безопасности, отметившей прогресс в соблюдении израильско-египетского перемирия и констатировавшей, что, хотя и не достигнуто общее урегулирование, перемирие должно рассматриваться как постоянное соглашение о прекращении состояния войны. Египет не настаивает на своих правах воюющей стороны в отношении какого-либо другого порта или каким-либо иным образом. Наконец конвенция должна соблюдаться потому, что она была ратифицирована 22 странами, в числе которых были Соединенные Штаты, Россия и Англия, а также потому, что она опирается на результаты, достигнутые в ходе двухвековой эволюции международных отношений.

Признание египетских прав в Тиранских проливах означало бы отступление от общепризнанного принципа. Имеется не только прецедент с Турцией и признанием России, Румынии и Болгарии средиземноморскими державами. Балтийское море также может быть закрыто для свободной навигации, если Швеция и Дания пожелают прибегнуть к аргументам, основывающимся на географии, как Египет в случае с Тиранскими проливами. Настаивая на принципе свободы судоходства в заливе, Израиль, Англия и Соединенные Штаты опираются на международное право.

Нельзя, однако, отрицать, что египтяне имели сильный юридический козырь. К несчастью, нет беспристрастного международного трибунала, который мог бы вынести решение по этому вопросу.

Египетская позиция была искусно аргументирована Талибом эль-Шибабом, делегатом Лиги арабских стран от Египта, в его письме в "Таймс" 29 мая, в котором он привел четыре довольно убедительных довода, обосновавших египетскую точку зрения:

1. Распространение Израилем своего суверенитета на прибрежные воды Акабского залива явилось прямым результатом агрессии этой страны и неподчинением плану ООН 1947 года о разделе Палестины. Захват Израилем порта Эйлат служит примером израильской политики военной экспансии, находящейся в противоречии с уставом ООН.

2. Ширина устья Акабского залива меньше 9 миль и не превышает 12-мильной зоны территориальных вод, принятой в морском праве. Считая себя находящимся в состоянии войны с Израилем Египет на законном основании запрещал до 1956 года израильским судам проход через Тиранские проливы. Изменение этого положения после 1956 года явилось результатом агрессивной Суэцкой кампании, направленной против Египта, которая была

недвусмысленно осуждена ООН и последствия которой должны быть ликвидированы. Бесспорно, что сохранение агрессором плодов агрессии несовместимо с нормами международного права.

3. Израиль постоянно попирает резолюции ООН и препятствовал усилиям этой международной организации, направленным на поддержание мира. Он отказался в 1957 году разместить войска ООН на своей стороне границы и бойкотировал с того времени работу смешанной комиссии ООН по соблюдению соглашения о прекращении огня на израильско-египетской границе.

4. Вооруженные нападения Израиля на ряд соседних арабских стран, за что он шесть раз был осужден Советом Безопасности, служат доказательством того, что он следует в своей политике закону джунглей. Его стремление заручиться симпатией в качестве страны, руководствующейся в своей политике законностью и международным правом, служит доказательством его беззащитного цинизма.

В среду 24 мая Англия и Соединенные Штаты пришли к соглашению, что Акабский залив должен быть вновь открыт для международного судоходства. В их совместном заявлении говорилось, что "не следует исключать возможности военной акции" и что американский VI флот переведен в восточное Средиземноморье с целью подкрепления дипломатических усилий, предпринимаемых для открытия залива. Египет объявил о начале блокады, о минировании вод и о приведении в состояние готовности своих воздушных и морских сил. Сообщалось также о приведении в боевую готовность и об укомплектовании расчетами береговых батарей. По требованию Дании и Канады состоялось экстренное заседание Совета Безопасности "для рассмотрения чрезвычайно серьезной ситуации на Ближнем Востоке, угрожающей международному миру и безопасности". На этом заседании русские потребовали вывода американского и английского флотов из Средиземного моря. Амманское радио передало правительственное сообщение о том, что вооруженные силы Саудовской Аравии и Ирака с согласия Аммана вступят в Иорданию "для защиты страны".

Английскому авианосцу "Викториас", возвращавшемуся через Средиземное море с Дальнего Востока на родину, был отдан приказ бросить якорь у берегов Мальты.

Между тем в четверг 25 мая наметились признаки усиливающегося давления на израильского премьер-министра Эшкола, чтобы побудить Израиль "выступить в одиночку". Президент Джонсон вылетел в Канаду с однодневным визитом для обсуждения положения с Лестером Пирсоном. В тот же день египетский военный министр в сопровождении делегации из десяти человек прибыл в Москву для ведения переговоров о русской моральной и материальной поддержке и был принят советским министром обороны маршалом Гречко.

За день до этого израильский министр иностранных дел господин Эвен вылетел через Париж и Лондон в Вашингтон, чтобы встретиться с президентом Джонсоном и выступить перед Советом Безопасности

Объединенных Наций. В Париже генерал де Голль предложил организовать встречу глав четырех держав. Американское правительство поддержало этот план, тогда как русские, как стало известно на следующий день, отклонили его. Эвен прибыл в Вашингтон 25 мая для ведения переговоров с государственным секретарем Дином Раском. Перед своим вылетом из Лондона он сказал репортерам, что цель его визита — "вернуться домой с ясным представлением о том, намереваются ли страны, которые торжественно обязались осуществлять право на свободное судоходство в Тиранских проливах, выполнить свою декларацию". Акабский залив, по словам Эвена, представляет жизненно важный интерес для Израиля. Он подчеркнул, что через Эйлат проходит вся импортируемая Израилем нефть.

26 мая, заставив Эвена прождать почти весь день, Джонсон, наконец, принял его. Президент был приведен в замешательство, когда Эвен извлек из своего портфеля пачку документов, которые, по мнению израильтян, свидетельствовали о готовности Соединенных Штатов поддерживать принцип "свободного и мирного прохода" судов через Акабский залив. Среди этих бумаг был набросок речи, произнесенной непосредственной предшественницей Эвена Голдой Меир на сессии Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций 1 марта 1957 года. В этом выступлении излагались условия, на которых Израиль согласился покинуть Шарм а-Шейх. Из этого документа следовало со всей очевидностью, что Израиль сочтет помехи, чинимые своему судоходству в Тиранских проливах, достаточным основанием "для осуществления своего суверенного права на самооборону". Текст был подготовлен Эвеном, тогдашним послом Израиля в Вашингтоне, и Джоном Фостером Даллесом и содержал собственноручные поправки Даллеса. Более того, речь, произнесенная Голдой Меир, встретила благожелательный отклик Кабота Лоджа, тогдашнего главного делегата США в ООН.

Во время их 85-минутной беседы Эвен напомнил Джонсону о высказываниях самого Джонсона по этому вопросу. В 1956-57 годах, будучи лидером демократов в сенате, Джонсон был ревностным сторонником Израиля. Он горячо критиковал Даллеса за одну только мысль о наложении экономических санкций на Израиль, если тот откажется вывести войска из района кризиса.

В ходе переговоров с Эвеном Джонсон бурно выражал свои симпатии к Израилю: "Я хочу увидеть, как небольшой бело-голубой флаг будет снова реять в этих проливах". Но от принятия на себя определенных обязательств он уклонился. Его положение внутри страны было трудным. Он ограничился заявлением от 23 мая, что Тиранские проливы являются международным морским путем. Отказ осудить блокаду навлек бы на него нападки со стороны произраильских либеральных и консервативных кругов. С другой стороны, он не мог рассчитывать на поддержку какой бы то ни было односторонней акции большинством в конгрессе, которое придерживалось мнения, что Америке достаточно одной войны. Джонсон сказал Эвену, что Соединенные Штаты могут прийти на помощь Израилю только после принятия конгрессом соответствующей резолюции, и Эвен, который долгие

годы был израильским послом в Вашингтоне, не сомневался, что резолюцию можно провести только после затяжной борьбы, в продолжение которой военная обстановка становилась бы с каждым днем все менее благоприятной для Израиля.

Джонсон, очевидно, избрал тактику хладнокровного выжидания и стремился, прежде всего, уклониться от конфронтации с Советским Союзом. Ответ, переданный русским представителем в ООН своему американскому коллеге Артуру Голдбергу и американскому послу в Москве Левеллину Томпсону, был умеренно обнадеживающим. Но в этом ответе невозможно было усмотреть шанс на выработку совместного американо-русского подхода к вопросу. Поэтому целью усилий Линдона Джонсона и Гарольда Вильсона было составление декларации морских держав, в которой было бы подтверждено право на свободное судоходство в Тиранских проливах.

Эвена попросили подождать и дать Вашингтону десять дней или две недели, чтобы подготовить такую декларацию. Но проект с самого начала натолкнулся на препятствия: ни одна морская страна не хотела портить отношения с арабами.

Со своей стороны, Эвен искренне верил, что посредством переговоров можно было кое-чего достичь: уже после начала войны он высказывал в частных беседах мнение, что для международной репутации Израиля немаловажным было испробовать дипломатический путь, даже если он и не привел бы к успеху. В противном случае, утверждал Эвен, Израиль, нанеся он удар сразу же после закрытия проливов, мог быть обвинен в неоправданной поспешности.

27 мая Эвен вернулся в Израиль из Вашингтона. Выступая на пресс-конференции в Париже проездом домой, он сказал: "Я совершил ознакомительную поездку для выяснения отношения трех дружественных правительств к противозаконным мерам, осуществленным Египтом в Тиранских проливах... Само собой разумеется, что мир и противозаконная блокада несовместимы. Я объяснил этот тезис выдающимся французским, английским и американским лидерам. Они представляют три правительства, которые десять лет назад торжественно обязались настаивать на международном характере этого морского пути и осуществлять в нем свое право на свободное и мирное судоходство".

Обсуждалось предложение о создании военной флотилии, предпочтительно под эгидой ООН или, если это оказалось бы невозможным, флотилии морских стран на добровольных началах для прорыва египетской блокады. Обсуждались различные варианты. Один из них предусматривал отправку нефтяного танкера под израильским флагом (но с грузом, который, согласно египетскому определению, считался бы стратегическим) для прохождения через проливы, другой — торгового судна под израильским флагом. Флотилия, которая, несомненно, состояла бы преимущественно из американских и, возможно, британских кораблей, должна была эскортировать суда, направляющиеся в Эйлат через Тиранские проливы. Надеялись, что такая демонстрация силы отобьет у египтян желание открывать огонь. В противном случае флотилия должна была дать так

называемый "проверочный ответ" на египетское действие. Это означало вывод из строя батарей в Шарм а-Шейхе.

За период между встречей Джонсона с Эвеном и поездкой Вильсона на Ближний Восток произошел решительный перелом. 26 мая президент Насер, обращаясь к руководителям панарабской федерации профсоюзов, сказал, что если разразится война, "она будет тотальной и ее цель — уничтожение Израиля. Мы уверены в победе и готовы в настоящее время к войне с Израилем. На этот раз все будет обстоять иначе, чем в 1956 году, когда мы воевали не с Израилем, а с Англией и Францией". Он назвал Соединенные Штаты "главным врагом", а Англию "американским лакеем". Он сказал, что "Вильсон не может сделать шага без ведома Джонсона". Ранее египетский министр по делам религии приказал всем священнослужителям сделать предметом всех своих проповедей в мечетях джихад (священную войну). Следуя полученным указаниям, проповедники должны были внушить своей пастве, что мученическая смерть в священной войне является честью. Все это способствовало разжиганию военной истерии в столице. Даже глава коптской православной церкви в Египте папа Кирилл VI не остался в стороне. Он одобрил все шаги, предпринятые Египтом, чтобы "отвоевать Палестину у тех, кто распял Христа". Сильнее, чем когда-либо раньше, Египет был охвачен ненавистью. Израиль постоянно называли не иначе, как "врагом", и египтяне горели желанием ринуться в бой.

Великие державы были встревожены безрассудством Насера. Казалось, что благоразумие оставило его. После его очередного воинственного заявления президент Джонсон направил ноту египетскому послу в Вашингтоне с призывом к египтянам проявить сдержанность и не открывать первыми огонь. Той же ночью в 3.30 Насер был поднят с постели советским послом, который сделал экстренное заявление. Он настоятельно рекомендовал Насеру не начинать военных действий.

"Вашингтон пост" сообщила 15 июня, что у русских были серьезные причины для беспокойства. Они не только желали избежать конфронтации с США но и были осведомлены о том, что Египет еще не успел провести все военные приготовления. Группа русских советников, инспектировавших египетские аэродромы, обнаружила, что некоторые египетские пилоты много дней не поднимались в воздух. Макеты египетских самолетов можно было легко отличить от настоящих самолетов, сосредоточенных к тому же в одном месте, что делало их хорошей мишенью для израильтян.

У морских экспертов возникли сомнения в способности египтян минировать Тиранские проливы из-за трудностей, связанных с шириной и глубиной этой водной магистрали. Прибытие 25 мая немецкого грузового судна в иорданский порт Акаба подтвердило обоснованность этих сомнений.

Предостерегающие заявления официальных ответственных лиц в Иерусалиме о том, что Израиль имеет право в порядке самообороны положить конец блокаде, если ООН или морские державы уклонятся от действий, укрепили уверенность израильского населения в том, что существующее неопределенное положение не может продолжаться бесконечно.

Уже через два часа после вылета Брауна из Москвы в Лондон в Советском Союзе было опубликовано заявление, содержащее осуждение Израиля за "проведение политики враждебной арабским государствам". Браун также стал объектом критики в прессе. В передовой статье в субботнем номере "Дейли телеграф" за 27 мая говорилось:

Ничего ценного не было достигнуто в результате визита м-ра Брауна в Москву, визита, который дважды откладывался, несмотря на то, что главной темой переговоров был ближневосточный кризис. Ясный смысл того, что было сказано м-ру Брауну и повторено на вчерашней пресс-конференции в Москве, заключается в том, что, по мнению русских, они мало что потеряют и все выиграют от серьезного ослабления, если не полного разгрома, наиболее прозападной страны на Ближнем Востоке, разгрома, который не перерастет в большую войну.

В субботу 27 мая У Тан, который вылетел в Вашингтон в четверг ночью, не сделав какого-либо заявления, представил свой отчет Совету Безопасности. По его словам, президент Насер и д-р Риад заверили его, что Египет не "предпримет наступательных действий против Израиля". Главной целью египтян было "восстановление положения, существовавшего до 1956 года, и полное соблюдение обеими сторонами условий основного соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом".

Из Парижа поступило сообщение, что генерал де Голль направил послание президенту Насеру с призывом проявить умеренность в этой критической ситуации. Ранее Насер восхвалял де Голля за "отказ следовать англо-американскому курсу". Но предостережение генерала де Голля, по видимому, оказало слабое действие. Действительно, в субботу 28 мая на пресс-конференции в Каире Насер угрожал закрыть Суэцкий канал в случае военных действий и вмешательства какой-нибудь третьей страны. Он заявил: "Тиранские проливы являются египетскими территориальными водами, над которыми мы осуществляем наши суверенные права. Ни одна держава, какой бы могущественной она ни была, не может нарушить суверенных прав Египта или ограничить их. Любая такая попытка явится агрессией по отношению к египетскому народу и всем арабам и принесет невообразимый вред агрессорам. Если вспыхнет война с Израилем, условия судоходства в Суэцком канале не претерпят изменений, но в случае интервенции других стран Суэцкий канал перестанет существовать".

В тот же день египетский военный министр Бадран закончил свой четырехдневный визит в Москву, во время которого он вел переговоры с Косыгиным, Громыко и советским министром обороны маршалом Гречко.

У Насера сложилось искаженное представление о ситуации в результате полной неспособности египетской разведки правильно оценить соотношение сил. Маловероятно, чтобы Насер с самого начала кризиса стремился к вооруженному столкновению с Израилем. Но, по словам Абы Эвена, "он напоминал человека, отправившегося в Монте-Карло с 100 фунтами в кармане и поставившего всю сумму на рулетку. Всякий раз, когда выпадал его номер, он становился все более храбрым, чувствуя, что фортуна улыбается ему".

В Каире в течение десяти дней, предшествовавших войне, царила напряженная, но оптимистическая атмосфера. В отличие от населения Израиля, у египтян не было мрачных предчувствий. Хотя египетская армия заняла передовые позиции в Синае, создалось впечатление, что речь идет о словесных препирательствах, и взоры египтян обращены не столько к Израилю, сколько к Англии и Америке. Даже назначение генерала Даяна военным министром не было воспринято как симптом неизбежного столкновения.

О поездке Эвена в западные столицы каирская пресса давала исчерпывающие и сдержанные по тону отчеты. Полагая, что Англия и США обязались возобновить судоходство в Тиранских проливах, египтяне считали эти страны действительными врагами. Проект декларации морских держав вызвал на первых порах озабоченность, которая вскоре сменилась иронией. Серьезные египетские наблюдатели решили, что Насер одержал крупную политическую победу над своими главными противниками — Англией и Соединенными Штатами. Поступившее 4 июня приглашение Захарии Мохиэддину посетить Вашингтон было истолковано как признак миротворческих устремлений Америки.

Другие арабские страны реагировали на кризис угрозами прекратить поставки нефти Англии и Соединенным Штатам, о чем стало известно в конце недели. Как сообщило багдадское радио, иракский кабинет решил запретить экспорт нефти в любую страну, которая поддержит агрессию против какого-либо арабского государства. Кувейт угрожал заморозить англо-американскую нефтяную концессию в случае оказания Западом поддержки Израилю. Англия и Западная Европа очень зависели от поставок арабской нефти. Разработка новых месторождений в Африке не меняло положения радикально, так как новые нефтедобывающие страны — Алжир и Ливия — принадлежали к арабскому миру и блокировались с Египтом. Однако открытие нефтеносных участков в других районах мира снизило эффективность угрозы Насера закрыть Суэцкий канал. В 1956 году больше 80 процентов нефти, ввозимой Западной Европой, проходило через Суэцкий канал. В 1967 году этот процент понизился до 60.

В ночь на понедельник 29 мая на чрезвычайной сессии Совета Безопасности в Нью-Йорке Соединенные Штаты внесли предложение о том, чтобы Египет прекратил на некоторое время блокаду Тиранских проливов, предоставив ООН возможность урегулировать кризис. Однако египетский делегат возразил, что контроль над проливами является историческим правом арабов. Не надеясь собрать необходимое количество голосов, американцы даже не поставили свое предложение на голосование.

В Иерусалиме Эшкол выразил надежду, что Соединенные Штаты, Англия и другие страны не замедлят принять меры для прекращения блокады. По его словам, США и Англия, наряду с другими странами, обязались обеспечить свободу мореплавания в Тиранских проливах, и Израиль "считает своим долгом проверить, насколько тверды эти обязательства. Очень скоро выяснится, чего можно ждать от этих стран". За десять дней до эвакуации чрезвычайных сил ООН израильская армия

впервые после 1956 года приступила к патрулированию границы в районе полосы Газы. Эшкол выступил вскоре после начала перестрелки между арабами и израильцами, которая явилась первым инцидентом такого рода после десятилетней передышки.

29 мая президент Насер предостерег Соединенные Штаты и Англию, что Египет будет считать их своими врагами, если они и дальше будут поддерживать Израиль. Обращаясь к национальному собранию вскоре после передачи ему всей полноты власти, он заявил: "Западные страны умаляют наше достоинство и отказываются признавать наши права. Мы научим их уважать нас... Мы противостояем не Израилю, а тем, кто за ним. Мы противостояем тем, кто создал Израиль". Коснувшись военного положения, он заявил, что "ОАР и ее союзники закончили свои приготовления к освобождению Палестины".

Во вторник 30 мая стало известно, что Россия уведомила турецкое правительство о своем намерении направить в следующую неделю десять военных кораблей через Босфор в Средиземное море. Согласно конвенции Монре 1936 года, военные корабли иностранных государств имеют право проходить через эти проливы, поставив турецкие власти в известность за восемь дней. Незадолго до этого влиятельная каирская газета "Аль-Ахрам" сообщила, что американский танкер под либерийским флагом покинул Тиранские проливы, после предупредительного выстрела по его носовой части. Однако в Вашингтоне и в американском посольстве в Каире заявили, что им ничего не известно о местонахождении какого-либо американского корабля в этом районе.

На пресс-конференции в Иерусалиме г-н Эвен заявил, что Израиль готов признать любое решение, которое обеспечит свободный проход через Тиранские проливы всех судов, но добавил, что следует установить предельный срок "в несколько недель или дней" для дипломатических контактов. Он сказал: "Мы будем действовать в одиночку, если у нас не будет другого выхода, чтобы прорвать блокаду, или сообща с другими, если сможем. Пусть ни у кого не возникает сомнения в решающем характере шага, который Израиль намерен предпринять".

Но самым драматическим событием 30 мая было неожиданное прибытие в Египет короля Иордании Хусейна, который после 6-часовых переговоров в Каире подписал оборонительный пакт с президентом Насером. Этот внезапный поворот событий явился такой же неожиданностью для египетского народа, как и для всего мира. С давних пор оба деятеля были заклятыми врагами. Президент Насер в прошлом часто обвинял Хусейна в предательстве арабского дела.

На следующий день президент Ирака Ареф, ранее отклонивший просьбу Хусейна направить войска в Иорданию, согласился прийти ему на помощь в его противоборстве с Израилем. Иракские войска и танковые части вступили в Иорданию. Левый режим в Сирии, оказавшийся в положении "третьего лишнего" после заключения пакта между Насером и Хусейном, дал волю своему негодованию и заклеймил Иорданию как "очаг предательства".

В Аммане глава Организации освобождения Палестины Ахмед Шукейри заявил, что его армия "возможно и весьма вероятно" сделает первый выстрел. Если арабы, сказал он, овладеют Израилем, то уцелевшим евреям помогут возвратиться в страны их рождения. "Но мне кажется, что никто не уцелеет", — добавил он.

В Германии боннский кабинет пересмотрел свое прежнее решение не поставлять противогазов Израилю. 20 тысяч противогазов должны были быть поставлены в кратчайший срок. Кабинет постановил, что противогазы служат исключительно гуманитарным целям и не являются военным снаряжением, которое НАТО запрещало экспортировать в районы кризиса.

Оборонительный пакт 30 мая, бесспорно, явился событием, побудившим Израиль избрать путь войны. Со стратегической точки зрения союз между Египтом и Иорданией создавал нетерпимое положение для Израиля, который был открыт для нападения в своем наиболее уязвимом месте — "мягком подбрюшнике". Там иорданская территория вклинивалась в Израиль всего в 12 милях от средиземноморского побережья и служила базой для нападения. Согласно условиям оборонительного пакта, начальник египетского штаба в случае войны принимал командование над объединенными силами Иордании и ОАР. Создавались клещи, приводимые в движение из Каира.

Глава третья. Израиль принимает решение

В то время как в Вашингтоне и в Организации Объединенных Наций события развивались медленно, если вообще происходило какое-то движение, на Ближнем Востоке ситуация менялась с большой быстротой. События застигли договаривающиеся стороны врасплох. Пока президент Джонсон и премьер-министр Вильсон рассылали документ, пытаясь заручиться подписями и поддержкой со стороны морских держав для согласованных, возможно, насильственных действий с целью прекращения блокады, проблема проливов, по мере обострения общего кризиса, отступала на второй план. Воспользовавшись тем, что Ближний Восток не был единственным районом, приковавшим к себе внимание мира, арабы осуществили следующие четыре мероприятия, каждое из которых раньше расценивалось Израилем как достаточное основание для начала военных действий: египтяне закрыли проливы, они сконцентрировали свои войска на Синайском полуострове, Хусейн заключил союз с Насером, Ирак ввел свои войска в Иорданию. Мало кто мог представить себе, что возглавляемая Хусейном Иордания окажется под контролем Насера, но это произошло, по крайней мере, в отношении иорданских вооруженных сил. Одно дело — угроза израильскому судоходству и закрытие доступа в Эйлат, другое — прямая и смертельная угроза, нависшая над страной в результате наращивания арабских сил вдоль ее границ.

Израиль, армия которого на 4/5 состояла из резервистов, не мог до бесконечности держать свои войска под ружьем. Уже в конце мая многие магазины и торговые предприятия были закрыты, заводы и фабрики работали с перебоями, некому было убирать урожай. Израиль не мог мириться с подобной ситуацией. Но, с другой стороны, страна не могла понизить степень своей отобюрократизованности, пока существовала угроза внезапного нападения соседних государств. Во всей стране, в особенности в армии, нарастали чувства беспокойства и недовольства. Это был один из тех редких в демократическом обществе случаев, когда общественное мнение смогло эффективно повлиять на правительство, помимо выборов в парламент. Страна требовала принятия решения и желала видеть у кормила власти человека, которого она знала и которому доверяла. В течение многих лет Бен-Гурион, занимавший пост премьер-министра и министра обороны, освобождал израильтян от каких-либо опасений за их безопасность. Теперь же, после 10 лет мира, Израиль столкнулся с кризисом столь же серьезным, как Война за независимость 1948 года, когда каждый сотый израильтянин погиб, защищая свое молодое государство, с провозглашением которого завершилась эпоха еврейских скитаний.

Перед лицом арабской угрозы израильский народ обратил свои взоры на одного человека — генерала Моше Даяна, победителя в Синайской кампании 1956 года. Это был деятель, обладавший знаниями и способностью правильно оценить положение и принять решение. Израильтяне были готовы подчиниться решению Даяна — сражаться или ждать — в полной уверенности, что каким бы оно ни было, в основе его будут веские мотивы.

Даян — израильский герой, карьера которого является предметом национальной гордости. Он родился в Палестине в 1915 году, вступил в Хагану (еврейскую подпольную военную организацию) в возрасте 14 лет и был заключен в тюрьму англичанами за подпольную деятельность в 1939 году. Отсидев в тюрьме вместо десяти лет только один год, он был освобожден и вступил в британскую армию. Он участвовал во Второй мировой войне и в набеге на расположения французских войск Виши в Сирии лишился левого глаза. С тех пор он носит черную повязку, ставшую его опознавательным знаком. В войне Израиля за независимость он был командиром мобильного ударного батальона, но всемирно известной личностью и символом израильского патриотизма он стал в результате победоносной Синайской кампании, которая застала его на посту начальника генерального штаба.

В 1960 году Даян был избран в Кнесет и назначен министром сельского хозяйства в правительстве Бен-Гуриона. В июне 1965 года, когда Бен-Гурион вышел из правящей партии Мапай^[1], возглавляемой Эшколом, и организовал свою малочисленную, но влиятельную группу Рафи, Даян последовал за ним. Шимон Перес, один из ведущих деятелей новой партии, так рисует трудности, с которыми столкнулся Израиль накануне войны: "Необходимо было решить два вопроса: воевать или нет и кто должен нести ответственность за принятие такого решения. В стране и армии нарастало недовольство не потому, что правительство не решалось начать войну, но потому, что оно вообще ни на что не решалось". Рафи была, в основном, партией "ястребов", тогда как "голуби" группировались вокруг Эшкола и Эвена.

Дифференциация внутри страны проходила не только по партийно-политической линии. Существуют значительные расхождения во взглядах между уроженцами страны — сабрами — и теми, кого сабры с оттенком пренебрежения называют "евреями гетто", т. е. беженцами из Европы и уцелевшими узниками нацистских лагерей смерти. Уроженцы Израиля считают, что после двух тысяч лет скитаний среди чужих народов европейские евреи, полагаясь на защиту других, утратили способность сами постоять за себя. Достопримечательными исключениями из этого правила было, разумеется, славное восстание, поднятое польскими евреями в Варшавском гетто, когда они оказали сопротивление превосходящим силам своих нацистских угнетателей. Сабры утверждают, что, когда над Израилем нависает угроза, естественная реакция европейских евреев — обращение за защитой к другим, к западным странам, а не опора на собственные силы. По их мнению, это послужило причиной того, что Израиль в 1956 году полагался на англичан и французов. По этой же причине правительство Эшкола предпочло прибегнуть к помощи Соединенных Штатов и морских держав, чтобы открыть Тиранские проливы, но не решалось с самого начала предпринять решительные действия.

24 мая Шимон Перес стал во главе политической группировки, целью которой было сместить Эшкола. Он заручился поддержкой 50 из 120 депутатов Кнесета. Эшкол — "копия Эттли", по определению "Обсервера", и лидер

^[1] Рабочая партия.

партии Мапай — считался слишком слабым и склонным к миротворчеству деятелем. Перес объединился с Бегиным, лидером блока Гахал^{2[2]}, второй по численности партии в стране, и вступил в союз с религиозными партиями, в том числе с Национально-религиозной партией во главе с Моше-Хаимом Шапирой, который, хотя и входил в правительственную коалицию, предпочел бы видеть во главе кабинета Бен-Гуриона или Даяна.

Бегин посетил Эшкола и предложил ему уступить свое место Бен-Гуриону. Эшкол не обрадовался такой перспективе. Шапира потребовал предоставления Бен-Гуриону, правда, без согласования с ним, поста министра обороны.

Между тем выяснилось, что хотя многие члены партии Мапай стремятся к расширению кабинета, они не потерпят полного устранения Эшкола. Поэтому Бен-Гурион дал понять, что Эшкол будет желательным членом кабинета в любом качестве, кроме премьер-министра или министра обороны.

Эшкол продолжал колебаться. 30 мая Перес сообщил, что Рафи самораспустится и вольется обратно в Мапай, если будет достигнуто общее соглашение. Это предложение значительно улучшило шансы Рафи как договаривающейся стороны, ибо многие приверженцы Мапай приветствовали идею возвращения Рафи в партийное лоно. Это также усилило позиции Рафи на встрече 31 мая с участием Голды Меир, которая решительно возражала против предоставления кому-либо из этой группы сколько-нибудь ответственного, влиятельного поста в правительстве.

Тем временем выяснилось, что Эшкол не откажется в пользу своего предшественника ни от поста премьер-министра, ни от министерства обороны. Поэтому Рафи предложила кандидатуру Моше Даяна от партии Рафи и блока Гахал на этот пост. Такая перестановка вызвала недовольство Бен-Гуриона.

Введение Даяна в правительство стало срочно необходимым после 30 мая, когда король Хусейн вылетел в Каир и подписал военный союз с Насером. Некоторые члены израильского кабинета пытались преуменьшить значение каирской встречи, ссылаясь на то, что аналогичные попытки принимались арабами уже в 1956 и 1964 гг. Но начальник израильской разведки генерал Ярив разъяснил кабинету в ясных выражениях истинный смысл этого пакта. Его опасения подтвердились два дня спустя, когда египетский генерал Риад принял командование над иорданской армией, и ОАР установила свой передовой командный пункт в Аммане.

Переговоры с членами правительства о предоставлении Даяну одного из двух ключевых постов — премьера или министра обороны — продолжались без какого-либо результата в течение всей среды 31 мая. Сам Даян был пессимистически настроен и подавлен. Эшкол был готов ввести его в кабинет, но только в качестве советника, предлагая ему пост заместителя премьера или членство во внутриправительственном комитете по делам обороны, состоявшем из 13 человек. Оба поста были сопряжены с ответственностью без власти. Это было не то, что Даян и руководство Рафи согласны были принять.

^{2[2]} Блок двух правых партий — партии Херут и Либеральной партии.

В ту же ночь Даян встретился с Эшколом и заявил ему, что если тот не может предложить ему ответственный пост в кабинете, например, портфель министра обороны, то он готов служить в любом качестве в армии, подчиняясь начальнику генерального штаба генералу Рабину, предпочитая, однако, должность командующего Южным фронтом.

В среду Эшкол дал свое согласие на назначение Даяна командующим Южным фронтом. В четверг утром деятели Мапай, считая, что с Рафи достигнута договоренность, навестили Шимона Переса и других руководителей Рафи, чтобы поздравить их с возвращением в правительство в результате соглашения, основу которому заложили своими переговорами ночью 31 мая Эшкол и Даян.

Между тем руководство блока Маарах^{3[3]} настаивало на назначении министром обороны Игала Алона. Но это предложение было неприемлемо для многих членов Мапай, поддерживавших кандидатуру Даяна. В полдень 1 июня в доме Бегина состоялась встреча с участием представителей религиозных кругов, и было принято решение потребовать предоставления Даяну поста министра обороны.

В 2 часа дня, в ходе своих консультаций с руководителями блока Гахал, Эшкол предложил кандидатуру Игала Ядина (бывшего начальника генерального штаба, впоследствии профессора археологии Иерусалимского университета) на пост министра обороны. Как Ядин, так и Рафи отклонили это предложение. Ядин понимал, что народ и армию могло удовлетворить только назначение Даяна.

В 3 часа дня в четверг в секретариате Мапай состоялась встреча, на которой выступили 24 человека. Из них 19 поддержали кандидатуру Даяна и только 5 — Алона. В результате переговоров Эшкола с представителями Рафи в 7 часов вечера было принято решение о предоставлении Даяну портфеля министра обороны. Эта встреча продолжалась не более десяти минут. Час спустя руководители Рафи собрались у Бен-Гуриона. После двухчасовой дискуссии Бен-Гурион переменял свое мнение и одобрил назначение Даяна. В 11 часов ночи состоялось заседание кабинета. На нем было вынесено решение о включении в правительство трех новых министров: Даян (министр обороны) и Менахем Бегин (министр без портфеля) были назначены тут же; третий — Иосеф Сапир (также министр без портфеля) был назначен три дня спустя.

Вопрос о том, кто принял решение об открытии военных действий и кому приписать ее успешное ведение, вызвал впоследствии споры в израильских политических кругах. Поклонники Даяна утверждают, что до вхождения Даяна в кабинет не только не было принято решения, но даже не существовало детального плана наступления. Верноподданные Эшкола стремятся создать другое представление.

По словам бригадного генерала Эзера Вейцмана, Даян, став министром обороны, допускал возможность, что решение о выступлении не будет принято вообще. Другие утверждают, что правительство Эшкола было слишком напугано, чтобы принять решение без Даяна.

^{3[3]} Правительственная коалиция левых партий без коммунистов.

Министр иностранных дел Аба Эвен и министр труда Аллон освещают события иначе. Эвен говорит, что решение об открытии военных действий было принято 1 июля. Оно было продиктовано пактом, заключенным между Насером и Хусейном. Алон согласен с этим утверждением. Он указывает, что до подписания этого пакта в правительстве существовал раскол и что большинство надеялось на успех дипломатии. Но после 30 мая стало ясно, что война неизбежна.

Действительность же была более простой, чем ее изображали политические соперники. Даже Перес, верный приверженец Даяна, не сомневался в том, что составило суть дела: "Насер и Хусейн в каирском аэропорту. Это был исторический и решающий поцелуй... Теперь мы были стянуты своего рода кольцом, начиненным русским оружием".

Даян был введен в кабинет, потому что правительство Эшкола не смогло уклониться от двух неотвратимых выводов: у Израиля нет иной альтернативы, как сражаться, и израильскому правительству необходим Даян, потому что этого требует народ и потому что оно нуждается в его знаниях, отваге и оптимизме. Подобно тому, как понадобился Гитлер, чтобы Черчилль стал в 1940 году премьер-министром, так, по словам Даяна, сказанным им незадолго до начала войны, "потребовалось 80 тысяч египетских солдат, чтобы ввести меня в израильский кабинет".

Назначение Даяна вызвало слабые отклики в английских газетах, вышедших на другой день. Предметом местной гордости явились англо-американские дипломатические шаги, предпринятые для обеспечения свободы навигации в заливе. Но 2 июня, когда в Вашингтоне состоялась встреча Гарольда Вильсона с Линдоном Джонсоном, дипломатия уже упустила все свои возможности. Война была решенным делом. Оставался открытым только вопрос о дне ее начала.

* * *

Вооруженные силы, которые оказались под командованием Даяна за неполные 80 часов до начала войны были замечательной и единственной в своем роде военной машиной. Они формировались из сельскохозяйственных рабочих, зеленщиков, водителей такси и состоятельных деловых людей на четыре пятых из резервистов. Тем не менее в деле защиты своей родины это была одна из лучших армий, какие когда-либо видел мир.

В мае 1967 года Израиль располагал 50-60 тысячами солдат, из которых только 10-12 тысяч были кадровыми военными. После всеобщей мобилизации Израиль мог выставить армию в 264 тысячи человек. В Израиле после прохождения действительной военной службы сроком 30 месяцев (до ноября 1966 года — 26 месяцев) военнообязанные переводятся в запас. Они числятся в запасе до 45 лет, после чего подлежат призыву только в гражданскую оборону. Бригадный генерал Шарон, который командовал центральной группой войск в Синае и был командиром бригады парашютистов, захватившей Митле в 1956 году, стал во главе Управления боевой подготовки армии. Офицеры-резервисты должны были ежегодно проходить переподготовку 42-58 дней, сержантский состав — 36 дней и рядовые — 30 дней. Эти сроки могли меняться в зависимости от воинской специальности резервиста. Израиль —

единственная демократическая страна, где женщины подлежат обязательному призыву в армию. Их действительная служба продолжается 18 месяцев. Будучи в резерве, они ежегодно служат: капралы и ниже — 30 дней, сержанты и выше — 42-47 дней. В отличие от войны 1948 года, когда женщины сражались наравне с мужчинами, в 1967 году они служили только во вспомогательных частях. Тем не менее многие из них оказались на передовых линиях и в жесточайших боях были радистками, машинистками в штабах и медицинскими сестрами. Генерал Иоффе, командовавший дивизией в Синае, воздал должное женщинам, служившим в израильских вооруженных силах: "Когда мужчины видят, что женщины наравне с ними страдают от зноя, мошкеры, неудобств и усталости, это побуждает их сражаться и выносить тяготы и лишения войны с еще большей стойкостью".

Далее он сказал: "Я хотел бы подчеркнуть здесь, что бойцы моей дивизии — от ее командира до рядовых — штатские люди, которые надели мундиры только три недели назад. Я сам был штатским в течение двух лет после демобилизации, но должен был уйти из Общества охраны природы, чтобы охранять не природу, а страну. Это обычное явление в Израиле, где сегодня ты солдат, а завтра совсем другое".

Довольно значительная часть израильской армии может быть призвана под ружье в течение одних суток, а для проведения всеобщей мобилизации требуется трое суток. Офицеры и ротные сержанты звонят по телефону или посещают на дому каждого своего бойца, чтобы сообщить ему о призыве на военную службу. Те, кого они не застают дома, должны сами найти дорогу в свои части, и нередко даже люди, находящиеся за границей, делают все возможное, чтобы вернуться на родину. При чрезвычайных обстоятельствах резервистов мобилизуют путем передачи кодовых сигналов по радиостанции "Кол Израэль".

Солдаты каждой части прибывают на свой сборный пункт, оттуда их направляют в базовый лагерь, где им выдают все снаряжение, кроме армейских ботинок, которые они привозят с собой. Каждого танкиста-резервиста — поскольку он принадлежит к роду войск, который первым должен выступить в случае войны, — ожидает его униформа и снаряжение, висящие на крюке с обозначением имени владельца, а также заправленный горючим и находящийся в исправности танк или бронетранспортер. Во время Синайской кампании в некоторых случаях оказалось невозможным обеспечить всех солдат оружием, так как некоторые части были укомплектованы более, чем на 100 процентов. Дело в том, что многие граждане, не мобилизованные в армию из-за своего возраста или в связи с тяжелыми ранениями, полученными ими в предыдущих войнах, явились в свои части с просьбой разрешить им участвовать в военных действиях: по крайней мере, в одной части набралось 100 лишних солдат. Шестидесятилетний мужчина, служивший шофером под началом будущего генерала Иоффе во время Второй мировой войны, когда они оба сражались на стороне англичан в Северной Африке, прибыл в часть и просил не отсылать его назад. Иоффе сказал ему, что если он найдет джип, у него будет работа. Через 24 часа человек вернулся с джипом и вещами, и вопрос был исчерпан.

Израильский генеральный штаб считал Египет своим главным противником, полагая, что будущим театром военных действий явится Южный фронт Израиля и Синайский полуостров. Поэтому планировалось, что в случае кризиса основные силы израильской армии должны развернуться в Негеве вдоль египетско-израильской границы. Израильцы, страна которых отличается небольшими размерами и высокой концентрацией населения, понимали, что они никогда не смогут допустить, чтобы их территория превратилась в поле боя. Они должны были пересечь границу и перенести войну в Синай.

Считая, что Иордания и Сирия, как всегда, представляют гораздо меньшую угрозу, чем Египет, мало кто в Израиле даже за неделю до начала военных действий предвидел возможность вступления Иордании в войну против Израиля, до того как определится ее исход. Согласно плану, израильские войска на сирийском и иорданском фронтах ограничиваются оборонительными действиями, что дает возможность перебросить главные силы на театр военных действий, где разворачиваются решающие бои. Чтобы высвободить всю армию, включая резервистов, для военных действий за пределами самого Израиля, защита территории страны была возложена на гражданскую оборону. Что касается пограничных поселений, то жители кибуцов обязаны были сами заботиться о себе и своих семьях. Каждый кибуц располагал своим собственным арсеналом легкого оружия, но в случае необходимости армия выделяла им минометы и пулеметы и направляла офицера, который выполнял роль советника и командира местного подразделения. Поселения вдоль сирийской границы были особенно уязвимы, ибо они лежали в долине, над которой господствовала горная цепь, крутизна и высота которой увеличивались в восточном направлении. Это давало сирийцам возможность беспрепятственно обстреливать поселения внизу, тогда как израильцы не могли отвечать им тем же. В течение длительного времени на границе царил напряженность.

Женщина, прощаясь со своим мужем утром, когда он выезжал на тракторе обрабатывать поля, лежащие неподалеку от границы или в демилитаризованной зоне, никогда не знала, увидит ли она его снова. Это постоянное чувство страха усиливалось благодаря увеличению числа террористических и диверсионных актов с сирийских баз против Израиля. В случае войны между Израилем и Сирией эти поселения становились беззащитной мишенью для сирийской артиллерии, установленной в бункерах и укреплениях в 10 милях от границы. Эти укрепления сооружались сирийцами свыше 19 лет и были насыщены невероятным количеством наиболее современных орудий, средств противотанковой и защитной обороны, какие только мог поставить Советский Союз. 250 или более стволов могли обрушить на еврейские поселения вдоль границы до 10 тонн снарядов в минуту. Некоторые орудия могли поразить цели, удаленные от границы на 15 миль. В ходе войны строения этих кибуцов были сметены артиллерийским огнем. Вспыхнувшие пожары перекинулись на поля с неубранным урожаем. Несмотря на массированный обстрел, число жертв среди женщин и детей было невелико: сделав выводы из своего прошлого опыта, кибуцники воздвигли бетонные

стены, защищавшие спальные помещения детей, и обкладывали мешками с песком убежища, которые местное население почти не покидало на протяжении всей недели войны. Никогда не возникал вопрос об эвакуации женщин и детей из этих прифронтовых районов, и одним из самых больших достоинств системы израильской территориальной обороны было сознание каждого мужчины в кибуце, что он защищает не только свой очаг и свою землю, но и свою жену и своих детей.

Вывод войск Объединенных Наций создал напряженную обстановку на израильско-египетской границе, в особенности в районе Газы. В результате поездки в кибуц Кфар-Аза, предпринятой после вывода этих сил, выяснилось, что рабочие на полях и солдаты израильской армии, патрулировавшие границу, как правило, каждый день подвергались ружейному и артиллерийскому обстрелу, а за несколько дней до начала войны зажигательные снаряды сожгли на корню 500 акров пшеницы в соседнем кибуце Нахал-Оз.

Одной из самых сильных сторон израильской армии является ее высокая маневренность и отказ от шаблонных приемов, описанных в учебниках тактики. Израильские методы ведения боя предоставляют свободу действия вне рамок общего детального плана. Эти методы были усовершенствованы в ходе войны 1948 года, и их эффективность подтверждена во время Синайской кампании 1956 года. Моше Даян, который был душой израильской победы в 1956 году, и Арик Шарон, командовавший парашютистами, сброшенными на перевал Митле в начале той же Синайской кампании, развили и усовершенствовали современную технику ведения боя.

После 1956 года израильтяне еще больше повысили свою боеспособность, техническую оснащенность и боевую подготовку своих войск. Основной принцип израильской тактики, которому они главным образом обязаны своими быстрыми победами в 1956 и 1967 гг., был сформулирован начальником израильского генерального штаба генералом Рабином в одной из бесед после войны 1967 года. Этот принцип "бронированного кулака" заключается в прорыве бронетанковых сил вглубь вражеской территории и в выведении противника из состояния равновесия без установления твердых коммуникационных линий или линий продвижения, что в течение столетий считалось обязательным во всех учебниках. При Рабине подготовка и эффективность бронетанковых сил были подняты на еще более высокую ступень. Он нес главную ответственность за подготовку бесчисленных отдельных планов, которыми Израиль руководствовался в кампании 1967 года. Ни общего плана, ни кодового обозначения для него не существовало. Это обозначение генштабисты пытались проставить задним числом по окончании кампании. После войны они ломали голову, чтобы придумать какое-либо наименование. Начальник оперативного управления генерального штаба генерал Эзер Вейцман заявил: "У нас был план на каждый случай... даже для захвата Северного полюса. Планы словно кирпичи. Их можно использовать один за другим, чтобы построить здание в зависимости от развития событий. Мы не желали связывать себя предварительным и, следовательно, негибким планом".

Одним из крупнейших достижений Израиля является его способность создать мощную военную машину при очень ограниченных ресурсах, строго руководствуясь приоритетностью каждой задачи. Реформа наземных сил предусматривала создание ударных танковых бригад и моторизацию всей пехоты. "Никто не ходит больше пешком в израильской армии, мы отказались от этого годы назад", — заметил генерал Арик Шарон. В авиации точное установление приоритета в очередности задач сыграло, пожалуй, еще более важную роль, хотя заслуга в поддержании авиации в постоянной боевой готовности и завоевании ею победы в воздухе приписывается командующему ВВС генералу Мордехаю Ходу. Фактически архитектором израильской авиации был в течение довоенного десятилетия ежегодный генерал Эзер Вейцман. Это он использовал все предоставленные ему средства для создания мощной истребительно-бомбардировочной авиации, отказавшись от приобретения значительного количества самолетов-бомбардировщиков. Он считал, что бомбардировщик — это излишняя роскошь для его страны, так как они предназначены для нанесения ударов по гражданским объектам, что не соответствовало интересам Израиля. Он стремился создать авиацию, которая могла бы уничтожить любые силы противника, брошенные против Израиля, и оказать поддержку израильским наземным войскам. Поэтому он сосредоточил свои усилия на создании мощной истребительно-бомбардировочной авиации, добавив к израильскому арсеналу французские "Мистеры", а впоследствии и "Миражи", скорость которых доходила до 1400 миль в час. "Мы всегда исходили из предпосылки, что будем сражаться с лучшей авиацией мира... затем мы убедились, что это было не так", — заметил бригадный генерал Вейцман.

В начале 1967 года израильские ВВС устроили показ для авиационных атташе иностранных посольств в Тель-Авиве. Самолеты типа "Вотур", — израильские истребители-бомбардировщики с самым большим радиусом действия — приземлились и вырулили парами к самой погрузочной площадке. Секундомер был включен в момент, когда самолеты приземлились. Понадобилось семь с половиной минут, чтобы заправить их горючим и кислородом, перезарядить бортовые пушки, подвесить 10 бомб под крыльями и подготовить машины к новому полету. После войны один атташе спросил генерала Хода, сколько времени требуется, чтобы израильский самолет был снова готов к бою. Ход сказал, что атташе сам мог ответить на этот вопрос в начале года. "Но ведь это был только показ", — усомнился атташе. Бесспорно, однако, что это был не только показ. Такая невероятная уплотненность графика полетов, которой мало какая авиация в мире могла похвалиться, явилась важным фактором в израильской победе.

Как среди пилотов, так и среди солдат, изнывавших в Южном Негеве от жары, достигающей 100° по Фаренгейту^{4[4]}, преобладало настроение холодной уверенности в своих силах. Они знали, что численно они уступают противнику; они знали, что их вооружение количественно и качественно уступает вооружению противника. Тем не менее исход войны никогда не

^{4[4]} 38°C

вызывал у них сомнения. В отличие от арабских стран в Израиле за несколько недель до начала военных действий трудно было сыскать человека, открыто призывающего к войне, но была полная уверенность, что Израиль сумеет дать отпор арабам.

Один за другим, без суеты и шума, мужчины и женщины покидали свои рабочие места в городах и деревнях и отправлялись на защиту родины. Их величайшей силой было сознание того, за что они воюют. Каждый человек понимал, что если для арабов поражение означало разгром армии, то для Израиля оно означало прекращение его существования как государства и истребление народа. Один израильский офицер, служивший в британской армии во время Второй мировой войны и участвовавший в Аламейнской битве, так представлял себе последствия израильского поражения: "Это была бы вторая Масада. Если бы египтяне добрались сюда, они бы не застали никого в живых. Я предпочел бы убить свою жену и дочь, чем допустить, чтобы они попали в их руки. И я не знаю никого, кто поступил бы иначе".

* * *

Совершенно случайно во время ближневосточного кризиса Гарольд Вильсон находился в Вашингтоне. Задолго до этого было запланировано посещение им Экспо-67 в Монреале и переговоры с канадским премьер-министром Лестером Пирсоном. Визиты британских премьер-министров в США, предпринимаемые дважды в год для обсуждения текущих дел, стали традицией, и поэтому Вильсон отправился на совершенно обычную встречу, которая не привлекла к себе большого внимания. 15 мая, за две недели до этой поездки, де Голль на конференции в Париже вновь подтвердил, что Франция наложит вето на присоединение Великобритании к Общему рынку в ближайшем будущем. За несколько дней до начала ближневосточного кризиса среди проанглийских элементов в администрации Джонсона преобладало мнение, что было бы лучше, если бы Вильсон вообще не приезжал в Вашингтон. Предполагали, что Вильсон либо сделает оскорбительные замечания о войне во Вьетнаме из желания доказать де Голлю, что он, Вильсон, стал, наконец, хорошим европейцем, либо обойдет этот вопрос молчанием, укрепив этим устоявшееся недоверие французов к англо-американской коалиции.

Не следует забывать, что в то время, особенно после поездки генерала Уэстморленда в Вашингтон и его выступления перед специальной объединенной сессией конгресса о Вьетнаме, Белый дом противился любой попытке ограничить американское участие во вьетнамской войне. Английские парламентарии, в том числе правые лейбористы и некоторые консерваторы (например, Дэвид Хауэл), которые посетили США во время весенних каникул, были удручены непреклонной позицией Белого дома. Хауэл так высказался о Джонсоне после своего свидания с ним: "Он, по-видимому, заменил политику молитвой".

В Вашингтон поступило сообщение из Лондона, что против Вильсона выступили в его партии не только левые, но и деятели с репутацией правых. Они обвиняли его в том, что он продолжает поддерживать США во

вьетнамском вопросе. В августе 1966 года, когда Вильсон приехал в США с очередным визитом, президент обратил его внимание на то, что в своем частном заявлении в палате общин по поводу первой бомбардировки Ханоя он, Вильсон, "отмежевался" от того, с чем никогда не был связан.

Судя по всему, Вильсон наскучил президенту. По-видимому, Джонсон полагал, что Вильсон пытается нажить политический капитал дома, делая вид, что между ними существует политическая близость, тогда как в действительности президент даже не позаботился уведомить Вильсона о том, что состоит в тайной переписке с Хо Ши Мином. Джонсон не возлагал больших надежд на попытки Англии играть роль посредника. Президент был бы рад, если бы эти усилия увенчались успехом, но ему и его администрации такая перспектива представлялась маловероятной.

Англо-американские переговоры не привели к выработке конструктивного плана действий на Ближнем Востоке. После объявления Насером о блокаде Акабского залива Лондон и Вашингтон пытались подготовить декларацию о свободе навигации, подлежащую последующему одобрению морскими державами. Сообщение об этом, сделанное в палате общин 31 мая Джорджем Брауном, было встречено на передних скамьях правительственного большинства аплодисментами. Подводя итог прениям, премьер-министр предостерег палату общин, что для миротворчества остается мало времени. Он добавил: "Одной из предпосылок установления длительного мира является признание за Израилем права на существование".

Он заявил, что Англия оставляет за собой право действовать совместно с другими странами, если Совет Безопасности окажется не в состоянии принять решение. Из этой речи следовало, что, несмотря на ограниченность времени, не предвиделось никаких практических шагов. Была идея предпринять акцию морских держав с целью ослабления блокады в случае отказа Насера от какого-либо компромисса. Но во время встречи Вильсона с Джонсоном этот проект еще находился в начальной стадии.

В пятницу 1 июня, когда Вильсон прибыл из Канады в Вашингтон, ему был оказан торжественный прием. На южной лужайке Белого дома его приветствовали литаврами и залпами, и был выстроен в полном составе почетный караул. Комментатор Эн-би-си Джо Гарш спросил: "Произошла какая-нибудь перемена в наших особых отношениях с Англией? Зачем эти флаги и двадцать один залп?.. Такое впечатление, что мы встречаем короля Патагонии". Он имел в виду, что Белый дом считал более почетным прием без шумихи.

Вильсон провел наедине с Джонсоном два часа перед ужином и имел двухчасовую беседу с президентом и членами его кабинета после ужина. В 4.30 он появился на пресс-конференции в британском посольстве. В течение получаса он не дал ни одного определенного ответа ни на один вопрос, а вечером, отвечая на тост, поднятый Джонсоном в честь королевы, заметил, что уже дважды в продолжение текущей недели говорил о ближневосточном кризисе: в палате общин и на пресс-конференции. "Было важно, — пояснил он, — чтобы я ничего не сказал по этому поводу, и поэтому я ничего не сказал!".

* * *

Дипломатические переговоры тянулись в Вашингтоне, Нью-Йорке и Лондоне, и у израильтян надежда на создание при поддержке США международной флотилии для открытия Тиранских проливов быстро испарилась.

Хотя на начальных стадиях кризиса британское и американское правительства гарантировали свою помощь Израилю в открытии проливов, в июне израильскому руководству стало совершенно ясно, что эти обещания останутся словами. Не только этот факт, принесший разочарование тем израильским министрам, которые продолжали полагаться на переговоры и международную акцию, но и другие события усилили позицию сторонников действия.

Переговоры израильского министра иностранных дел Абы Эвена, сделавшие его мишенью для насмешек и сарказма со стороны многих его соотечественников и даже некоторых коллег по кабинету, способствовали созданию — в результате его 14-дневного непрерывного паломничества в Вашингтон, Лондон, Париж и обратно — такого общественного мнения, при котором Израиль мог нанести решительный удар. Общественное мнение большинства западных столиц склонилось окончательно на сторону израильтян, когда нежелание Израиля приступить к решительным действиям без уверенности в безрезультатности усилий дипломатии было еще сильнее оттенено безрассудным и провокационным поведением Насера. С каждым днем становилось все более очевидным, что дипломатия ничего не добьется и что маловероятно, чтобы правительства Соединенных Штатов и Англии выполнили свои половинчатые обещания. Это способствовало тому, что в Соединенных Штатах и Англии, а также в таких малых странах Европы, как Голландия, сложилось мнение, что они или их правительства не имеют права осуждать Израиль, если он решит сам заняться своими делами.

В конце первой недели июня израильтяне поняли две вещи. Во-первых, что они не навлекут на себя недовольства президента Соединенных Штатов, как в 1956 году. Во-вторых, что Советский Союз не вмешается. Трудно сказать, явились ли эти выводы результатом верной оценки положения израильской разведкой или был получен по неофициальным каналам намек Джонсона. Разумеется, государственный департамент в лице своего посла в Тель-Авиве Уолворта Барбура дал "красный свет" войне. Тем не менее израильтяне чувствовали, что они могут безбоязненно действовать, если того потребует ситуация. Начальник израильской разведки генерал Ярив рисовал обстановку в очень мрачных красках. Дело было не только в том историческом поцелуе, которым обменялись Насер и король Хусейн в каирском аэропорту: израильтянам стало также известно, что египетский генерал Риад прибыл в Амман, чтобы создать там передовой командный пункт, и что иорданские войска переданы под его командование. Помимо этого, в субботу вечером 4 июня авангард иракской пехотной дивизии и подразделение из более 150 танков начали переправу через реку Иордан, продвигаясь на запад. Это накопление иракских войск, которое должно было завершиться в конце недели, создало новую и очень серьезную угрозу Израилю. Полагая, что израильские силы могут эффективно бороться с 800 египетскими танками в Синае,

израильское командование восприняло появление 300-400 дополнительных танков противника в непосредственной близости к основным воздушным базам и населенным центрам своей страны как нетерпимую опасность. Кроме того, египетские летчики стали вести себя слишком нагло. В течение десяти лет, с 1956 года, не наблюдалось ни одного нарушения израильского воздушного пространства египтянами, тогда как только за две недели конфликта произошло не меньше трех инцидентов с египетскими самолетами МИГ-21. Описав полукруг над территорией между Мертвым морем и Эль-Аришем, египтяне пролетели над некоторыми важнейшими авиабазами Израиля и районами сосредоточения основной части израильских бронетанковых сил. Эти полеты производились на высоте 50-60 тысяч футов со скоростью 1,7 мах^{5[5]}. Египтяне находились над территорией Израиля не больше 4 минут, и поэтому их не могли перехватить. Хотя израильтяне знали, что фотоаппаратура на борту МИГов может сделать снимок масштаба 1:150000, их беспокоила растущая самонадеянность египетских пилотов. Они опасались, что египтяне могут осуществить новую, более детальную аэро съемку воздушных баз и военных объектов.

Другой фактор, побуждавший израильтян действовать, заключался в том, что Израиль вновь обрел — это поняли немногие как в Израиле, так и за его пределами — фактор внезапности. Почти все наблюдатели, следившие за развитием кризиса — журналисты, дипломаты и военные эксперты, — считали, что стратегическое положение Израиля сильно ухудшилось с тех пор, как египтяне приступили к концентрации 90-100тысячной армии и 800 танков на Синайском полуострове. За неделю до начала войны израильтяне сетовали в один голос: "Мы упустили свой поезд". Несомненно, что официальный Каир, пережив несколько напряженных и тревожных дней, почувствовал облегчение и решил, что он одержал победу без войны.

При таком положении вещей израильтяне приняли решение нанести удар. На тайном заседании, начавшемся ночью 3 июня и закончившемся утром 4 июня, последние сомнения и колебания были отброшены или преодолены. В воскресенье вечером солдаты и летчики узнали, что на следующее утро начнется война.

Для кабинета, большинство членов которого были штатскими людьми со слабым представлением о военном деле, принять такое решение было мучительно и болезненно. Когда командующий ВВС генерал Ход заявил им, что израильская авиация не допустит бомбардировки противником Тель-Авива и может уничтожить авиацию Египта и любого другого арабского государства, которое вмешается в конфликт, они встретили его слова с недоверием. Так много ходило слухов о новой египетской авиации, личный состав которой был обучен русскими и которая располагала 400 современными реактивными истребителями и бомбардировщиками... Как можно было уничтожить одним ударом такую силу и дать к тому же гарантию, что Тель-Авив не подвергнется бомбардировке? Многим из них мерещились десятки тысяч жертв среди

^{5[5]} Мах — единица измерения скорости самолетов, равная скорости распространения звука в данной среде.

мирного населения. Именно это делало столь трудным принятие решения нанести удар. Но Даян был оптимистом, и введение его в правительство означало, что, наконец, появился министр, глубоко понимавший военное и политическое положение Израиля. Наряду с Вейцманом и Ходом он был одним из немногих, кто знал, что обещания ВВС вполне реальны. Это было, пожалуй, самым решающим вкладом Даяна в победу. Как заметил один старший офицер, "Рабин был начальником штаба Даяна, Даян был главнокомандующим".

Когда в ночь на четверг 1 июня Даян приступил к обязанностям министра обороны, он был уже вполне в курсе всех дел. В течение двух предыдущих недель он, с разрешения премьер-министра и начальника генерального штаба генерала Рабина, был занят инспектированием полевых частей и, в особенности, просмотром с командирами их планов. С четверга до субботней ночи он внес ряд изменений в планы, не отступая от первоначальной концепции кампании. Эта концепция предусматривала сдерживание сил противника на иорданском и сирийском фронтах и одновременно уничтожение египетской армии на Синайском полуострове.

Еще до своего назначения министром Даян не скупился на советы отдельным командирам, и, хотя он считался гражданским лицом, его вмешательство не вызывало особых возражений. Например, в среду 31 мая, за день до своего назначения, он посетил командующего Центральным фронтом генерала Наркиса, перед которым была поставлена задача отразить возможное наступление противника, предположительно иорданцев, на район Тель-Авива, густонаселенную прибрежную полосу и израильскую часть Иерусалима. Встретившись в Иерусалиме и изучив планы, они отправились в Кастель, на командную высоту за пределами города, откуда просматривалась вся местность. Даян предложил свести к минимуму все передвижения израильских войск, чтобы не спровоцировать иорданцев. Израильцы не намеревались наносить удар по Иордании, если она не откроет военных действий. По этой причине генералу Наркису были выделены ограниченные силы для защиты Тель-Авива, Иерусалима и прибрежной полосы от Беэр-Шевы на юге до Нетании на севере.

Даян предупредил Наркиса, что в случае атаки иорданцев, которая, предположительно, должна была носить локальный характер и явиться демонстрацией солидарности короля Хусейна с его арабскими братьями, он не должен докучать генеральному штабу просьбами о подкреплении: "Стисните зубы и ничего не просите". Даян был известен как человек дела, и весть о его назначении была воспринята многими как предзнаменование решительных перемен. Приступив к своим обязанностям и стремясь снова заполучить — с точки зрения одержания быстрой победы и предотвращения массовых жертв среди гражданского населения — такой жизненно важный для Израиля козырь, как момент внезапности, Даян счел своей первоочередной задачей разубедить мир в том, что война неотвратима. Вместе с тем учитывалось, что армия, которая была отмобилизована и после двухнедельного ожидания в пустыне требовала принятия решения, с большей готовностью согласится с решением не начинать войну, если оно исходит от правительства, членом которого был Даян. Он был тем "штатским человеком", который

казался им достойным доверия. Они также знали, что он мог принять такое решение, основываясь на здравых военных соображениях.

Первое публичное появление Даяна после его вступления в должность министра обороны произошло на пресс-конференции в Тель-Авиве в субботу 3 июня. В отчете, опубликованном на другое утро в газете "Джерузалем пост", сообщалось:

Министр обороны Даян, выступая вчера на пресс-конференции, заявил, что слишком поздно ожидать спонтанной военной реакции на египетскую блокаду Тиранских проливов и слишком рано делать какие-либо выводы о возможном исходе дипломатической кампании: "Правительство до моего вступления в него... обратилось к дипломатии; мы должны предоставить ей шанс".

На другой день — за день до начала войны — в редакции газет в Израиле и во всем мире поступили фотографии отдыхающих израильских солдат, которые загорали на пляжах. В качестве одного из элементов израильского плана дезинформации нескольким тысячам израильских солдат был предоставлен отпуск на субботу. Египетский шпион в Тель-Авиве мог с полным основанием послать донесение о том, что страна охвачена каникулярным настроением.

Другие аспекты израильского плана дезинформации обнаружились впоследствии. Израильское правительство также внесло свою лепту в понижение температуры. После заседания кабинета, на котором приняли решение выступить, было выпущено следующее коммюнике, предназначенное для газет в понедельник 5 июня:

Вчера на своем еженедельном заседании кабинет заслушал отчеты премьер-министра и нового министра обороны по вопросам безопасности и обзор министра иностранных дел о развитии политических событий. Решено ввести в кабинет члена парламента г-на Иосефа Сапира.

Одобрены следующие законопроекты:

- а) о выпуске израильских облигаций (Второй заем развития 1967 года),
- б) о налоге на нужды обороны в 1967 году,
- в) о займе на нужды обороны 1967 года.

Одобрена поправка к Правилам по трудоустройству о продлении срока, в течение которого иммигранты и уволенные в запас военнослужащие пользуются первоочередным правом на получение работы.

Ратифицированы следующие договоры:

а) Соглашение о техническом и научном сотрудничестве между Комиссией по атомной энергии Израиля и Комитетом по контролю за производством атомной энергии Перу;

б) Соглашение о культурном обмене между Израилем и Бельгией;

в) Конвенция между Израилем и Англией о юридической процедуре при рассмотрении гражданских и торговых дел.

Не подлежит сомнению, что, в общем, израильский маневр достиг своей цели. Египетских генералов видели на теннисных кортах Каира; все говорило о том, что почти никто не думал о возможном скором ударе.

Считалось, что Израиль "упустил свой поезд" по той причине, что он утратил инициативу, а с появлением 80-тысячной армии и 800 танков на его южной границе стратегическое соотношение сил резко изменилось в пользу арабов. При этом забывали о соотношении сил в воздухе, где решалась судьба войны. Сторона, достигшая здесь превосходства, приобретала власть над армией и гражданским населением противника. Но в воздухе соотношение сил не претерпело сколько-нибудь значительных изменений. В дебет Израиля следовало внести большую вероятность иорданского и иракского вмешательства. В кредит — то, что большая часть египетской авиации была сосредоточена на передовых синайских базах вблизи границ, где их самолеты были гораздо более уязвимы.

Вечером в пятницу 2 июня корреспондент, представлявший "Ньюс оф уорлд", посетил Даяна в его доме в Цахале, в предместье Тель-Авива. Журналист усомнился в том, что Израиль "упустил свой поезд" и утратил инициативу, ибо исход войны решался в воздухе, где стратегический баланс оставался прежним, недавно назначенный министр обороны ответил: "Вещи редко бывают только темными или только светлыми: гораздо чаще они бывают серыми. Маловероятно, чтобы какая-нибудь сторона могла добиться полного превосходства в воздухе". Поверив этому заявлению, корреспондент вылетел в Лондон в воскресенье утром, за день до начала войны. За ним в 8 часов утра на другой день последовала группа журналистов газеты "Санди таймс".

Уловив в глазах Насера зловещий блеск, Израиль, подобно ковбою Дикого Запада, не стал дожидаться, когда противник нажмет курок.

* * *

Нарастание конфликта

15 мая. Парад по случаю Дня независимости в Израиле. Передвижение египетских войск через Каир в направлении Синайского полуострова. Израиль привел свои войска в состояние готовности.

16 мая. Введение чрезвычайного положения в Египте. Все войска находятся в состоянии полной боевой готовности. Все вооруженные силы отобилизованы и передислоцированы для занятия оборонительных рубежей на израильской границе.

17 мая. В заявлениях, сделанных в Каире и Дамаске, утверждается, что ОАР и Сирия "готовы к бою". Продвижение крупных египетских сил на восток Синайского полуострова. Из Аммана сообщают о проведении мобилизации в Иордании.

18 мая. Каирское радио продолжает сообщать о приведении сирийских и египетских войск в состояние максимальной боевой готовности. Ирак и Кувейт объявили мобилизацию. Тель-Авив объявил о принятии "надлежащих мер".

19 мая. Официально выведены чрезвычайные войска ООН; в Газе спущен флаг ООН и объявлено о роспуске войск Объединенных Наций на Ближнем Востоке.

20 мая. Израиль закончил частичную мобилизацию.

21 мая. Ахмед Шукейри сказал, что 8-тысячная Армия освобождения Палестины поставлена под командование ОАР, Сирии и Ирака. Призыв резервистов в Египте.

22 мая. Г-н Эшкол сообщил об увеличении синайской армии Египта с 35 до 80 тысяч человек за несколько дней. В Каире объявлено о принятии Насером предложения Ирака об оказании Египту военной помощи в случае войны.

23 мая. Король Саудовской Аравии Фейсал, находившийся с визитом в Лондоне, заявил, что он отдал приказ вооруженным силам Саудовской Аравии быть готовыми участвовать в отражении израильской агрессии.

24 мая. Согласно поступившим сообщениям, американский VI флот (около 50 военных кораблей) сосредоточен в восточной части Средиземного моря. В Аммане официально объявлено о проведении всеобщей мобилизации и о разрешении войскам Ирака и Саудовской Аравии вступить в Иорданию. Сообщают о концентрации 20-тысячной армии Саудовской Аравии на саудовско-иорданской границе в районе Акабского залива.

26 мая. Президент Насер сказал в Каире, что если разразится война, Израиль будет окончательно уничтожен: арабы готовы к войне и победят.

28 мая. Всеобщая мобилизация в Судане.

29 мая. В Алжире сообщено об отправке алжирских воинских частей на Ближний Восток в помощь Египту.

30 мая. Иракские войска с их танковыми частями вступили в Иорданию.

1 июня. Переброска иракских самолетов из Хабании (район Багдада) на Г-3, самую западную базу у израильской границы.

3 июня. Приказ египетского командующего генерала Мортаджи по войскам в Синае: "Последствия этого неповторимого момента будут иметь историческое значение для нашей арабской нации и для Священной войны, благодаря которой вы восстановите похищенные у палестинских арабов права и вновь завоюете захваченную землю Палестины...". В тот же день многие израильские солдаты получили отпуск. Их видели (представители иностранной прессы и телезрители), как они развлекались на пляже.

Глава четвертая.

Удар с воздуха

В понедельник 5 июня в 7.45 утра израильская авиация нанесла свой первый удар. Он был направлен на десять аэродромов, из которых девять были атакованы точно в 7.45. Десятый, Фаид, был подвергнут бомбардировке несколько минут спустя, когда он был еще наполовину скрыт утренним туманом, стелившимся над каналом. Для одновременного выхода на объект, с целью максимального использования фактора внезапности, израильские пилоты точно следовали графику. Каждый налет совершался звеном самолетов из двух пар. Каждый самолет достигал своей цели и выполнял свое задание точно по графику. Все бомбы взрывались. Во время этого налета были атакованы следующие аэродромы: Эль-Ариш, Джебель Либни, Бир Гифгафа, Бир Тамада, Абу Суэйр, Кабрит, Инкас, Каир Западный, Бени Суэйф и Фаид.

Основная масса египетских самолетов была застигнута на земле. Единичные египетские самолеты, находившиеся в воздухе в момент начала израильского воздушного наступления, совершали тренировочные полеты. Это были четыре тренировочных самолета, которые пилотировались инструктором и тремя курсантами.

Существовали четыре причины, по которым израильтяне избрали время 7.45 (по израильскому времени) для нанесения удара:

1. Положение боевой готовности египтян, достигнув своей кульминации, стало спадать. Можно было с уверенностью предположить, что египтяне, приступив за три недели до начала войны к концентрации войск в Синае в агрессивных целях, держали каждый день на рассвете несколько звеньев МИГ-21 на взлетно-посадочной полосе в состоянии 5-минутной готовности к старту. Возможно, что они выслали один или два МИГа для несения патрульной службы в воздухе в такое время дня, когда нападение противника наиболее вероятно. Но вполне логично было предположить, что такое состояние готовности не может длиться очень долго. Если через два-три часа после рассвета не было налета, то египтяне, бесспорно, должны были ослабить бдительность и выключить несколько своих радиолокационных станций. Израильтяне решили, что в 7.30 утра (8.30 по каирскому времени) египтяне должны снизить меры предосторожности.

2. Очень часто налеты совершаются на заре. Пилоты должны быть на борту по меньшей мере за три часа до вылета, а это означает, что они должны вставать в полночь или вообще бодрствовать всю ночь. К вечеру первого дня войны они провели бы без сна 36 часов, включая всю ночь, с перспективой не спать следующий день боев. Если же назначить время нанесения первого удара в 7.45 утра, пилоты могли спать до 4.00.

3. В это время года над большей частью Нила, над его дельтой и Суэцким каналом утром стелется туман. В 7.30 туман редет. В 8.00 метеорологические условия оптимальны. Кроме того, солнце имеет угол наклона, обеспечивающий лучшую видимость, а полное отсутствие ветра способствует точному попаданию бомб во взлетно-посадочные полосы.

4. 7.45 израильского времени соответствует 8.45 египетского времени. Но почему израильтяне избрали для атаки 7.45, а не 8.00 или 8.15? — Рабочий день в египетских учреждениях начинается в 9 часов утра. Атаковать за 15 минут до этого срока — значит захватить генералов и командиров египетских ВВС на пути к штабам, пилотов — к тренировочным пунктам, обслуживающий персонал — к рабочим местам.

Генерал Ход был в главном штабе, когда последний египетский патрульный самолет взмыл в воздух и появился на экранах израильских радаров. Генерал нажал на свой секундомер. Он знал очень хорошо, как долго МИГ-21 может продержаться в воздухе: в 7.45 в самолете кончится запас горючего, и он пойдет на посадку.

Главной задачей первого удара было разрушение взлетно-посадочных полос и уничтожение максимального количества вражеских самолетов МИГ-21. Это были единственные египетские самолеты, которые могли эффективно препятствовать израильским ВВС в осуществлении их цели — уничтожить египетскую бомбардировочную авиацию дальнего радиуса действия, представлявшую большую угрозу для гражданского населения Израиля. Восемь звеньев МИГ-21 были уничтожены, когда они выруливали к краю взлетно-посадочных полос. Ранее израильтянам удалось побудить египтян переместить 20 самолетов первой линии (12 МИГ-21 и 8 МИГ-19) из района Каира и канала, где были сосредоточены главные военно-воздушные базы Египта, на юг, в Хургаду, где самолеты фактически оказались вне битвы. Этот результат был достигнут за несколько дней до начала войны с помощью демонстративных разведывательных полетов израильской авиации на юге над Акабским заливом. Эти полеты убедили египтян, что израильское командование планирует заход левым флангом на южную оконечность Синайского полуострова, тогда как в действительности предполагалось нанесение удара правым флангом вдоль средиземноморского побережья. В Хургаде египетские самолеты фактически оказались вне района боев. Когда на Египет обрушился израильский молот, эти 20 МИГов не взяли курс на Луксор и другие базы Верхнего Египта, которые они могли бы в какой-то мере прикрыть с воздуха, а вылетели на север к базам в районе канала, где уже не было посадочных полос для приземления, и они стали добычей израильской авиации.

Кроме этих самолетов, в воздух поднялись только два звена по четыре МИГа, которым до их гибели удалось сбить два израильских самолета, участвовавших в атаке на египетские военно-воздушные базы.

Звенья израильских самолетов из 4-х машин каждое следовали разными курсами: одни, описав небольшой полукруг над морем, появлялись над египетскими базами в районе Каира, канала и Синая. Другие летели прямым путем, чтобы атаковать базы в Верхнем Египте. "Мы вовремя оказались за штурвалом", — говорил потом начальник оперативного управления израильского генерального штаба бригадный генерал Эзер Вейцман. Все израильские самолеты летели на чрезвычайно малой высоте, вероятно, не более 30 футов над землей или уровнем моря, и поэтому египетские радары не

могли их засечь. По-видимому, израильтяне больше опасались русских и американских радаров, чем египетских.

В это время активность радаров в войне на Ближнем Востоке была в самом разгаре. Кроме египтян, располагавших шестнадцатью радиолокационными станциями только на Синайском полуострове, имелись другие любопытные, которые хотели пронюхать, что происходит.

Русские морские суда в районе зорко следили за ходом событий. Американский VI флот, который, помимо использования судовых радаров и разведывательного судна "Либерти", оснащенного электронным оборудованием, проводил регулярную авиаразведку с помощью самолетов, базирующихся на авианосце, не отставал от русских. Даже англичане наблюдали за районом из своей обсерватории на вершине горы Трудос на Кипре.

Система радарного противодействия претерпела огромные изменения со времени Второй мировой войны, когда она была впервые применена англичанами для выведения из строя радаров врага, нарушения их работы или подачи ложных сигналов. Израильтяне не были новичками в этом искусстве дезинформации. Во время Второй мировой войны, когда англичане использовали мощные радиопередатчики для трансляции на немецком языке ложных приказов пилотам германских истребителей и бомбардировщиков в диапазоне частот их приема, операторы, обслуживающие эти передатчики, вербовались из евреев, бежавших из Германии перед войной. Можно с уверенностью предположить, что Израиль занимал не последнее место среди стран, владевших методами ведения электронной войны.

23 египетские радиолокационные станции (включая 16 в Синае) были выведены из строя израильской военной авиацией только в понедельник пополудни. Противорадарные действия, вероятно, стали применять после 7.45 утра в понедельник, чтобы не вызвать подозрений противника. Но несомненно, что после этого израильтяне устроили "игры" с египетской — и не только египетской — радарной системой: возможно, что они завели "игры" и с другими любопытными, развесившими свои длинные уши в этом районе мира.

Когда первая волна израильской авиации поражала свои цели, вторая волна была уже в пути, а третья поднималась в воздух. Эти волны были разделены интервалами в 10 минут. Каждому звену из четырех самолетов предоставлялось семь минут на пребывание над целью — время, достаточное, чтобы сделать три или четыре захода: один бомбовой налет и два или три захода для обстрела наземных целей на бреющем полете. Дополнительные три минуты отводились в расчете на погрешность навигационных приборов и для дополнительного выхода на цель. Израильтяне действовали с невероятной стремительностью. Самолетам, бомбардирующим главные египетские базы вблизи канала, соблюдался следующий график полета:

Время на полет к цели 22.5 мин.

Пребывание над целью 7.5 мин.

Возвращение на базу 20 мин.

Заправка, техосмотр 7.5 мин.

Итого: 57.5 минут

Это означает, что израильские самолеты могли во второй раз появиться над целью через час после первого налета.

В тылу для защиты воздушного пространства и баз самого Израиля командование израильских ВВС оставило только 12 самолетов: 8 для несения патрульной службы в воздухе и четыре на взлетно-посадочных полосах в состоянии готовности к старту.

Израиль вел крупную игру. Он мог все выиграть или все проиграть, но он рассчитал очень тщательно риск и метал свои карты с уверенностью и решительностью.

Говоря о результатах бомбардировки египетских аэродромов, генерал Вейцман привел американскую поговорку: "После первого захода над целью, пилот уносит ноги". Но тут же добавил: "У наших ребят это не так". Израильские пилоты делали несколько заходов над своими целями для большей точности бомбометания и нанесения максимального ущерба военно-воздушным силам противника. Они прибегли к крупномасштабным и высокоэффективным бомбардировкам с пикирования. "Мы оказались правы, — заметил Вейцман, — когда не увлеклись стратегическими бомбардировками. Мы не были заинтересованы в бомбардировке мирного населения, а для выведения из строя взлетно-посадочных полос и самолетов истребители более эффективны".

Почти полное уничтожение египетской авиации на земле было достигнуто не только благодаря внезапности нападения, но и благодаря применению бомбы оригинальной конструкции, изобретенной и усовершенствованной израильтянами для разрушения взлетно-посадочных полос. Когда эта бомба сбрасывается, ее падение замедляется ракетой обратного действия. Затем вспомогательная ракета вклинивает бомбу в бетон взлетной полосы, где срабатывает часовой взрыватель. Этот взрыватель может сработать мгновенно или через определенное время. Обычно считается, что ремонт взлетно-посадочных полос не связан с трудностями, но положение меняется, если бомбы будут взрываться через разные промежутки времени.

Эта бомба оригинальной конструкции дает возможность самолету, который летит на малой высоте и с большой скоростью, поражать взлетно-посадочные полосы. Обычная авиабомба, сброшенная с этой целью, рикошетирует и наносит только поверхностный ущерб. Новая бомба избавила израильские самолеты от необходимости пролетать при бомбардировке с пикирования над египетскими зенитками. Однако далеко не все израильские машины были оснащены новыми бомбами, и многие взлетно-посадочные полосы были разрушены с пикирующего полета обычными 500— и 1000-фунтовыми бомбами^[1]. Самолеты противника на земле и в воздухе были уничтожены почти исключительно огнем бортовых пушек.

Зенитный огонь над египетскими базами оказался менее интенсивным, чем ожидали израильтяне, и с низкой точностью попадания. Ни один израильский самолет не был сбит теми несколькими ракетами класса земля-воздух советского производства СА-2, которые были выпущены египтянами. Для тех высот, на которых израильтяне летали, ракеты оказались совершенно

^[1] Английский фунт — 0.454 кг

неэффективными. Они очень медленно набирали скорость, и поэтому не могли поразить самолеты, летевшие на высоте ниже 4000 футов над уровнем моря. Один израильский пилот увидел мельком предмет показавшийся ему самолетом, который медленно летел, словно стремясь образовать с ним боевой порядок. Взглянув вторично, пилот понял, что это была ракета. Она летела в том же направлении, что и самолет, приближаясь к нему сбоку. Ловко направив самолет на ракету, пилот дал ей пройти под собой. Вскоре она исчезла из виду. Этот вид ракет остается и по сей день главным средством русской противовоздушной обороны^{2[2]}. По-видимому, советские военные эксперты весьма обеспокоены неэффективностью ракеты и тем, что некоторые ее образцы попали на Запад.

Среди гражданского населения Израиля сильные опасения вызывали разрекламированные Насером ракеты земля-земля, которые, по словам египетского президента, могли нанести удар по Тель-Авиву. В течение ряда лет было известно, что группа немецких и восточно-европейских ученых работала в исследовательском центре, созданном Насером в предместьях Каира, и что "ракеты" служили украшением парадов, которые проводились в Каире в честь Дня революции. Но дальше парадов дело не пошло и, по-видимому, в обозримом будущем ракеты не станут чем-то реальным. Израильская авиация не воспользовалась случаем, бесспорно, представившимся ей, и не разрушила этот исследовательский центр, где, вероятно, осуществлялись опыты по производству отравляющего газа, применявшегося египетскими войсками в Йемене. Старший офицер израильских ВВС с досадой сказал: "Это решение, о котором мы еще пожалеем".

В течение 80 минут израильские самолеты непрерывно бомбили египетские аэродромы. Затем, после десятиминутной передышки, последовали новые 80 минут бомбардировки. За эти 2 часа 50 минут израильтянам удалось уничтожить наступательный потенциал египетской авиации и покончить с ней как с боеспособной силой.

Всего в первый день войны были подвергнуты бомбардировке девятнадцать египетских аэродромов. Помимо десяти упомянутых выше баз, в это утро были атакованы также аэродромы в Мансуре, Хелуане, Эль-Минье, Альмазе, Луксоре, Деверсуаре, Хургаде, Рас Банасе и международный аэропорт в Каире. Израильтяне считают, что за эти 170 минут было уничтожено свыше 300 из всех 340 боевых египетских самолетов, в том числе все 30 бомбардировщиков дальнего радиуса действия ТУ-16.

Единственным аэродромом, взлетно-посадочные полосы которого не пострадали, был главный синайский аэродром в Эль-Арише. Израильтяне намеревались использовать его в качестве передовой базы для снабжения войск и эвакуации раненых. Уже во вторник аэродром стал выполнять эти функции.

На многих египетских базах израильская авиация уничтожила все самолеты, оставив нетронутыми все макеты под маскировочным покрытием. Отвечая на вопрос, поступили ли они так, потому что у египтян были такие плохие макеты, или потому, что у израильтян такая хорошая разведка, один

^{2[2]} Сказанное относится к 1967 году.

израильский офицер ответил, что по обеим причинам, добавив, что в Абу Суэйре, неподалеку от Исмаилии, было подорвано несколько макетов и одновременно уничтожены все самолеты. Он сказал, что если речь идет об аэродромах на Синайском полуострове, о которых израильтяне располагали более полной информацией, чем о главных египетских базах, то ошибок допущено не было.

Израильтяне должны были учитывать присутствие в Средиземном море советских военных судов, которые поддерживали прямую связь с египетским командованием и могли передать информацию египтянам через десять минут после ее получения советскими радарными. Поэтому генерал Ход рассчитал, что он располагает только несколькими часами для нанесения удара по египетской авиации, прежде чем начнется война с Иорданией и Сирией. Говоря точнее, у него было 4 часа. До полудня Иордания и Сирия не участвовали в действиях. К этому времени израильтяне уничтожили большую часть египетской авиации и могли обратить всю свою мощь против новых противников, которые с запозданием включились в войну. "Мне удалось покончить и с сирийской, и с иорданской авиацией за 25 минут", — сухо заметил Ход.

В понедельник, незадолго до полудня, сирийцы сбросили несколько бомб в районе нефтеочистительного завода у Хайфской бухты и атаковали военный аэродром в Мегиддо, где им удалось уничтожить несколько самолетных макетов. Израильтяне в отместку атаковали сирийскую военно-воздушную базу около Дамаска.

Вслед за атакой, предпринятой в полдень иорданской авиацией на второстепенную военно-воздушную базу в Кфар-Сыркине, в результате которой был уничтожен на земле транспортный самолет "Нордатлас", израильские самолеты подвергли бомбардировке иорданские аэродромы в Мафраке и Аммане и вывели их из строя, а также взорвали радарную станцию в Аджлуне.

До наступления сумерек в понедельник израильтяне снова навестили большинство из тех двадцати трех аэродромов, которые они уже бомбили в тот день. Помимо обычных бомб, израильтяне применили бомбы замедленного действия, которые время от времени взрывались в течение всей ночи, парализуя любую попытку отремонтировать взлетно-посадочные полосы. И словно этого было недостаточно, израильтяне продолжали бомбить эти базы в продолжение большей части ночи.

Сразу после налета, совершенного на другое утро иракскими самолетами на израильский город Нетанию, израильтяне подвергли бомбардировке самую западную иракскую военно-воздушную базу Г-3, расположенную на ирако-иорданской границе.

До наступления ночи второго дня войны израильтяне уничтожили 416 самолетов, из них 393 на земле.

Участие в войне Ливана ограничилось демонстративной посылкой двух "Хокер-Хантеров" (один из них был сбит) в район, лежащий севернее Тивериадского озера. Отдав этим дань своему представлению о чести, ливанцы рыцарски удалились с поля боя.

Анализ этих данных содержится в таблице:

Потери военно-воздушных сил арабских стран к концу второго дня войны

Страна	Бомбардировщики	Истребители	Транспортники	Вертолеты	Итого
Египет	Туполев-16 — 30 Илюшин-28 — 27 Сухой-7 — 10	МИГ-21 — 95 МИГ-19 — 20 МИГ-15/17 — 82	АН-12 — 8 Илюшин-14 — 24 МИ-4 — 1	МИ-6 — 8 другие — 4	309
Сирия	Илюшин-28 — 2	МИГ-21 — 32 МИГ-15/17 — 23	—	МИ-4 — 3	60
Иордания	—	Хантер — 21	67	2	29
Ирак	Туполев-16 — 1	МИГ-21 — 9 Хантер — 5	2	—	17
Ливан	—	Хантер — 1	—	—	1
ОБЩИЙ ИТОГ					416

В первые два дня войны израильские летчики совершили более 1000 вылетов, причем многие из них делали по 8 вылетов в день. К концу вторника израильтяне потеряли 26 самолетов, в том числе 6 учебных машин "Фуга-Магистр", оснащенных 68/80-миллиметровыми бронебойными ракетами. Они потеряли 21 летчика, почти половина которых была взята в плен сирийцами и египтянами. Два пилота были впоследствии возвращены Ираком и два Иорданией. Имеются сведения, что одного пилота в Египте линчевали, тогда как другой был возвращен целым и невредимым. После этого завязались переговоры о возвращении еще двух летчиков из египетского плена. Два пилота, машины которых были сбиты над Сирией, несмотря на приказы израильской контрольной башни о приземлении на парашютах, предпочли разбиться вместе с самолетами, но не попасть к сирийцам.

По приблизительным подсчетам, потери египтян в результате уничтожения их авиации оцениваются в 500 миллионов долларов. В эту сумму следует включить также стоимость наземного оборудования, в частности двадцати трех радарных станций и нескольких установок для пуска ракет класса земля-воздух. Взлетно-посадочные полосы были довольно быстро отремонтированы, и если бы русские пожелали, они смогли бы полностью возместить потери египетской авиации в течение 6 месяцев.

Разумеется, техника — это не все, и, вероятно, потребуется много лет, чтобы восстановить дух и мораль египетских военно-воздушных сил. Предполагают, что 100 из 350 военных летчиков Египта погибли в результате израильского удара. Учитывая, что большое число МИГов было уничтожено на земле, когда они выруливали к старту, в эту цифру входит, вероятно, многие наиболее опытные египетские летчики.

Насер знал очень хорошо, что израильская авиация количественно намного уступала египетской авиации. Израиль располагал 300 самолетами, из которых 50-60 были учебными машинами "Фуга-Магистр", оснащенными специальными бронебойными ракетами. Но Насеру докладывали, что

израильские самолеты волна за волною атаковали в течение двух часов 50 минут 19 его авиабаз, делая 10-минутные перерывы.

В своей речи об отказе от президентства Насер 9 июня заявил: "Если мы теперь говорим, что это был более сильный удар, чем тот, который мы ждали, то мы должны вместе с тем признать, что он был, бесспорно, гораздо более сильным, чем позволяли возможности противника... Враг атаковал одновременно все военные и гражданские аэродромы Объединенной Арабской Республики. Это значит, что он полагался на что-то, превышающее его обычные силы, выделенные для защиты его воздушного пространства от нашего возмездия... Не опасаясь впасть в преувеличение, можно сказать, что враг бросил в битву авиацию, в три раза более мощную, чем та, которой он располагал".

Это утверждение президента Насера знаменательно. Он, как видно, основывался на графике готовности к бою, которым руководствовались его собственные ВВС. Из совершенно секретных планов египетских ВВС, захваченных в Эль-Арише, стало известно, что египтяне исходили из того, что их собственные самолеты могут вторично появиться над израильскими объектами только через три часа после первого налета, тогда как израильтянам понадобилось для вторичного появления над Египтом не больше часа. Это тем более поразительно, что многие египетские самолеты должны были проделать гораздо более короткий путь, чтобы добраться до главных израильских авиабаз со своих синайских аэродромов, чем израильские, чтобы долететь до сети египетских баз вокруг Каира и канала. Для заправки горючим на земле египтянам требовалось более двух часов, тогда как израильтянам было достаточно для этого 7-10 минут.

Египетский летчик должен был совершить два вылета в день, а многие израильские летчики совершили в понедельник по восьми вылетов, а некоторые — даже больше.

Расхождение между этими данными говорит за себя, и в этом, несомненно, лежит главная причина победы Израиля.

Не удивительно, что Насер нашел это невероятным. Не исключено, что, обвинив Англию и США в воздушной интервенции на стороне Израиля, он не искал более удобного предлога, чтобы оправдать позорный провал египетских ВВС. Возможно, что он сам искренне верил в то, что говорил.

В четверг 8 июня израильский представитель сообщил о подслушанном телефонном разговоре между Насером и Хусейном, состоявшемся во вторник в 4.50 дня, на второй день войны. Приводим беседу:

— Насер: Как поживаете? Я хочу узнать у брата, продолжаются ли бои на всем протяжении фронта. Угодно ли будет Вашему Величеству сделать заявление об участии американцев и англичан?

— Хусейн: (Неясный ответ).

— Насер: Алло, упомянем ли мы США и Англию или только США?

— Хусейн: США и Англию.

— Насер: Есть ли у англичан авианосцы?

— Хусейн: (Неясный ответ).

— Насер: Ладно. Король Хусейн сделает заявление, и я сделаю заявление.

— Насер: Мы ввели в бой все свои силы, и на всех фронтах мы сражались в продолжение всей ночи, и если у нас какие-то трудности, то это ничего не значит, мы победим вопреки им. С нами Бог. Угодно ли Вашему Величеству сделать заявление об участии американцев и англичан?

— Хусейн: (Неясный ответ).

— Насер: Ей-Богу, я говорю, что сделаю заявление, и вы сделаете заявление, и мы позаботимся, чтобы сирийцы сделали заявление об участии в нападении на нас американских и британских самолетов, базирующихся на авианосцах. Мы сделаем заявление. Мы обратим внимание на это. Все будет в полном порядке.

— Хусейн: Хорошо. Я согласен.

— Насер: Тысяча благодарностей. Не падайте духом. Мы с вами всем сердцем, наши самолеты летают сегодня над Израилем, наши самолеты с утра наносят удары по израильским авиабазам.

Каким бы невероятным ни показалось Насеру уничтожение его авиации, из этой беседы становится очевидным, что он пытался состряпать совершенно безосновательное обвинение против Англии и США и заручиться поддержкой злосчастного Хусейна в этом абсурдном предприятии. К тому же он лгал своему союзнику, говоря об активности своей авиации. Ее больше не существовало. После окончания войны король Хусейн заявил в Лондоне, что он не верит в эту историю. 4 июля, два дня спустя после заявления Хусейна, египетский министр иностранных дел Махмуд Риад также коснулся этой темы. Отвечая на вопрос корреспондента "Таймс" в Каире, действительно ли он, Риад, считает, что британские бомбардировщики или пилоты участвовали в нападении на арабов во время войны, министр ответил, что он не располагает доказательствами английской интервенции, добавив, что этот вопрос представляет интерес не для арабов, а для простых людей Англии.

Русские не поверили фальшивке об английской и американской воздушной интервенции. Более того, ее появление вызвало у них сильное раздражение. Со своей стороны, египтяне и иорданцы, убедившись, что им не удастся втянуть с помощью этой утки русских в конфликт, забыли о ней. Однако народы арабских стран продолжают верить этому вымыслу.

Утверждают, будто Насер грезил о грандиозной воздушной битве над Синайским полуостровом между египетскими и израильскими военно-воздушными силами, напоминающей битву истребителей над Англией времен Второй мировой войны. Но даже если предположить, что израильтяне не нанесли бы своего первого решающего удара и не уничтожили бы практически все ВВС Египта на земле, имеется мало оснований сомневаться в исходе войны в воздухе. Согласно израильским данным, они сбили в результате 64 воздушных боев 50 египетских МИГов, не потеряв ни одного "Миража". Даже "Вотурам" и "Мистерам", скорость которых ниже скорости звука, доводилось сбивать самолеты МИГ-21.

Противнику удавалось уничтожить израильские самолеты зенитным огнем или поразить их сверху, когда они атаковали наземные объекты. Генерал Ход недвусмысленно заявил "В воздушных боях счет был 50 : 0. Мы сбили в воздушных битвах 50 МИГов, не потеряв ни одного самолета".

Как израильтяне смогли одержать такую полную и молниеносную победу? Генерал Ход указал на следующие причины:

1. Шестнадцать лет подготовки было затрачено на эти восемьдесят минут начала войны "Мы жили с планом, мы спали на плане, мы питались планом Мы постоянно совершенствовали план".

2. Разведка доставляла точную информацию о передвижениях и активности авиации противника, о расположении и деталях работы воздушных баз, о развертывании ВВС противника, о расположении радарных станций и ракетных установок.

3. Первоочередную роль в успехе операции играло оперативное управление, показав свою способность правильно оценивать и учитывать сведения по мере их поступления, а также передавать новые данные и указывать летчикам в воздухе новую цель.

4. Точное выполнение плана летчиками (их средний возраст 23 года) было четвертым важнейшим условием победы. За этим стояли годы тренировки в искусстве пилотажа, навигации и точности бомбометания. "Обычно мы предусматривали, что результаты в боевой обстановке будут на 25 процентов ниже, чем на учениях, в связи с возбужденным состоянием летчиков и воздействием на него зенитного огня. Но результаты оказались лучшими, чем в условиях мирного времени. Причина этого, возможно, заключается в том, что летчики сконцентрировали все свои усилия на максимально точном и эффективном выполнении боевых задач. По-видимому, имело значение также то, что им не надо было соблюдать правил безопасности в воздухе, обязательных в мирных условиях. Мы были бы удовлетворены, если бы каждый наш самолет выполняя задание, уничтожил по одному самолету противника. Но фактически противник понес в несколько раз большие потери". В ходе одного налета две израильские машины уничтожили шестнадцать египетских бомбардировщиков на земле в течение четырех минут.

Израильтяне годами отработывали приемы такого рода. На каждый из четырех или пяти полигонов, расположенных в Южном Негеве, было сброшено в ходе учебных упражнений по нескольку тысяч авиационных бомб. По меньшей мере, раз в год израильтяне устраивали учебные налеты на эти объекты с исчерпывающим напряжением сил! Судя по результатам войны, все самолеты появлялись над целью точно по графику, и не было ни одного самолета, который не достиг бы цели, хотя они пользовались только навигационным методом исчисления трассы.

Человеческий материал и уровень подготовки играли первостепенную роль не только в воздухе: не менее важны были они на земле. Для заправки современной боевой машины в течение 7-10 минут и для поддержания в состоянии технической исправности авиации, совершающей больше 500 самолето-вылетов в день, требуется огромное мастерство и точная согласованность действий. Генерал Ход заметил однажды после войны: "В 7.45 утра, в понедельник, наша авиация была готова к бою более, чем на 99 процентов, и мы оставались на этом уровне в течение всей недели войны. Хотя подчас нам требовался часок, чтобы заделать дыры на одном-двух своих самолетах, ни на одной стадии ни один наш самолет не был в неисправном

состоянии, разумеется, не говоря о потерях. Никогда не было случая, когда летчик должен был дожидаться самолета".

Генерал Вейцман вспоминает: "За три или четыре месяца до войны большая группа слушателей американской ВВС прибыла в Израиль. Они побывали в Каире и увезли оттуда сильное впечатление, они посетили Иорданию и были в равной степени поражены тем, что услышали от Хусейна. Когда мне довелось встретиться с ними, мне показалось, что они считали наше положение безвыходным. Я сказал, что во время Второй мировой войны мы любили повторять поговорку: "Немцы снова окружили нас — бедолаги". Я добавил, что в наше время можно с основанием сказать: "Арабы снова окружили нас — бедолаги". Я видел, что американцы сочли нас слишком самоуверенными. Так оно и было, но мы имели на это основание".

* * *

В понедельник в 10.35 утра (по израильскому времени) египетская авиация была уничтожена. Она прекратила свое существование в качестве эффективной боевой силы и не могла обеспечить египетской армии в Синае ни прикрытия с воздуха, ни поддержки в наземных боях. Теперь для израильтян жизненно важным стал фактор времени. Большая часть израильского кабинета была в ужасе от перспективы преждевременного прекращения огня. В их памяти еще были живы неприятные воспоминания о 1956 годе, когда американское давление привело Англию, Францию и Израиль, которых отделяли от победы считанные часы, к бесславному проигрышу. В основе израильского плана лежала мысль о том, что Израиль, располагая ограниченным временем, должен стремиться к самой быстрой и решительной победе, какая только возможна. Это был дерзкий и — с точки зрения некоторых людей — безрассудный план. Но в отличие от англичан и французов, потерпевших постыдное фиаско в 1956 году, израильтяне очень верно оценили силы своего противника и его возможности, и в этом секрет их успеха.

Им потребовалось не более 48 часов, чтобы сломить хребет 100-тысячной армии Насера в Синае (этого времени оказалось также достаточно, чтобы их силы достигли Суэцкого канала, овладели Шарм а-Шейхом и заняли Иерусалим, а также большую часть Западного берега^{3[3]} Иордана). Но имелись ли у них эти 48 часов? Бесспорно, Даян очень сомневался в этом. Если бы Насер был поставлен в известность командирами своей авиации об истинном положении дел и если бы он больше всего заботился о благе своего народа, он мог потребовать срочного созыва Совета Безопасности и настоять на резолюции о немедленном и безусловном прекращении огня. Поступив так, он поставил бы Израиль в весьма затруднительное положение. По этой причине Даян призывал израильских командиров ускорить свое продвижение, хотя мало кого из них надо было в этом убеждать.

^{3[3]} Западный берег — Иудея и Самария.

Глава пятая.

Дерзость израильских моряков

Ночью в понедельник 5 июня израильские военно-морские суда атаковали две главные военно-морские базы Египта на Средиземном море: Порт-Саид и Александрию. Когда отряд израильских судов в составе эсминца и нескольких торпедных катеров приблизился к Порт-Саиду, он был встречен перед волнорезом двумя египетскими ракетными катерами типа "Оса". Израильцы открыли по ним огонь из 20-миллиметровых пушек, и египтяне поспешно повернули назад в гавань, не сделав ни одного выстрела. Оба египетских катера были повреждены. Затем израильские водолазы безуспешно пытались установить местонахождение трех египетских торпедных катеров и трех спецсудов по борьбе с подводными лодками, которые, по их сведениям, должны были находиться в порт-саидском порту, помимо двух ракетных катеров типа "Оса". Им удалось обнаружить только два нефтеналивных танкера, которые они не решились подорвать из опасения, что от пожара могут пострадать мирные жители. Отряд патрулировал всю ночь у входа в гавань, ожидая прибытия египетских подкреплений, но никто не появился, ибо египетские силы в Александрии были также заняты отражением израильской атаки.

Атака израильских военных кораблей на Порт-Саид не повела к уничтожению судов противника, но она достигла одной важной цели: предотвратила обстрел Тель-Авива ракетами с радиусом действия 35 миль, снабженными 1000-фунтовыми боеголовками. Этими ракетами были оснащены 18 египетских ракетных катеров. На следующее утро (вторник 6 июня) египтяне перевели свой флот из Порт-Саида в Александрию, и Тель-Авив оказался вне досягаемости ракет, которыми были оснащены катера типа "Оса" и "Комар".

В то время как израильские военно-морские силы атаковали Порт-Саид, единственная исправная израильская подводная лодка тайком проникла в Александрийский порт. Группа водолазов с зарядами для подрыва египетских военных судов, вышла через люк подводной лодки и пробралась вглубь порта. Ночь была темной и безлунной: идеальное условие для подобных операций. По израильским сведениям, водолазам удалось повредить, а возможно и уничтожить две египетские подводные лодки и два ракетных катера типа "Оса". Подводная лодка ждала своих водолазов почти до рассвета, прежде чем выйти в открытое море, но водолазы не возвратились. Безуспешной оказалась также попытка экипажа подводной лодки подобрать их по истечении суток, как было условлено на случай, если водолазы не уложатся в установленное время или перед ними возникнут непредвиденные трудности. Полуофициальная каирская газета "Аль-Ахрам" сообщила, что в полдень 6 июня четыре израильских водолаза были замечены в воде вблизи яхтенной гавани восточнее Александрии и взяты в плен. Еще двое были схвачены четыре часа спустя. По утверждению египтян, они были схвачены в тот момент, когда пытались овладеть моторной лодкой и бежать на ней.

Единственная наступательная операция египетского флота, привлекавшая внимание израильцев, была предпринята 6 июня, когда три подводные лодки

приблизились к израильским берегам: одна появилась севернее Хайфы, другая — южнее Хайфы и третья — около Ашдода. Неясно, намеревались ли египтяне атаковать израильские суда или высадить диверсантов, как это сделали израильтяне в Порт-Саиде и Александрии.

Военно-морской флот Израиля имел лишь четыре гидролокатора, но израильским морякам удалось засечь все три египетские подводные лодки и атаковать их глубинными бомбами. Нет сомнения, что одна из них, судя по большому масляному пятну, всплывшему на поверхность, была повреждена. Тем не менее всем трем лодкам удалось уйти. Генерал Харэль, командующий израильскими военно-морскими силами, комментировал впоследствии: "Они слишком злоупотребляли своими перископами. При той технике, какой располагали египтяне, они могли устраивать пикники в предместьях Хайфы".

Израильтяне запланировали высадить морской и воздушный десанты и провести в понедельник ночью комбинированную атаку на Эль-Ариш — важнейший опорный пункт и центр снабжения египтян в Синае. Но уже в понедельник днем, узнав о темпах продвижения бронетанковых сил генерала Таля, устремившихся к Эль-Аришу через Хан-Юнис и Рафиях, они отменили эту операцию. Парашютистов срочно перебросили в район Иерусалима и на Иорданский фронт, где, к удивлению израильтян, через несколько часов после начала военных действий между Египтом и Израилем иорданские войска предприняли наступление.

Израиль, население которого не превышало двух с половиной миллионов человек, расходовал фактически весь свой военный бюджет на авиацию и армию: флоту почти ничего не перепало. В израильском флоте с давних пор ходила шутка: если тебе нужно новое оборудование, добудь его сам. Израильтяне так и сделали в 1956 году, захватив египетский эскадренный миноносец "Ибрагим аль-Аваль".

Когда египтяне ввели свои войска на Синайский полуостров, только один из трех израильских эскадренных миноносцев находился в удовлетворительном состоянии. А из трех израильских подводных лодок — все образцы до Второй мировой войны — одна была списана за негодностью, а другая — "Рахав" — настолько стара, что не могла погружаться в воду. Правда, личного состава израильских морских сил хватило бы на два таких флота. Начиная с 19 мая, израильтяне приступили к ускоренной программе повышения боеспособности морских сил с учетом ограниченного количества и устарелости судов. В Ашдоде была построена новая морская база, рассчитанная на торпедные катеры и другие легкие морские суда. Были установлены новые радиолокационные станции на судах, многие получили новые пушки. Траулеры были переоборудованы так, чтобы сделать их пригодными для несения патрульной службы, а подводная лодка "Рахав" была снабжена гидролокаторами и пусковыми устройствами для глубинных бомб против подводных лодок противника. Бывший египетский эскадренный миноносец "Ибрагим аль-Аваль", который, по словам британского консула в Хайфе, был в конце мая во время ремонта на Хайфской верфи покрашен в красный цвет, чудодейственным образом посерел за 48 часов и вышел в море. Десантное судно, которое должны были спустить на воду в августе, было

достроено в течение шести дней гражданской судовой верфью. "Оно имело только два или три двигателя и импровизированный руль, но нам было не до придинок", — сказал генерал Харэль.

К началу войны между израильским и египетским флотами существовало следующее соотношение сил:

Класс судна	Израиль	Египет
Эскадренные миноносцы	3	7
Подводные лодки	3*	12
Ракетные катера	18	—
Противолодочные суда	1	12
Торпедные катера	8	32

* Одна из них, "Рахав", не могла погружаться в воду

Учитывая смехотворные размеры и устарелость оборудования своего военного флота по сравнению с египетским флотом, командование израильскими ВМС вынуждено было в еще большей мере прибегать к военной хитрости, чем их коллеги по сухопутным войскам и авиации. Свою главную задачу израильтяне усматривали в ослаблении египетского флота в Средиземном море, где он мог представлять большую угрозу для Тель-Авива и густонаселенных прибрежных районов страны. Надо было побудить Египет перебросить некоторые свои суда в Красное море. Израильтяне достигли этого, перебросив четыре десантных судна по суше через пустыню Негев в израильский порт Эйлат, расположенный на северной оконечности Акабского залива. Прибытие судов засветло в Эйлат было замечено. В ту же ночь под покровом темноты суда были снова перевезены в пустыню на десять или пятнадцать миль севернее Эйлата и вновь доставлены в Эйлат днем. Израильтяне повторяли этот маневр несколько раз, и, хотя они спустили на воду только три торпедных катера в районе Эйлата для несения патрульной службы в Красном море, египтяне, очевидно, сочли, что Израиль намерен повторить атаку 1956 года на Шарм а-Шейх. (Израильские суда имели запас хода достаточный, чтобы проплыть из Эйлата в Шарм а-Шейх и обратно только в том случае, если бы им сопутствовал ветер с севера при курсе на Шарм а-Шейх и ветер с юга на пути назад).

Начало войны застало 30 процентов египетских ВМС закупоренными в Красном море, где они представляли слабую опасность для Израиля. Было замечено, что даже 3 июня, за 2 дня до начала военных действий, два египетских эскадренных миноносца прошли через Суэцкий канал из Средиземного в Красное море. Несмотря на то, что одна египетская флотилия в Красном море превосходила весь израильский флот, единственное, что египтяне смогли предпринять в ходе войны, это направить в ночь на 6 июня два эсминца и шесть торпедных катеров вверх по Акабскому заливу к Эйлату. Не пройдя половины пути, командование флотилии отказалось от своего намерения, изменило курс и направилось к своим базам. Это было,

несомненно, благоразумное решение: южнее Эйлата их поджидали три израильских торпедных катера.

Даже после окончания войны египетский флот в Красном море не мог вернуться на свои средиземноморские базы: канал был перегорожен по приказу президента Насера погружением барж и двух пришедших в негодность египетских судов, которые долгое время стояли на приколе в Порт-Саиде. Египетским боевым кораблям пришлось взять курс на йеменский порт Ходейду в самой южной точке Красного моря.

* * *

Днем 8 июня американское разведывательное судно "Либерти", снабженное электронным оборудованием, шло курсом восток-северо-восток со скоростью 5 узлов и находилось в 14 милях севернее синайского побережья вблизи Эль-Ариша. В заявлении того же дня министерства обороны Соединенных Штатов говорится: "2 июня "Либерти" покинуло Роту в Испании и прибыло на место своего назначения этим утром для обеспечения связи между различными американскими представительствами на Ближнем Востоке, а также для передачи информации о ходе эвакуации американских граждан из стран этого района". Было неясно, почему эти задачи не могли быть выполнены с помощью новейших и эффективных средств связи, имеющихся в американских посольствах во всем мире.

Совершенно неожиданно несколько израильских истребителей, летевших с юго-востока, спикировали с высоты 5-6 тысяч футов и обстреляли "Либерти" из бортовых пушек. Несколько минут спустя три израильских торпедных катера, подойдя к судну с северо-востока, обстреляли его из пулеметов и выпустили по нему две торпеды, одна из которых, попав в цель, сделала 40-футовую пробоину ниже ватерлинии в середине корабля в его правом борту.

Когда израильтяне поняли свою ошибку и прекратили обстрел, 34 офицера и члена экипажа "Либерти" были уже убиты и 76 ранены. Судно было изрешечено 821 попаданием, в носовой и средней части корабля вспыхнули пожары.

Один израильский торпедный катер сигнализировал "Либерти", спрашивая, нуждается ли он в помощи. Ответ был, судя по всему, короткий. Благодаря мужеству и сноровке экипажа пожар на "Либерти" был потушен в течение получаса и судно смогло, несмотря на крен в 30°, отплыть на север со скоростью 10 узлов.

Было много и неудачных попыток дать объяснение этому событию. В частности, утверждали, что, считая подслушивание разговоров в этой части света своей монополией, израильтяне были возмущены американским вторжением; согласно другому мнению, израильтяне предприняли эту атаку по просьбе ЦРУ, стремившегося доказать необоснованность распространяемых египтянами сообщений о сговоре между Израилем и Соединенными Штатами. Но так или иначе, никому не удалось опровергнуть объяснение, которое было дано израильтянами и принято американцами, что просто произошла крупная ошибка. Командование авиацией возложило вину на флот, который, по его утверждению, был ответствен за неопознание судна. Морская разведка сперва

сообщила, будто это египетское судно, затем признала судно советским, затем снова египетским и, наконец, сообщила, что это "несомненно военное судно, которое чертовски близко". За три дня до инцидента израильское правительство запросило американцев о том, какие суда США будут находиться в районе в течение недели, но не получило ответа. По утверждению одного израильского морского офицера, на "Либерти" к моменту атаки не был поднят флаг. "На его палубе не было видно ни души, словно корабль-призрак, он казался безлюдным". Согласно заявлению комиссии морского министерства США, сделанному после недельного расследования, "американское судно "Либерти" находилось в международных водах и было снабжено принятыми опознавательными знаками", в частности, звездно-полосатый флаг размером 5x8 футов развевался на его гафеле.

Возможно, поспешность, с какой реагировали израильтяне, объясняется тем обстоятельством, что в начале того дня радиолокационная установка одного из израильских разведывательных самолетов, несших патрульную службу над Средиземным морем, зафиксировала большое количество пятен, надвигавшихся на Израиль с запада, что могло быть истолковано как переход египетских ВМС в генеральное наступление. Учитывая, что средиземноморский флот египтян сохранил свою боевую мощь, несмотря на вылазки в Порт-Саид и Александрию, предпринятые израильтянами ночью 5 июня, их тревога вполне понятна. Впоследствии было установлено, что пятна на экране израильского радиолокатора были вызваны облакообразованием, необычным для этого района.

Израильские ВМС, понимая всю несоизмеримость своих подвигов с подвигами армии и авиации, обескураженные инцидентом с "Либерти", предпочитают оставаться "молчаливым родом войск". Однако, несмотря на недостаток в самых необходимых средствах и на отсутствие современного оборудования, они с успехом предотвратили нападение на побережье и мирное население страны с моря, обеспечили свободный проход торговых судов в средиземноморские порты Израиля и смогли осуществить в ходе войны рейды на главные морские базы противника — Александрию и Порт-Саид — под носом у египетских ВМС, в несколько раз превосходивших их по боевой мощи и имевших самые современные морские суда, поставленные Советским Союзом: эскадренные миноносцы класса "Z", подводные лодки класса "W" и ракетные катера "Комар" и "Оса". Как заметил генерал Харэль, "это было большой дерзостью с нашей стороны".

Глава шестая.

Бронированный кулак в Синае

Многие завоеватели побывали в синайских пустынях, начиная с Александра Великого, направившегося в 332 году до н.э. в Египет, и кончая Наполеоном, который в конце XVIII столетия повел свою армию на Акру^[1] после битвы под пирамидами, где незадолго до победы над мамелюками он воодушевлял своих солдат: "...с высоты этих пирамид на вас смотрят сорок веков". По Синаю в течение сорока лет блуждали также дети Израилевы, прежде чем вступили на Землю Обетованную. Здесь Моисей получил скрижали, послужившие основой для этических законов еврейской и христианской религий и западной цивилизации.

Синай с его песчаными просторами и голыми горными хребтами, отделяющими Африку от Азии и Средиземное море от Индийского океана, — совершенно безлюдный полуостров. За исключением узкой прибрежной полосы на севере, там очень редко выпадают дожди. Единственные обитатели этого района кочевники-бедуины скитаются испокон веков по опаленной солнцем суровой пустыне в поисках скудной растительности для своих коз. Безмолвие здесь нарушается только воем ветра, проносающегося над раскаленными песками.

В качестве современного театра военных действий Синай имеет мало подобных себе. Это район, где противники могут сражаться без вовлечения в войну гражданского населения, где в одном сражении тысячи танков могут маневрировать и поражать друг друга в бескрайних песках пустыни. В 1956 году Синай стал ареной первого сражения между египтянами и основателями нового Израиля. И в 1967 году он стал полем еще более жестокого столкновения между силами сионизма и арабского национализма.

До 15 мая на Синайском полуострове были размещены две египетские дивизии: 20-я дивизия Армии освобождения Палестины в Газе и 2-я дивизия, растянутая вдоль израильско-египетской границы. За период с 15 мая до конца месяца к этим двум дивизиям были добавлены еще пять египетских дивизий: 7-я дивизия (Рафиях — Эль-Ариш), 3-я дивизия (Джебель Либни — Бир Хасне), 4-я танковая дивизия (Бир Гифгафа — Бир Тамада), 6-я пехотная дивизия (Нахл — Кунтилла) и бронетанковая группа особого назначения равная по силе одной дивизии (западнее Кунтиллы). После размещения этой новой армии 2-я дивизия была сосредоточена в районе Абу Агейла — Кусейма. Всего на полуострове было сосредоточено 100 тысяч солдат и 900-1000 танков.

По мнению командующего израильскими бронетанковыми войсками генерала Таля, египтяне заняли хорошие позиции, которые были приспособлены и для наступления, и для обороны. С одной стороны, они имели возможность нанести удар на восток через Южный Негев силами своей особой бронетанковой группы и 6-й пехотной дивизии, находившейся западнее Кунтиллы, и, соединившись с иорданскими войсками, отрезать Эйлат от остального Израиля. В этом случае Израиль лишился бы своего порта в

^[1] Акко.

Акабском заливе, и проект посылки флотилии, выдвинутый Англией и одобренный Америкой, утратил бы смысл. С другой стороны, предпочтя оборонительную тактику, египтяне, по словам генерала Таля, "блокировали все главные пути продвижения по пустыне благодаря крупной концентрации своих войск и сильно укрепленным позициям, часть которых строилась больше 20 лет. Единственный путь, открытый для продвижения, по которому генерал Иоффе провел свою танковую бригаду, пролегал через дюны. Египтяне, очевидно, считали их непроходимыми".

Командование израильскими сухопутными силами прибегло к таким же методам дезинформации противника, как и воздушные и морские силы, которым удалось заставить египтян перебросить часть своих самолетов и судов с севера, где развернулись военные действия, в район Красного моря. Аэросъемка, произведенная египетским разведывательным самолетом в канун войны, казалось, подтверждала, что две-три израильские танковые бригады были придвинуты вплотную к египетской границе и заняли позиции напротив Кунтилы. Фактически же здесь стояла только одна бригада в окружении большого числа танковых макетов, которые, для создания у египтян ложного представления об их числе, были умышленно плохо замаскированы. У израильтян, бесспорно, имелся общий план дезинформации противника, чтобы убедить египетское главное командование в том, что израильская армия якобы намерена повторить тот же бросок вдоль побережья Красного моря к Шарм а-Шейху, какой она совершила в 1956 году. Известно, что вся дезинформация увенчалась успехом.

Но израильтяне не могли повторить в 1967 году ту же стратегию, какую они применили в 1956 году. Шарм а-Шейх, при его расположении и путях коммуникации, невозможно удержать в случае сосредоточения египтянами крупных сил на севере Синайского полуострова. В 1956 году израильтянам удалось совершить бросок по побережью к Шарм а-Шейху только потому, что египетских войск на севере было немного. Чтобы отразить англо-французское наступление, египтяне стянули тогда большую часть своих сил в район Каира и Суэцкого канала. В 1967 году положение было иным. Даже египтяне, по-видимому, осознали невозможность удержать Шарм а-Шейх, и, когда в среду утром 7 июня стали вырисовываться масштабы израильской победы в северном Синае, они поспешили за два часа до прибытия наступающих израильских сил эвакуировать это место.

Израильтяне знали, что на этот раз у них не было другого выхода, кроме как завязать бои с главными силами противника, сконцентрированными вдоль их южной границы, и прорваться в Синайскую пустыню. Если бы это удалось, то открытие проливов произошло бы автоматически. Израильтяне ни при каких обстоятельствах не могли допустить превращения своей страны в поле боя: они должны были сражаться на территории врага. В отличие от египтян, рассредоточивших половину своих танков по всей армии из расчета, чтобы один танковый батальон приходился на каждую пехотную бригаду и одна танковая группа — на каждую пехотную дивизию, израильтяне были убеждены в том, что бронетанковые силы должны быть собраны в кулак. В беседе, состоявшейся после войны, начальник генерального штаба Израиля

генерал Рабин заявил: "Наши танки — это бронированный кулак, который, набирая в движении скорость и силу, врывается глубоко в расположение противника. При этом мы стремимся не столько овладеть его позициями, сколько расстроить его группировки и лишить их возможности удерживать свои позиции".

Разработанный генералом Рабином и его штабом план подразделялся на три этапа: первый этап — прорыв египетской обороны в ее двух наиболее сильных местах; второй — продвижение одной бронетанковой дивизии к горному хребту восточнее Суэцкого канала для преграждения египтянам путей отхода: третий этап — окончательное уничтожение египетской армии.

Семи египетским дивизиям в Синае противостояли три израильские "дивизии" под командованием генералов Таля, Иоффе и Шарона. (Основной единицей израильской армии является бригада, которая пользуется полной оперативной самостоятельностью. Она насчитывает 3 тысячи солдат, имеет в своем подчинении танковые и артиллерийские подразделения, а также вспомогательные части и медицинскую службу. Израильская "дивизия" состоит из двух, трех или даже четырех бригад). Войска под командованием генерала Таля и генерала Шарона получили задание прорваться в двух намеченных направлениях. Дивизия генерала Иоффе, состоявшая от командира и ниже исключительно из резервистов, должна была совершить бросок через пустыню к перевалу Митле и другим горным перевалам на восточной стороне канала, отрезав противнику пути отхода в Египет. В рамках генерального плана командирам соединений и частей была предоставлена широкая свобода действия, их частные планы затем отсылались в генеральный штаб для критического обсуждения. Например, генерал Шарон сформулировал свой план штурма Абу Агейлы — второго по важности пункта, которым израильтяне стремились овладеть, — только за несколько дней до начала войны.

Отборные израильские бронетанковые части под командованием бригадного генерала Таля с 250-300 танками получили задание осуществить начальный прорыв в районе Рафиях, неподалеку от средиземноморского побережья и южнее Газы. Главным объектом наступления был Эль-Ариш, расположенный на побережье в 30 милях западнее Рафияха. Через него проходит железная дорога, соединяющая Газу с Кантарой. В этом городе была главная база, снабжавшая египетскую армию в Синае.

Оборона сильно укрепленной полосы Рафиях — Эль-Ариш была поручена 7-й египетской пехотной дивизии. Сам Рафиях, защищаемый бригадой, был к тому же окружен на большую глубину подковообразным минным полем, простиравшимся почти до побережья. Египтяне обосновались на сильно укрепленных позициях, тянувшихся к югу от Рафияха до непроходимых песчаных дюн. Подступ к этим позициям, за которыми глубоко окопались две пехотные дивизии, защищенные колючей проволокой и противотанковыми орудиями, прикрывались широкими минными полями. В тылу позиций была размещена артиллерийская бригада со 122-миллиметровыми орудиями и дивизион 100-миллиметровых дальнобойных

пушек. Эта артиллерия могла обрушиться на израильтян 5 тонн снарядов в минуту.

Планируя свою атаку, Таль учел возможность обстрела египетской артиллерией и опасность египетских минных полей. Поэтому он решил пробиться к Рафияху обходным маневром через соседний городок Хан-Юнис. При этом он пошел на риск столкновения с частью 20-й палестинской дивизии и 7-й египетской пехотной дивизией, зная, что как только его войска достигнут Хан-Юниса, они окажутся вне досягаемости египетской артиллерии и смогут легко проложить себе путь к Рафияху в обход минных полей, продвигаясь форсированным колонным маршем по египетским проселочным дорогам. Зная, что в пределах оборонительной полосы Рафиях — Эль-Ариш было сосредоточено более 100 египетских танков, которым нужна была свобода маневрирования, Таль с уверенностью предположил, что его силы, прорвав оборонительные линии противника, не окажутся на минных полях. Одновременно с наступлением одной бригады на Хан-Юнис на северном фланге, вторая должна была направиться в обход минных полей и окопов, тянувшихся южнее Рафияха. Эти силы должны были атаковать и подавить египетскую артиллерию и овладеть с тыла укрепленными позициями.

Это был первый сухопутный бой в эту войну. "Мои люди знали, — говорил впоследствии Таль, — что от этого боя зависит исход войны и, возможно, судьба Израиля. Больше десяти лет прошло со времени нашего последнего столкновения с египтянами. Мы не могли предугадать, какое влияние окажет русская боевая подготовка, современное русское вооружение и новый дух египетской армии на ее боеспособность. Мы знали, что нам предстояло сразиться с армией, вооружение которой качественно и количественно превосходило нашу. Пропорционально своей численности египетская армия уступает только американской армии по насыщенности техникой.

Перед боем Таль сказал своим людям: "Если мы хотим выиграть войну, то должны выиграть первый бой; нельзя нам отступать, каждый объект должен быть взят любой ценой. Мы должны победить или умереть".

В 8.15 утра в понедельник 5 июня, получив из штаба Южного фронта долгожданный приказ, израильские наземные силы перешли в наступление. За полчаса до начала атаки первая волна израильских самолетов нанесла свой удар. Большая часть египетской авиации была уже уничтожена. На добром десятке аэродромов целые эскадрильи МИГ-21 — одних из самых быстрых и современных самолетов в мире — были превращены в груды обуглившегося, искореженного лома. Но об этом ничего не было известно ни израильским танкистам, несущимся на полной скорости к египетским полевым укреплениям, ни египетским солдатам, наводящим свои противотанковые орудия на быстро приближающиеся цели.

Под ураганным огнем артиллерии, пулеметов и противотанковых орудий северная бригада генерала Таля достигла позиций палестинцев у Хан-Юниса и начала их штурм. Израильские танки атаковали укрепления. Почти сразу же шесть танков были уничтожены. Разгорелся жестокий бой. Но скорость и порыв израильского удара смели все на своем пути, и израильские танки

прорвали позиции палестинцев и вторглись в Хан-Юнис. Этот стремительный прорыв стоил израильтянам многих жертв. В числе павших были командиры 35 танков, среди них один командир батальона. Израильская армия гордится тем, что командиры танков, желая иметь ясную картину боя, сражаются при открытом башенном люке даже под ураганным огнем противника. Несмотря на тяжелые потери, которые несет командный состав танковых сил, эта традиция является важным фактором израильского успеха.

После взятия Хан-Юниса два батальона северной бригады, обойдя Рафиях и вклинившись между позициями египтян и морем, быстро наступали на северо-запад к Шейх Зуэву. Этот сильно укрепленный пункт оборонялся египетской бригадой, которая преградила путь наступающим войскам, но остальные силы израильской танковой бригады прорвали египетскую оборону Рафияха и, обойдя минное поле, вышли на дорогу, ведущую из Хан-Юниса.

Тем временем другая танковая бригада Таля продвигалась в более южном направлении, чтобы выйти в тыл египетским укреплениям и обойти минные поля южнее Рафияха. Подтянув один танковый батальон к египетской линии обороны, израильтяне начали обстрел противника, чтобы вызвать ответный огонь и этим заставить его демаскировать свои позиции. Этот маневр удался, и израильские силы попали под интенсивный противотанковый огонь. Почти сразу же был уничтожен один из ведущих израильских танков, на котором находился командир роты. Танк вспыхнул, и густой столб дыма высотой в сотни футов взметнулся к небу. Командиру южной бригады это облако послужило ориентиром для продвижения вдоль северного края дюн и захода во фланг египетским позициям, избежав этим опасности сбиться с пути и завязнуть в песках.

Израильтянам удалось перевалить через дюны в самой южной точке египетских позиций и выйти в тыл противнику. Однако они не заметили еще не участвовавшей в боях египетской бригады, размещенной на крайнем юге и отделенной от них труднопроходимой местностью, и атаковали северную египетскую бригаду, не зная, что над ними нависла угроза с юга.

Израильтяне выделили танковый батальон из своей южной бригады, чтобы подавить египетскую артиллерию, которая за несколько минут до этого подверглась налету израильской авиации. Батальон уничтожил 20 тяжелых танков "Сталин", прикрывавших своим огнем египетскую артиллерию, и ворвался в огневые позиции противника. Выполнив эту первую задачу, он должен был повернуть на восток и соединиться с остальными израильскими силами, атакующими противника с тыла. Однако израильтяне продвинулись слишком далеко на север и, не успев повернуть на восток, натолкнулись на 20 египетских танков. В ходе завязавшегося боя эти танки были уничтожены. Но это не предусматривалось планом Таля, и тем временем командир южной бригады, который одним батальоном атаковал египетские позиции, обороняемые бригадой, попал в окружение. Начался ожесточенный бой. Израильский батальон сражался не на жизнь, а на смерть против превосходящих сил противника. "Когда я говорил по радио с командиром бригады, — рассказывал впоследствии Таль, — я понял, что он одной рукой стрелял из пулемета, держа микрофон в другой руке".

Таль, у которого была еще бригада в резерве, тут же направил батальон моторизованной пехоты с приказом идти по северному краю дюн тем же путем, какой проделала за несколько часов до этого южная бригада. Он также приказал командиру северной бригады, которая в это время быстро продвигалась вдоль побережья на запад, повернуть на восток вместе с одним из своих танковых батальонов, чтобы прийти на выручку окруженным израильтянам. Кроме того, он распорядился, чтобы моторизованная пехота северной бригады, ворвавшаяся в Рафиях и очищавшая город от войск противника, направилась на юг через минные поля, опоясывавшие город, и установила связь со своими окруженными товарищами.

Первым к окруженным прорвался батальон, который уничтожил египетскую артиллерию. Командир этого батальона не мог допустить, чтобы его часть долго оставалась изолированной от второго батальона южной бригады. Он подоспел вовремя: у окруженных израильтян подходили к концу боеприпасы. Прибытие подкрепления быстро изменило соотношение сил. Египетская бригада потеряла более тысячи человек убитыми. Вскоре после этого генерал Таль прибыл на поле боя и присоединился к командиру южной бригады, ослабленной настолько, что лишь одна танковая рота могла продолжать бой без перегруппировки.

Узнав, что в нескольких милях южнее 50 раненых ожидают эвакуации. Таль послал вертолет, чтобы вывезти их в тыл. Но когда этот вертолет попытался приземлиться, он был встречен сильным наземным огнем противника. Только тогда выяснилось, что израильтяне не обнаружили в начале дня на самом южном участке фронта еще не участвовавшую в боях бригаду противника, расположившуюся за холмами на сильно укрепленных позициях. Немедленно командующий южной бригадой вместе с командиром батальона повели единственную боеспособную танковую роту на штурм египетских полевых укреплений. Наступила ночь, но бой продолжался в течение двух часов в темноте. Несмотря на свое яростное сопротивление, египтяне были разбиты. К концу сражения их позиции были взяты, и они оставили на поле боя 1500 своих солдат. Когда поредевшая танковая бригада и остатки ее роты наконец сошлись, их командиры опустили на землю от усталости. Израильская южная бригада потеряла 70 человек убитыми и в несколько раз больше ранеными.

В тот же день, незадолго до этого боя, под впечатлением успехов войск Таля, продвигавшихся к Эль-Аришу, была отменена комбинированная воздушно-морская десантная операция, запланированная на ночь, и парашютисты, которые должны были участвовать в ней, были переброшены в район Иерусалима к границам Иордании, где незадолго до полудня начались тяжелые бои. В 16.00 Таль двинул часть своей резервной бригады на эль-аришский аэродром, чтобы отрезать его от укрепленной полосы, окружавшей город.

Тем временем на северном направлении передовые танковые батальоны Таля преодолели сопротивление противника у Шейх Зуэва и подошли к сильно укрепленным позициям египтян у Джирады, в пяти милях к востоку от Эль-Ариша.

В то время как силы Таля совершали свой прорыв у Хан-Юниса, в двадцати милях южнее одна из двух танковых бригад генерала Иоффе продвигалась через песчаные дюны к Бир Лахфану. Это было единственное направление, не загражденное укрепленными египетскими позициями. Израильтяне разведали этот маршрут еще в 1956 году. Их джипы часто застревали в песке, но, по мнению разведчиков, дорога все же была проходима для гусеничных машин. Несколько раз Иоффе приостанавливал свое продвижение, пока саперы с миноискателями шаг за шагом обезвреживали минное поле. Ни один израильский танк не подорвался. "Мы без труда определяли места, где могли быть мины", — заметил Иоффе, сопровождая свою широкую улыбку экспансивным медвежьим жестом. Его бригаде потребовалось 9 часов, чтобы продвинуться на 60 миль и достигнуть в понедельник в 18.00 района Бир Лахфан. Здесь он разместил свои войска с таким расчетом, чтобы заградить пути переброски египетских подкреплений из Джебель Либни и Абу Агейлы к Эль-Аришу, который к тому времени стал объектом стремительного наступления войск генерала Таля. Египтяне, как и предполагалось, пытались укрепить оборону Эль-Аришу, послав из Джебель Либни танковую бригаду и часть моторизованной пехотной бригады. В Бир Лахфане они наткнулись на танки генерала Иоффе. В результате завязавшегося боя были уничтожены 14 египетских танков. Бои продолжались с перерывами всю ночь, но во вторник в 10 часов утра египтяне, не выдержав удара израильской авиации, обратились в бегство. Одна из танковых частей Иоффе преследовала их.

В ночь с воскресенья на понедельник передовые танковые батальоны Таля прорвали египетскую линию обороны в районе Джиреды, и командир северной бригады смог рапортовать о том, что его танковый батальон прорвался в Эль-Ариш. Как-то перед войной Таль сказал начальнику генерального штаба Рабину, с которым они просматривали планы, что овладеет Эль-Аришом через 20 часов после начала военных действий, на что Рабин ответил: "Не пускай пыль в глаза". Хотя еще не был полностью подавлен сильный минометно-пулеметный огонь отдельных египетских частей, дислоцированных в этом районе, израильским бронетанковым силам удалось за 12 часов разбить 7-ю египетскую дивизию и проложить с боями путь к Эль-Аришу.

Но до победы было еще далеко. Египтяне располагали в районе Джиреды мощной линией бетонированных окопов и бункеров, что делало Джиреду самой укрепленной позицией на подступах к Эль-Аришу. Хотя передовым израильским танкам удалось прорваться к Эль-Аришу, но остальные части северной бригады вынуждены были приостановить продвижение перед обороной египтян. Таль отозвал два батальона своей резервной бригады, которая продвигалась южнее Джиреды к эль-аришскому аэродрому, и приказал им выступить на север в помощь северной бригаде. На полпути к Джиреде эта группа застряла в дюнах и дальнейшее ее продвижение стало невозможным. Поэтому Таль перебросил на Джиреду моторизованный батальон из Рафияха, охранявший до этого дороги, по которым шло обеспечение горючим и боеприпасами. После ожесточенного боя северная бригада прорвала оборону

египтян, потеряв 10 танков и много солдат, в числе которых были один батальонный и два ротных командира. Оба батальона резервной бригады, которые застряли в дюнах южнее Джиреды, сумели все же потом продолжать свое продвижение к эль-аришскому аэродрому, где они уничтожили 10 египетских танков и еще 10 танков заставили отступить к Бир Лахфану.

Рассвет застал Талья с двумя танковыми бригадами в Эль-Арише. Он назвал сражение "бойней" и признался, что продвижение его войск сильно замедлилось из-за сильного и точного египетского противотанкового огня. По окончании войны он сказал: "Египетские танки выдавали свое местонахождение после первого или второго выстрела. Но египетские противотанковые орудия, скрытые в бетонных бункерах среди дюн, продолжали стрелять залпами. Это было похоже на вспышки молний над полем боя. Невозможно было определить, откуда они стреляют, и лишь некоторые из них удалось уничтожить танковым огнем. Наши танки двигались на эти вспышки и подавляли противотанковые позиции врага".

Только абсолютное превосходство в воздухе, достигнутое израильской авиацией в первые три часа войны, сделало возможным быстрое наступление израильтян через Рафиях на Эль-Ариш. Даже в понедельник утром, когда израильская авиация сражалась с военно-воздушными силами и Египта, и Сирии, и Иордании, командующие израильскими наземными силами могли вызвать авиацию для бомбардировки наиболее укрепленных позиций противника.

Бой за Рафиях и Эль-Ариш велся израильтянами "невзирая на потери". Но после прорыва Таль считал своей главной задачей свести потери к минимуму. Поэтому он приказал командиру южной бригады предпринять то, что он назвал "хитроумной атакой" на египетские позиции, расположенные в стороне от Бир Лихфана, к юго-востоку от Эль-Ариша. Командиру бригады было приказано придвинуть танковый батальон к египетским позициям и вступить в перестрелку с противником с дальнего расстояния. Новые части не должны были пока участвовать в бою, и батальон воздерживался от атаки до получения личного приказа Талья. Благодаря дальнбойности и высокой точности огня британских 105-миллиметровых орудий, израильские "Центурионы" смогли подавить с большого расстояния противотанковые орудия в их бетонированных бункерах и уничтожить размещенные за этими орудиями танки Т-54. Убедившись в успешном ходе боя, Таль разрешил второму батальону выйти через дюны на восточную сторону. Многие израильские танки завязли в песке и некоторое время находились под большой угрозой. Однако, когда второй израильский батальон начал свое продвижение, египтяне из опасения, что их обходят с фланга, отступили, двигаясь параллельно продвижению израильтян. Благодаря этому израильтяне смогли ворваться в египетские позиции, уничтожив более 30 египетских противотанковых орудий, 15 танков и два зенитных орудия с радиолокационными установками, причем на стороне израильтян лишь один человек был ранен. Таль избегал повторения того, что случилось в Джиреде, где после израильского прорыва египтяне смогли перегруппироваться и преградить путь израильским подкреплениям. Поэтому он приказал пехотному батальону резервной бригады продвигаться

вслед за наступающими танками. В полдень во вторник эти части овладели Бир Лихфаном — последним опорным пунктом египтян в этом районе.

После прорыва, осуществленного войсками Талья у Хан-Юниса и Рафияха, израильская бригада вступила с юга в полосу Газы и продвигалась в северо-восточном направлении на город Газу, очищая по пути позиции от палестинцев. Газа была взята во вторник в 12.45 дня. Пока один мотопехотный батальон Талья вел упорные уличные бои в Эль-Арише, его отряд саперов, усиленный танками и самоходными орудиями, наступал на запад вдоль побережья в направлении канала.

Сам Таль во главе остальных своих войск направился для соединения с частями генерала Иоффе на юг, в Джебель Либни, овладение которым являлось промежуточной задачей обоих генералов. Здесь они должны были согласовать свои планы на следующий этап кампании и получить новые приказы по радио.

Пока войска генерала Талья осуществляли начальный прорыв в районе Рафияха, а танковая бригада генерала Иоффе продвигалась с боями через дюны, генерал Шарон выводил своих людей и технику из оборонительных позиций в районе Ницаны, чтобы в понедельник вечером завершить окружение египтян в Абу Агейле и приготовиться к ночному штурму.

Абу Агейла — второй пункт, избранный израильцами для прорыва. Этот участок обороны расположен среди дюн в 15 милях к западу от египетско-израильской границы. Его укрепления из трех параллельных траншей тянулись на 3 мили. Первая линия траншей отстояла от второй на 300 ярдов, вторая от третьей — на 600 ярдов. Все траншеи были бетонированы, и их первая линия пересекала минное поле, так что мины лежали как впереди, так и позади нее. На обоих флангах траншей были сосредоточены пехотные и бронетанковые части. В районе укреплений было много египетских танков, противотанковых орудий и артиллерии разных калибров. За укреплениями были размещены дополнительные пехотные и бронетанковые части для защиты тыла. Многие укрепления были построены еще в 1948 году, но с тех пор стало их значительно больше и они были улучшены. Этот участок обороны защищала бригада из четырех пехотных батальонов 2-й египетской пехотной дивизии. Бригада была усилена 80-90 танками Т-54 и Т-34, а также шестью артиллерийскими дивизионами со 122-миллиметровыми русскими орудиями, несколькими противотанковыми дивизионами и подразделениями тяжелых минометов.

Абу Агейла господствует над пересечением дорог из Эль-Ариша, Джебель Либни и Кусеймы, и ее гарнизон мог эффективно блокировать главную дорогу из Ницаны в центр Синая. Чтобы сохранить темп своего продвижения, израильцы должны были уничтожить в своем тылу этот сильный объект, опираясь на который противник мог поставить под угрозу снабжение армии горючим и боеприпасами, без чего стремительное наступление захлебнулось бы. Кроме того, вторая бригада генерала Иоффе не могла продвигаться до взятия Абу Агейлы.

Овладеть Абу Агейлой было поручено бригадному генералу Ариэлю Шарону, который в 1956 году командовал бригадой парашютистов, с боем захватившей перевал Митле. До войны 1967 года он руководил боевой

подготовкой израильских вооруженных сил. Шарон — человек крепкого сложения, с замашками рубаки. Своим лицом под копной седеющих волос он напоминает римского полководца. Из-под его погона торчит малиновый берет парашютиста (подарок друзей, французских парашютистов, — более яркий, чем какой-либо другой берет в израильской армии).

По мнению Шарона, египтяне использовали при обороне Абу Агейлы в основном русскую тактику. Он добавил: "Это было кстати для нас, потому что мы избегаем фронтальных атак". Шарон разработал свой план наступления лишь за два или три дня до начала войны. Он располагал точной информацией об укреплениях в Абу Агейле и о расположении египетских войск в этом районе. Впоследствии он рассказывал: "У нас был песчаный макет всего района, и я ознакомил с ним каждого офицера, чтобы он хорошо ориентировался в обстановке, знал точно, что ему делать. Это было самое важное, так как мы избрали для атаки ночное время". Шарон решил наступать ночью, потому что, по его словам, "египтяне, в отличие от израильтян, не любят драться в это время и уклоняются от рукопашного боя".

План Шарона предусматривал следующее:

1. Выдвинуть артиллерию на передовую позицию, откуда она смогла бы вести интенсивный и прицельный огонь по египетским траншеям.

2. Блокировать египтян с тыла, чтобы преградить путь подкреплениям, и нанести удар с тыла силами одного танкового батальона.

3. Перебросить на вертолетах парашютистов и атаковать Абу Агейлу с севера, зайдя в тыл главным оборонительным линиям и подавляя египетскую артиллерию.

4. Пехоте атаковать левый (северный) египетский фланг, очистить передовые траншеи и с помощью саперов проложить проход через минные поля.

5. Осуществить прорыв танками в самом участке обороны.

Танковая бригада Шарона пересекла границу в понедельник в 9.00 утра. Она продвинулась к Абу Агейле и к полудню с ходу овладела передовыми позициями 2-й египетской дивизии, уничтожив при этом несколько танков. Вслед за израильскими танками огромной колонной двигались шесть артиллерийских дивизионов со своим боевым снаряжением. Египтяне обрушили на них шквал огня. В 15.00 эта артиллерия заняла огневые позиции в 5 милях от Абу Агейлы. Оттуда они могли подвергать мощному и концентрированному обстрелу египетские укрепления. Израильтяне пристреливались до тех пор, пока их орудия не накрывали замеченные неприятельские цели. За танковой бригадой от самой границы следовала в гражданских автобусах одна из пехотных бригад Шарона. "Мы измазали грязью все наши автобусы и гражданский транспорт, — объяснял генерал Шарон, — не столько, чтобы замаскировать их, но чтобы придать им немного более боевой вид". (По-видимому, люди Шарона не совсем достигли своей цели, ибо полковник израильских ВВС, который руководил наземным контролем над налетами израильской авиации на синайские объекты, заметил впоследствии: "Мы почти всегда опознавали с воздуха наш транспорт. Всякий

раз, когда мы видели фургоны для мороженого, сосисок или молока, мы знали, что это могут быть только наши").

Покрыв расстояние почти в 10 миль, пехота покинула свои автобусы, которые завязли в песке и не могли дальше ехать. Следующие десять миль солдаты шли пешком по пустыне и только с наступлением ночи, под покровом темноты, заняли исходные позиции для атаки левого (северного) фланга египтян.

Тем временем разведочная группа, которой придали танковый батальон, подразделение саперов и расчеты тяжелых минометов, продвигалась севернее в обход позиций египтян с фланга, чтобы блокировать их с тыла. В 15.00 эти силы ворвались в расположение египетского батальона, который преграждал им путь на северо-запад от Абу Агейлы. Завязались тяжелые бои, израильская атака была отражена, и семь израильских танков были уничтожены. Израильские командиры радиовали о немедленном введении в действие авиации, но попытки израильских самолетов выйти на объект не увенчались успехом из-за песчаной бури, бушевавшей в тот день в этом районе и ограничивавшей видимость несколькими сотнями метров. Тем не менее вскоре после 15.30 израильтяне предприняли вторую атаку. На сей раз им удалось овладеть позицией противника. Затем они вышли на дорогу Эль-Ариш — Абу Агейла, приняли бой с 20-ю танками Т-54 и заняли египетскую позицию, блокировавшую дорогу.

С наступлением темноты они продвинулись на юго-восток и вышли к пересечению дорог, ведущих в Джебель Либни, которые они также блокировали. Прибыло горючее и боеприпасы, но израильтяне приостановили наступление в ожидании приказа продолжать продвижение к Абу Агейле и окружить египтян с тыла. В то же время Шарон выслал второй разведочный отряд с танками, джипами и минометами в южном направлении, к дороге Кусейма — Абу Агейла. Там они с наступлением ночи окопались. Благодаря этим двум маневрам израильтян, все египетские пути переброски подкреплений из Кусеймы, Эль-Ариша и Джебель Либни оказались перерезанными. Тем самым были отрезаны все пути отхода из Абу Агейлы. Окружение было завершено.

С наступлением сумерек два вертолета с парашютистами-сигнальщиками пролетели на малой высоте над дюнами и приземлились в миле к северу от египетских укреплений. В их задачу входило посредством световых сигналов направить главные силы, перебрасываемые вертолетами, к исходному рубежу атаки. Как только стемнело, туда был переброшен в полном составе батальон парашютистов. "Вертолетами можно с гораздо большей точностью и быстротой перебросить войска, чем с помощью самолетов, которые сбрасывают солдат на большой площади", — заметил Шарон.

В 21.45 израильские войска были готовы к атаке. Были устроены заслоны за египетскими линиями, и израильский танковый батальон северо-западнее Абу Агейлы был готов атаковать египтян с тыла. Израильская пехота была придвинута на расстояние нескольких сотен метров к египетским траншеям, и основная масса бронетанковых сил, которая держалась в отдалении, чтобы не

попасть под прямой обстрел египетской артиллерии в дневное время, была также передвинута на передовые рубежи, против египетских позиций.

Командный пункт Шарона находился в то время в дюнах, всего в 1000 ярдах от египетских траншей. Шарон потом рассказывал: "Было светло, как днем, от разрывов осколочно-фугасных и зажигательных снарядов, освещавших всю местность". В 22.00 штаб Южного фронта предложил на усмотрение Шарона перенести наступление на другой день, когда можно будет обеспечить поддержку с воздуха. До этого срока израильская авиация смогла совершить только один налет на траншею египтян в районе Абу Агейлы. Один самолет был сбит огнем зенитной артиллерии, но летчик спасся.

Шарон впоследствии вспоминал:

У меня было вполне реальное основание опасаться за жизнь наших солдат. Я чувствовал, что даже при поддержке авиации овладеть столь сильно укрепленной позицией в дневное время будет очень трудно. Я утром видел, как наши солдаты двигались вперед через дюны. На их лицах была уверенность, и я знал, что они готовы к штурму. Я не мог заставить их ждать. Я был уверен, что мы возьмем Абу Агейлу.

В 22.45 Шарон отдал приказ о наступлении. В тот же момент шесть артиллерийских дивизионов, которые он ранее придвинул к противнику и которые скрывались за дюнами к востоку от Абу Агейлы, открыли огонь.

Вот рассказ Шарона об этом событии:

В течение получаса свирепствовал шквал огня. За всю жизнь я не слышал и не видел ничего подобного. Затем я приказал парашютистам прорвать египетские оборонительные позиции и подавить вражескую артиллерию. В то же время я дал указание танковому батальону, размещенному северо-западнее эль-аришской дороги, выступить и атаковать противника с тыла. Через несколько минут я распорядился, чтобы вся танковая бригада придвинулась вплотную к египетским позициям и открыла огонь, но в воздухе было столько копоти и пыли, что они не могли стрелять, так как не видели цели.

В 23.15 наша артиллерия прекратила огонь, начали стрелять танки, пехота перешла в наступление. Каждый батальон должен был очистить определенную траншею противника. Ранее я послал за 150 фонарями. На полевом складе у меня был друг, и я велел передать ему, что мне нужны 50 красных фонарей, 50 зеленых и 50 синих. На складе стекла фонарей спешно покрасили, и через два или три часа их доставили мне. Каждому батальону были переданы фонари определенного цвета. Таким образом наши танкисты знали точно, где находится наша пехота, и могли вести огонь через головы наступающих солдат. Мы применили прожекторы, чтобы осветить всю местность и обеспечить прицельную точность танковым пушкам.

Во вторник в 0.30 египетский огонь начал ослабевать. Парашютисты делали свое дело, но несли потери. В одной части из 150 человек 5 было убито и 15 ранено. Я приказал не оставлять раненых. Мы никогда не оставляем их, но на этот раз я хотел, чтобы они взяли своих раненых с собой в случае египетской контратаки. Так как одного раненого несут два человека, то почти половина солдат этой части не могла принимать участия в бою.

Пехота, получившая приказ очистить одну милю траншей, фактически очистила полосу в добрых три мили, ведя непрерывные рукопашные бои. Я немедленно приказал саперам приступить к разминированию минных полей. Они сделали это миноискателями и танками, снабженными молотильными цепями. Было важно, чтобы наши танки прорвались в египетские укрепления до рассвета: при дневном свете они превратились бы в превосходную мишень для египетской артиллерии. В одном месте египтяне взорвали дорогу. Образовалась такая глубокая воронка, что наши танки не могли преодолеть ее. Им пришлось свернуть в сторону — и сразу же один танк подорвался на mine. Но очень скоро нашему саперу Зеэву удалось очистить другой проход, и танковая бригада ворвалась в укрепленную полосу. Тем временем танки, продвигавшиеся с севера, ворвались с тыла в расположение египетских войск.

В 3.30 я мог радовать командующему Южного фронта, что Абу Агейла в моих руках, несмотря на то, что танковое сражение в укрепленной полосе площадью 8x4 мили произошло на рассвете и продолжалось с 4 до 6 часов утра.

В 6.00 бой затих, и я приказал своим войскам, блокировавшим с юга дорогу Кусейма — Абу Агейла, продвигаться на Кусейму. Взятие Абу Агейлы было самой сложной операцией, какую когда-либо выполняла наша армия. Наши люди победили, потому что они верили и знали, что могут выполнить свою задачу.

Вторая из двух бригад генерала Иоффе должна была пройти через наши расположения. Чтобы они смогли это сделать, мы должны были освободить дорогу от сотен машин, всех автобусов и молочных фургонов, которые мы перебросили туда днем раньше. Повернуть их назад и отправить домой мы не смогли. Мы только столкнули их с дороги в песок, и люди Иоффе смогли продвигаться к Джебель Либни.

В Абу Агейле я распростился со своими командирами пехотных и парашютных частей и с танковой бригадой направился на юг к оазису Нахл, чтобы встретиться с другими частями, которые были переданы под мое командование.

Прорвав оборону противника под Рафияхом и Абу Агейлой, израильтяне оказались в тылу главных сил египетской армии и перед ними открылись два направления в центральный Синай. Свежие части второй бригады генерала Иоффе достигли в среду в 6.00 утра Джебель Либни. Теперь были созданы все условия для окончательного окружения и уничтожения египетской армии на Синайском полуострове.

Глава седьмая.

Иерусалим и Западный Берег Иордана

Когда в Синае гремели бои, в Иерусалиме разыгрывались еще более важные события. Командующий Центральным фронтом бригадный генерал Узи Наркис с завистью узнавал, как на юге разворачивается главное сражение, а его войска вообще не участвуют в боях. Но видно, он родился в рубашке: в конце первого дня войны главный раввин армии генерал Шломо Горен сказал ему во время боя: "Твои люди делают историю. То, что происходит в Синае, ничто по сравнению с этим".

В понедельник утром израильские силы в центре на иорданском фронте и на севере на сирийском фронте занимали оборонительные позиции. Согласно плану они должны были сдерживать противника на обоих этих фронтах, когда главные силы израильской армии будут уничтожать египетскую армию в Синае. Израильтяне надеялись, и до рокового поцелуя, которым обменялись Насер и Хусейн в Каире во вторник 30 мая, они искренне верили, что Иордания воздержится от участия в каком-либо конфликте между Израилем и Египтом. В 1956 году Иордания оставалась в стороне, и существовало общераспространенное мнение, что она так же поступит в 1967 году.

Как только в тот вторник вечером стало известно о заключении пакта между Насером и Хусейном, генерал Наркис, командовавший войсками, которые должны были защищать Иерусалим, Тель-Авив и всю густонаселенную прибрежную равнину, получил специальные инструкции от генерального штаба о необходимости избегать провокаций и придерживаться строго оборонительной тактики. Одной из главных проблем, с которыми Наркис мог столкнуться в случае войны, было положение на Горе Скопус^[1]. Это был израильский анклав, отрезанный от израильской части Иерусалима и полностью окруженный иорданской территорией. На Горе Скопус находился старый Еврейский университет. Здесь сложилось противоестественное положение в результате демаркации границ, проведенной Комиссией по соблюдению перемирия 1948 года. По этому соглашению демилитаризованная зона, закрытая для военной техники, охранялась 120 израильскими солдатами, которые сменялись раз в две недели. Эта израильская колонна пользовалась правом свободного прохода раз в две недели на Гору Скопус и обратно, при этом ООН осуществляла контроль над количеством солдат. Было также строго ограничено количество оружия и боеприпасов, которые израильтяне могли провезти на гору Скопус. Но они, по-видимому, нашли способ переправить оружие, и к началу войны на горе был довольно значительный арсенал, хотя воинский контингент для защиты этого сектора и не превышал 120 человек. За несколько дней до начала войны израильское командование удовлетворило просьбу иорданской стороны отменить регулярную смену гарнизона на горе Скопус. Очевидно, иорданцы обратились с этой просьбой, чувствуя свое бессилие сдерживать ярость иерусалимской черни, наэлектризованной сообщением о блокаде Акабского залива. Неожиданная готовность израильтян

^[1] Гора Цофим.

пойти навстречу иорданцам, несмотря на право требовать полного соблюдения соглашения, свидетельствует об их стремлении не подавать повод иорданцам для какой-либо провокации.

Другой проблемой, с которой столкнулся Наркис, был статус бывшей правительственной резиденции, расположенной южнее Иерусалима в районе, контролируемом ООН. Наркис обязан был не допустить захвата иорданцами этого здания, ставшего штаб-квартирой Объединенных Наций.

Однако эти проблемы, несмотря на все их значение, носили местный характер. Наркис должен был предотвратить две более серьезные опасности. Во-первых, иорданцы могли окружить и отрезать израильскую часть Иерусалима; во-вторых, что представляло еще большую угрозу, они могли прорваться на запад в район Нетании и разрезать Израиль надвое. Здесь так называемая талия Израиля не превышала 10 миль.

Успех иорданцев в этой операции означал бы со стратегической, экономической и политической точек зрения катастрофу для Израиля и серьезно понизил бы его обороноспособность, ибо коммуникационные линии страны, идущие на север и юг, были бы перерезаны. Сосредоточение главной массы израильских танков на юге страны сделало бы север особенно уязвимым для сирийских и иорданских атак.

За несколько недель до войны иорданцы сконцентрировали следующие силы в южной части Западного берега Иордана: 27-ю бригаду с батальоном 3-й танковой бригады — между Иерусалимом и Иерихоном, а несколько севернее — 60-ю танковую бригаду с 80 танками "Паттон". Эти силы представляли собой значительную угрозу горе Скопус и бывшей правительственной резиденции.

Прибытие в Иорданию 24 мая полной иракской пехотной дивизии, усиленной 150 танками, еще более осложнило положение Израиля. Такие крупные силы в соединении с иорданскими войсками, могли представлять большую угрозу Израилю в его наиболее уязвимом пункте — в районе узкой прибрежной полосы между иорданской границей и Средиземным морем.

В среду 31 мая Моше Даян, еще не вошедший в правительство, с разрешения Эшкола посетил Наркиса и посоветовал ему: "Не досаждайте генеральному штабу просьбами о подкреплении. Стисните зубы и ничего не просите". План, принятый Наркисом за несколько дней до посещения Даяна, предусматривал, что если Иордания вступит в войну, то израильские пехотные части прорвутся из Иерусалима к горе Скопус, а танковые части будут переброшены к возвышенности между Иерусалимом и Рамаллой, опираясь на которую они смогут господствовать над всем Иерусалимом и защищать гору Скопус и правительственную резиденцию. Это в то же время означало приближение к Старому Городу^{2[2]}. Наряду с этим Наркис предполагал бросить в действие свою пехоту, чтобы взять и удержать Сур Бахир и перерезать дорогу, связывающую Иерусалим с Вифлеемом^{3[3]}. Он просил также передать ему бригаду парашютистов, чтобы захватить полицейскую школу —

^{2[2]} Старая часть Иерусалима со Святыми Местами.

^{3[3]} Бейт-Лехем.

иорданский опорный пункт на пути между израильским сектором Иерусалима и анклавом на горе Скопус.

С наблюдательного пункта в Кастеле, в пяти милях западнее Иерусалима, неподалеку от дороги Иерусалим — Тель-Авив, где также находился передовой командный пункт, Наркис и Даян произвели обзор местности и согласовали план действия. Даян предложил отказаться от ранее запланированных даже незначительных перемещений, чтобы не спровоцировать иорданцев.

В конце предвоенной недели было получено сообщение, что иракская дивизия продвигается по восточной Иордании, и после переправы через Иордан в субботу ночью она перейдет под командование египетского генерала Риادا, имевшего свою ставку в Аммане. 3 июня, в субботу вечером, поступило также сообщение о прибытии в Амман египетского батальона командосов.

Зная, что он не может рассчитывать на подкрепление, Наркис распорядился, чтобы люди в его секторе рыли траншеи миля за милей. Все горожане и жители кибуцов и селений были заняты этой тяжелой работой. Женщины и школьники набивали песком мешки. Повсюду закладывали мины, но их было недостаточно. "Мы сделали все что могли, чтобы подготовиться к отражению нападения", — заявил Наркис.

Утром в понедельник 5 июня, незадолго до первой волны израильских самолетов против Египта, премьер-министр Израиля Эшкол направил следующее послание королю Хусейну при посредничестве командующего войсками ООН генерала Одда Булля:

"Мы не предпримем каких-либо действий в каком-либо пункте против Иордании. Но если Иордания начнет военные действия, мы ответим на них всей своей мощью, и он (король Хусейн) должен будет нести всю полноту ответственности".

Генерал Булль подтвердил, что это послание получено королем Хусейном.

Несмотря на это предостережение, иорданцы вскоре после 8.30 утра открыли беспорядочный огонь вдоль всей границы, разделявшей Иерусалим, и некоторое время спустя снаряды стали рваться в израильской части города. Возможно, Хусейн не поверил тому, что египетская авиация была уже уничтожена, или он утратил контроль над своими вооруженными силами, которые подчинялись приказам египетского генерала Риادا. В 11.30 перестрелка шла уже вдоль всей иорданской границы. Иорданские войска обстреливали Тель-Авив из стоявших в Калькилии пушек "Длинный Том", а снаряды из других орудий, размещенных севернее, взрывались неподалеку от крупной авиационной базы в Рамат-Давиде.

Израильтяне были удивлены, но не обескуражены. Для них это был шанс, который представляется раз в жизни. В 9.10 генерал Наркис, который за час до этого привел в состояние полной боевой готовности все войска Центрального фронта и приказал подать сигнал воздушной тревоги, сказал по телефону мэру Иерусалима Тедди Колеку: "Это война, но мы полностью контролируем положение. По-видимому, вы будете мэром объединенного Иерусалима".

В отчете о битве за Иерусалим положен дневник заместителя генерала Наркиса и отрывки из донесений о боях командира парашютистов полковника Мордехая Гура, командовавшего наземными силами в битве за Иерусалим, и полковника Ури Бен-Ари, командовавшего бронетанковыми силами в этом районе. В отчете они фигурируют под именами Мота и Ури.

Понедельник 5 июня 1967 года.

9.11. Иорданские войска на своих позициях. Амманское радио объявило, что Иордания подверглась нападению.

9.27. Хусейн заявил по радио: "Пробил час реванша..."

9.30. В своей беседе с командующим иерусалимский сектором я спросил, достаточно ли у него танков. Танки находились в тылу, так как, по условиям перемирия, наш военный потенциал в самом городе был ограничен. Я напомнил ему, что он должен быть готов к взятию высоты Абдул Азиз (в миле от Кастеля) и, возможно, бывшей резиденции британского комиссара, ныне штаб-квартиры ООН.

9.33. В беседе с Рабином я сказал: "Мои войска готовы взять Латрун, бывшую правительственную резиденцию в Абдул Азизе".

9.55. Я распорядился, чтобы не прекращалось движение поездов из Тель-Авива в Иерусалим (на участке в 10 миль поезда проходят на расстоянии 200 ярдов от иорданской границы), но только порожняков.

10.30. Каирское радио сообщило, что иорданцы заняла штаб-квартиру ООН.

11.30. Огонь вдоль всей границы. Я говорил с Рабином (начальником штаба) и просил разрешения занять упомянутые пункты. Он ответил отказом. Несколько минут спустя гора Скопус и Рамат-Рахель подверглись артиллерийскому обстрелу 25-фунтовыми снарядами.

11.50. Наркис снова позвонил Рабину и предложил перейти в наступление. Он снова услышал: "Нет".

12.00. Объединенные Нации потребовали прекратить огонь. Наркис согласился.

12.10. В беседе с Бар-Левом (заместителем начальника генерального штаба) Наркис сказал ему: "Я думаю, что мы должны действовать. Я полагаю, что иорданцы хотели бы только получить право сказать, что они сражались, тогда они замолчат. Но мне очень хотелось бы нанести удар и овладеть упомянутыми пунктами". Бар-Лев ответил русским "Нет".

12.20. Иорданцы бомбят и обстреливают наши позиции, самолеты "Хантер" обстреляли деревню около Нетании. Артиллерийский огонь продолжается.

12.30. Я беседовал с командующим войсками иерусалимского сектора и сказал ему: "Если нас атакуют на горе Скопус, Ури (командир моторизованной бригады) должен прорываться на север". Я остановил движение поездов.

12.40. Иорданские "Хантеры" сбросили бомбы неподалеку от Тель-Авива. (Причинен незначительный материальный ущерб, человеческих жертв нет).

12.45. Радио Аммана сообщило: "Гора Скопус в наших руках".

12.50. Сразу же вслед за этим я получил разрешение перебросить моторизованную бригаду из района Рамлы к позициям около Кастеля.

13.00. Я приказал Ури подготовиться к выступлению. Он должен был выйти к позициям на подступах к Иерусалиму, продвигаясь по трем дорогам, идущим из Рамлы. (Все бронетранспортеры находились на юге Негева, где была сконцентрирована основная часть израильских бронетанковых сил. Бронетранспортеры потребовались бы в случае необходимости передислоцировать танки с Южного фронта на Иорданский или Сирийский фронты). Ури просил разрешения перейти в наступление, как только его войска достигнут исходного рубежа. Он предлагал, не прекращая продвижения и не останавливаясь на границе для перегруппировки сил, развить наступление дальше. Наркис беседовал с Даяном, который дал ему разрешение выступить, если израильские войска на горе Скопус окажутся в опасности. Даян предложил послать моторизованную бригаду по более прямой дороге севернее Иерусалима. Наркис ответил, что предпочитает придерживаться своего первоначального запланированного пути, полагая, что, хотя он и длиннее, по нему можно быстрее выйти на дорогу Рамалла-Иерусалим.

Механизированная бригада Ури начала продвижение по горной дороге на Иерусалим. Наркис приказал командующему пехотой подготовиться к обстрелу полицейской школы.

14.00. Генеральный штаб уведомил Наркиса о том, что его силам для ведения боев в центре Иерусалима будет придан батальон парашютистов.

14.05. Ури прибыл в ставку Наркиса. Наркис: "Это будет отплата за 1948 год. Мы оба сражались здесь, и оба потерпели тогда поражение". (Рабин также участвовал в боях за Иерусалим в 1948 году. Все трое родились в этом городе). Наркис приказал Ури выйти в кратчайший срок к горе Скопус.

14.10. Командующий иерусалимской бригадой сообщил Наркису, что правительственная резиденция (штаб-квартира ООН) занята иорданскими войсками. Когда в 8.00 начались бои, мы занимали оборонительную позицию. В 12.00 положение резко изменилось.

Наркис просил разрешения контратаковать.

14.15. Второй батальон парашютистов под командованием Моты поступил в распоряжение Наркиса. Наркис решил бросить его в наступление на полицейскую школу в Сур Бахир.

Мота:

В понедельник мы ожидали в боевой готовности неподалеку от одной из наших авиабаз переброски к Эль-Аришу для участия в десантной операции. Около 14.00 мы получили приказ послать один батальон в Иерусалим, но вскоре выяснилось, что речь идет о целой бригаде. Нам была доверена миссия, которая, как мы понимали, была чрезвычайно трудной: прорвать сильно укрепленную полосу.

В каждой армии это считается наиболее опасной операцией. Мы должны были соединиться с нашим гарнизоном на горе Скопус и создать максимально подходящие условия для прорыва в Старый Город.

За несколько дней до этого я совершил обход местности для осмотра позиций и укреплений и оценки сил противника.

14.25. Наркис получил приказ перейти в контрнаступление. Тем временем генерал Одд Булль (командующий войсками ООН) вновь предложил прекратить огонь.

14.30. Наркис запросил разведку о местонахождении 60-й иорданской танковой бригады. Даян сообщил по телефону, что он в дороге в Иерусалим. Наркис посоветовал ему ехать южной дорогой. После Ури в штаб-квартиру Наркиса прибыл за инструкциями командир парашютистов Мота.

15.50. Израильские войска овладели бывшей резиденцией британского комиссара и прилегающей к ней с тыла укрепленной зоной, потеряв при этом восемь человек убитыми.

Наркис просил разрешения занять Латрун. Разрешение не было дано.

16.00. Наркис прибыл с тремя машинами на свой передовой командный пункт в Кастеле.

Вся парашютная бригада (в составе трех батальонов) вступила уже в бой.

16.45. Наркис отдал приказ поднять израильский флаг над правительственной резиденцией. Одновременно он приказал своему начальнику оперативного отдела снабдить Моту флагами, чтобы после взятия полицейской школы израильтяне не были обстреляны своей же артиллерией.

17.00. Обстреляна деревня около Кастеля.

17.15. Авиации отдан приказ атаковать 60-ю иорданскую танковую бригаду.

17.30. Ури готов к наступлению, он вошел в Иорданию. У него не было ни одного танка с молотильными цепями для борьбы с минами. Они все были на юге. Саперы Ури шли впереди танков и обезвреживали мины, но из-за быстрого продвижения сорок человек были ранены взрывами мин.

13.20. Взята высота Абдул Азиз.

Ури сообщил, что высота с радарной установкой в наших руках, но добавил, что без миноискателей или танков с молотильными цепями продвижение замедлится.

Взята Бейт-Икса.

Ури:

В 13.00 мы получили приказ овладеть горным кряжем между Рамаллой и Иерусалимом. Позиции в этом районе были с давних пор хорошо разведаны. Я помню, как двадцать лет назад мы несколько раз атаковали высоту с радаром. Сначала мы захватили ее, потом кто-то ее сдал. Это была бетонированная позиция, подобно Абдул Азизу, тогда как Бейт-Икса являлась укрепленной деревней. Если бы кто-нибудь в Академии генерального штаба доказывал своим слушателям, что танковая бригада может в течение четырех часов атаковать иерусалимские позиции с равнины, то ему пришлось бы распрощаться с работой лектора. Но мои люди сделали это. Главной трудностью было взять бункеры. Мы направили на каждый бункер по танку, и между 17 и 19 часами огонь из всех бункеров был подавлен. Затем в дело была введена моторизованная пехота, которая, проявив немалое упорство, обезвредила в темноте с помощью миноискателей одну за другой все мины.

Наркис опасался, что 60-я иорданская танковая бригада устроит Ури засаду на стыке дорог Рамалла-Иерусалим, однако рассчитывал, что Ури опередит противника.

20.00. Наркис прибыл в Иерусалим.

Сур Бахир был в наших руках; наблюдались явные признаки подготовки иорданцев к контратаке.

Наркис отправился в Кнесет, чтобы там встретиться с Даяном, которого должны были привести к присяге как министра обороны. Даяна в Кнесете не было, церемония была отложена. Даян вообще не приносил присяги до прекращения военных действий.

Наркис встретился с Мотой, который сообщил ему, что он готовится перейти в наступление в полночь. Наркис приказал своей ставке обратиться в генеральный штаб за разрешением взять Латрун. Наркис просил, чтобы авиация продолжала наносить удары по расположениям 60-й иорданской бригады. У него был спор с Бар-Левом о времени начала наступления Моты. Войска Моты выступили в направлении Иерусалима в 19.00 и должны были быть готовы к бою в 2.00 во вторник. Генеральный штаб назначил начало наступления при поддержке артиллерии и авиации на следующее утро в 8.00. Наркис сказал им, что нельзя вводить в действие авиацию в связи с близостью Иерусалима и убедил их перенести начало наступления на 2.00.

24.00. Главный раввин армии генерал Шломо Горен посетил в полночь Наркиса и заявил ему: "Твои люди делают историю: то, что происходит в Синае, ничто по сравнению с этим". Наркис посоветовал ему приготовить шофар (рог).

Вторник 6 июня 1967 года.

1.40. Наркис сопровождал Моту на его командный пост неподалеку от полицейской школы. Вся израильская часть Иерусалима подвергалась артиллерийскому и минометному обстрелу. Когда Наркис и Мота производили оценку положения, 25-фунтовый орудийный снаряд разорвался на крыше, на которой они стояли. К счастью, снаряд попал в парпет, и никто не пострадал.

Мота:

В 2.20 наша артиллерия открыла огонь, а наши танки устремились вниз по обрывистой дороге и заняли свою позицию. Услышав грохот приближающихся танков, противник открыл огонь из всех своих укреплений. Интенсивность артобстрела повысилась. Но танки продолжали продвижение и подавили огневые позиции противника. Многие танкисты были иерусалимцами. Своими танками они давили артиллерийские позиции врага. Наша артиллерия открыла сильный огонь. Два наших батальона продолжали развивать наступление: один действовал в секторе полицейской школы на Арсенальной высоте, другой — в Шейх Джаре. Такого боя мне еще не случалось пережить. Солдаты должны были прорваться по крайней мере через пять заграждений из колючей проволоки, прежде чем они достигли огневых точек противника. Преодолев первую линию, они ворвались в траншеи. Бои шли повсюду: в траншеях, в домах, на крышах, в подвалах. Мы переходили из одной позиции в другую и видели, что натворила наша артиллерия, огонь которой был необычайно

эффективен. Некоторые бетонированные бункеры были разрушены прямым попаданием.

Бои в окопах продолжались с 2.20 до 7.00 утра. Мы дошли до бункера, обороняемого двумя тяжелыми пулеметами, о существовании которого мы не подозревали, так как с воздуха его не видно было. Командир даже не подозревал, что он стоит на крыше бункера, стена которого уходила в траншею. Вдруг один солдат выскочил вперед и швырнул гранату, она взорвалась, но стрельба из бункера не прекратилась. Тогда другой бросил три подрывных заряда. Первый солдат забежал с другой стороны к траншее и тоже метнул гранаты. Бункер взорвался, но двое оставшихся в живых из пяти его защитников продолжали стрелять, израильский солдат метнул внутрь еще одну гранату. Это был конец.

Молодой парень по имени Нафтали, стоя на наблюдательном пункте, заметил передвижение противника на левом фланге. Он был один, и не переставая стрелять, быстро передвигался туда и обратно по позиции, пока не был ранен. Бой продолжался; повсюду сновали офицеры, ободряя словом и примером бойцов. Находясь все это время в штабе бригады, мы не имели полного представления об ожесточенности боев. Мы знали, что есть потери, но точных данных еще не было.

Вторым сектором, также в центре города, был квартал Шейх Джара, над которым господствуют полицейская школа и ворота Мандельбаума. Преодолевалось одно заграждение за другим, раненых увозили с поля боя, продвижение продолжалось. Всякий раз, когда устанавливалась телефонная связь, и мы спрашивали о ходе боев, нам отвечали: "Все в порядке. Все идет по плану". Единственно, что беспокоило их, это своевременная эвакуация раненых и срочная медицинская помощь пострадавшим.

3.45. Полицейская школа взята. Это было самое жестокое сражение за всю войну (батальон парашютистов из 500 человек потерял 40 убитыми. Полицейскую школу удерживали более 200 солдат Арабского легиона. Надо было иметь, по крайней мере, втрое превосходящие силы, чтобы решиться атаковать столь сильно укрепленную позицию.

Солдаты Арабского легиона дрались, как черти. Полицейская школа была взята только после многочасовых уличных боев. В здании и во дворе школы остались 106 трупов легионеров. Израильских бойцов поддерживал из Кастеля огонь артиллерийских орудий и 120-миллиметровых минометов, а наша авиация сумела и ночью продолжать свои налеты благодаря двум прожекторам, освещавшим участок с крыши Гистадрута (Федрации труда). Полицейская школа была самым важным объектом. Развивая наступление, парашютисты Моты ворвались в Американский квартал.

Два наших батальона продолжали продвижение, и в 6.00 гостиница "Амбассадор" была в наших руках; всем Американским кварталом мы овладели немного спустя. Некоторые иорданские легионеры укрылись в домах, и за каждый дом дрались. Иногда приходилось дважды брать один и тот же дом, так как наши парни шли вперед, не останавливаясь. При этом мы несли потери, ибо легионеры продолжали стрелять нашим парням в спины из домов, которые мы не успевали тщательно прочесать. После 4 часов утра, когда

рассвело, мы ввели в действие свой танковый батальон, распределив танки между ротами. Бои велись даже во внутренних дворах, когда мы вокруг музея Рокфеллера прочесывали и очищали район своего главного удара. Затем мы бросили в бой свой третий батальон, тот самый, который действовал около ворот Мандельбаума. Батальон получил приказ прорваться к воротам Ирода, ставшим ключевым пунктом, так как через эти ворота согласно плану, наша пехота должна была устремиться в Старый Город.

6.00. Ури со своей танковой бригадой достиг перекрестка дорог Рамалла-Иерусалим, немного опередив иорданцев, и устроил засаду, из которой уничтожил не менее 15 танков противника. Иорданские бронетанковые войска находились слишком близко от израильтян, и наша авиация не могла действовать.

Вскоре после полуночи Наркис обратился в генеральный штаб за разрешением Моте и его парашютистам ворваться утром в Старый Город, но ему ответили, что с этим нужно подождать.

7.00. Моторизованный отряд парашютистов под командованием Ури вступил в Латрун. Они овладели этим бастионом, вклинившимся в территорию Израиля на юго-западе Западного берега. Со времен войны 1948 года израильтян преследовали ужасные воспоминания об этом месте. Тогда сотни их товарищей пали в попытке овладеть этой сильно укрепленной арабской позицией. (В ходе той войны 6000 человек, т.е. 1 процент 600-тысячного еврейского населения, были убиты. В 1967 году погибло гораздо меньше людей: меньше 700 при населении в два миллиона 600 тысяч, т.е. 1:3700). На этот раз Латрун сдался без особого сопротивления, и израильские парашютисты смогли быстро продвинуться к Рамалле. И вот перед ними внезапно выросли башни и минареты Иерусалима. Один парашютист рассказал: "Мы никогда не видели Иерусалим с той стороны. Это было фантастическое чувство: думать, что после всех этих лет Иерусалим снова станет нашим, зная, что остальная часть нашей бригады сейчас дерется там. Мы хотели быть с ними".

9.22. Наркис просил своих штабистов довести до сведения генерального штаба, что если ему откажут взять Стену Плача, — это будет на их совести. Одновременно он приказал Моте попытаться проникнуть в Старый Город.

Мота:

В 10.00 территория по эту сторону стены^{4[4]} была очищена от войск противника. Мы заняли все кварталы, какими должны были овладеть согласно плану. Теперь мы были готовы к прорыву в Старый Город. Весь день мы вели бои местного значения и не по нашей вине стремительность нашего наступления несколько ослабела, снизилась. Мы быстро продвигались вначале, но сохранить такой темп в открытой местности для пехоты без поддержки танков было трудно. Арабы удерживали стену, и мы не могли продолжать продвижение. Едва солдаты переходили в атаку, их тут же косил огонь противника, и стало ясно, что, не овладев стеной, мы не сможем продвинуться вперед.

^{4[4]} Стена вокруг Старого Города.

12.00. Части Ури соединились с парашютистами на Французском холме после яростного боя в лощине, где иорданцы отбили первую израильскую атаку. Через несколько минут в штаб прибыл Даян.

12.25. Даян с Наркисом въехали на полугусеничном транспортере на гору Скопус. Даян сказал "Какой фантастический вид открывается отсюда сегодня, 6 июня 1967 года". Он приказал Наркису взять высоты к востоку от Иерусалима и отрезать Старый Город. Даян опасался, что Совет Безопасности Организации Объединенных Наций может объявить о прекращении огня, прежде чем израильтяне достигнут своих целей и добьются удовлетворительного и устойчивого результата. Он стремился обеспечить Израилю наиболее выгодные географические рубежи.

Наркис отдал приказ взять высоты за Иерусалимом, но предупредил Даяна, что сделать это будет очень трудно. У Моты была только одна танковая рота, и Наркис дал ему еще одну. После часа боев Мота доложил, что натолкнулся на отчаянное сопротивление и понес потери. Даян вернулся на вертолете в Тель-Авив.

Мота:

Такое же положение сложилось в районе Августы Виктории, над которым господствуют две высоты. Поэтому танковый батальон, приданный нашим частям, должен был произвести сложную перегруппировку.

Этот батальон прямо с ходу вступил в бой, понес тяжелые потери, и потребовалось некоторое время, чтобы он восстановил свою боеспособность. Наконец мы решили вечером возобновить наступление. Наркис распорядился отсрочить взятие высот до наступления темноты.

17.15. Ури продвинулся на север к Рамалле, оставив в тылу для Моты танковую роту. Тем временем парашютисты отдохнули и стали готовиться к атаке. Атака после короткого совещания была назначена на 23.00.

Мота:

Когда стемнело, мы возобновили наступление, чтобы овладеть высотами в районе Августы Виктории. Мы располагали двумя неполными танковыми батальонами: один должен был нас прикрывать, другой — продвигаться прямым путем к Августе Виктории.

Мы выслали вперед танки, за которыми шел один из наших пехотных батальонов, но, приблизившись к стене, подразделения попали под сильный огонь противотанковой артиллерии. Один из наших танков и несколько джипов разведки сразу же вспыхнули. Из-за потерь с самого начала боя нам пришлось несколько изменить наш план.

22.20. Солдаты на вершине горы Скопус слышали грохот танков, шедших из Иерихона на Иерусалим. По-видимому, иорданцы намеревались контратаковать. Наркис отменил атаку, назначенную на 23.00, и приказал своим людям готовиться к отражению иорданской контратаки.

Среда 7 июня 1967 года.

5.00. Бар-Лев дал по телефону разрешение взять Старый Город. При этом он сказал: "На нас уже оказывают давление, чтобы мы прекратили военные действия. Мы дошли до Суэцкого канала. С египтянами мы уже разделились. Старый Город не должен оставаться анклавом противника".

8.30. После получасовой авиационной и артиллерийской подготовки парашютисты перешли в атаку. Здания Августы Виктории оказались покинутыми противником, и Мота со своими танками достиг Изорика.

Мота:

В ходе этой операции мы прибегали к самым различным тактическим приемам, которые в обычных условиях мы, конечно, не стали бы применять. Один батальон должен был по холмистой местности пройти напрямик от горы Скопус к Августе Виктории. Другой батальон должен был при дневном свете миновать стену вокруг Старого Города и предпринять фронтальную атаку.

Я решил взять на себя любой риск, как бы велик он ни был, и отдал приказ начать действия. Третий батальон должен был продвигаться от ворот Ирода вдоль стены и под огнем противника прорваться внутрь к Храмовой горе.

Несмотря на отсутствие точных данных о противнике, мы решили действовать. Поэтому в 8.30 была введена авиация. Размещенный на горе Скопус батальон попросил еще 15 минут на подготовку, но я не мог удовлетворить его просьбу и приказал немедленно выступить. Я также приказал нашим танкам начать продвижение и уточнить, где мы можем войти в соприкосновение с противником, чтобы в соответствии с этим составить план боевых действий. Наша артиллерия открыла ураганный огонь, и наши танки все шли вперед, стреляя во все направления. За ними продвигалось моторизованное подразделение с безоткатными орудиями. Началось сущее столпотворение. Мы вскочили в свои командные полугусеничные транспортеры и помчались дальше, подтвердив свои прежние приказы: батальону на горе Скопус продвигаться форсированным маршем, второму батальону начать фронтальную атаку. Шедшая за танками колонна прочесала холмы сильным огнем. Поток наступающих войск вынес нас на площадь перед Старым Городом. Перед нами была Храмовая Гора с ее золотым и серебряным куполами, позади — Новый Город.

На этом месте я отдал бригаде приказ начать наступление на Старый Город: танкам на максимальной скорости продвигаться по дороге, трем пехотным батальонам ринуться вперед: кто первым из них ворвется в Старый Город, — его счастье.

Мы начали обстрел мусульманского квартала Старого Города, который примыкал к городской стене и мешал нам прорваться через ворота Ирода. Огонь продолжался минут 10 и был чрезвычайно эффективным. Все наши танки и безоткатные орудия открыли огонь; мы обстреливали всю стену, но, конечно, ни разу не целились и не попали в Святые Места. Район прорыва подвергся концентрированному обстрелу: вся стена содрогалась и из нее выпало несколько камней, но все снаряды падали правее ворот Святого Стефана.

Убедившись, что танки подходят к стене, мы вскочили в свой транспортер и погнали туда же, приказав колоннам ускорить продвижение. Пехота получила приказ ни при каких условиях не отставать от рвущихся вперед танков. Лишь на короткую минуту обстрел был приостановлен, чтобы танки произвели корректировку огня. И вот мы уже у моста перед воротами

Святого Стефана. Здесь танкам трудно было маневрировать, но уже было невозможно сдержать наш натиск.

Я велел своему шоферу Бен-Цуру, бородачу весом не менее 95 килограммов, дать полную скорость. Танки остались позади, впереди были ворота и чья-то объятая пламенем машина. Противник был совсем близко, тем не менее я приказал шоферу нестись дальше. Мы промчались мимо горящей машины и оказались перед полуоткрытыми воротами. Пренебрегая опасностью, что в нас сверху могут бросить гранату, шофер мчался дальше, наш полугусеничный транспортер толкнул ворота, раздробил несколько упавших камней, промчался мимо оторопевшего арабского солдата, свернул влево и подъехал к другим воротам. Здесь нам преградил дорогу мотоцикл. Он мог быть заминирован, но Цур пронесся мимо, и мы оказались у Храмовой Горы. Здесь не стреляли, ибо это Святое Место. Наши танки в отличие от пехоты не могли проникнуть сюда. Операция была выполнена, оставалось только прочесать местность. Появился губернатор в сопровождении кади (мусульманского религиозного сановника) и сообщил мне о принятом мусульманами решении не защищать Старый Город. Он заверил меня, что все иорданские войска выведены и сопротивление прекращено. Я обещал ему, что, прочесывая местность, мы будем стрелять только в том случае, если встретим сопротивление. Он ответил, что не несет ответственности за бандитов, которые будут стрелять. Действительно, в Старом Городе сопротивление прекратилось. Мы потеряли 4 солдат, и 2 наших офицера были ранены в боях за Стену Плача, когда брали приступом соседние дома и карабкались на их крыши.

9.50. Мота вступил в Город через ворота Святого Стефана.

10.00. Наркис, который следовал по пятам за Мотой, приблизился к башне, где шла жестокая борьба со снайперами.

10.15. Наркис, главный раввин, Бар-Лев и Мота подошли к Стене Плача. Операция "Старый Город" была выполнена.

14.00. Даян в сопровождении Рабина и Наркиса прибыл в Старый Город. Они направились в Стену Плача, где Даян, в соответствии с древней еврейской традицией, написал на клочке бумаги молитву и засунул между камнями Стены. Он написал: "Да царит мир в Израиле".

Стена Плача считается последней руиной Храма, разрушенного римским императором Титом в 70 году н.э. Стоя у Стены, Даян заявил: "Мы вернулись к самой святой из наших святынь, чтобы никогда не разлучаться с ней". Бен-Гурион, посетив Стену, также произнес голосом, дрожащим от волнения: "Это величайший день в моей жизни". Заметив плакат с английской и арабской надписями, безобразивший Стену, он попросил убрать его. Солдат вскарабкался и скovyрнул плакат штыком под увещевания Бен-Гуриона не повредить камни.

* * *

Во вторник 6 июня, вечером, как только исход битвы за Иерусалим был решен, Ури с двумя батальонами своей моторизованной бригады устремился на север, к Рамалле. Его войска вошли в город во вторник в 19.00. Из его доклада о взятии Рамаллы:

Впервые в моей жизни мы должны были брать город в темноте, а это трудное задание. Мы решили войти в Рамаллу вместе с танковым батальоном, стреляя во все стороны. Мы пересекли город в разных направлениях несколько раз. Постепенно все смолкло. Противник сделал несколько выстрелов из противотанковых ружей, но через три четверти часа город погрузился в тишину. Ночью мы покинули Рамаллу и заняли позиции к северу и к югу от нее. Утром мы прочесали город, не встретив сопротивления.

В то время как Ури брал Рамаллу и продвигался на Шхем^{5[5]} с юга, войска под командованием бригадного генерала Элазара, командующего Северным фронтом, развивали наступление в направлении к югу от Дженина. Израильтяне планировали взять в клещи Шхем, главный город на плато Западного берега Иордана. В сочетании с Иерусалимской и Хевронской операциями взятие Шхема должно было привести к переходу всего Западного берега в руки Израиля.

В понедельник в 17.25 одна из моторизованных пехотных бригад Элазара, усиленная танками, пересекла северную границу Иордании, чтобы овладеть Дженином и подавить иорданскую дальнобойную артиллерию, которая угрожала крупной израильской авиационной базе в Рамат-Давиде. Во вторник в 2.00 ночи эти войска вступили в бой с 25-й пехотной бригадой иорданцев в холмистом районе к северо-западу от Дженина. Израильтянам, по их данным, удалось сильно обескровить два иорданских батальона и целиком уничтожить третий. "Мы атаковали их ночью, а ночью невозможно брать пленных", — объяснял генерал Элазар. Вскоре после рассвета другое израильское пехотное соединение подошло к Дженину и заняло город.

Иорданцы, располагавшие 30 танками "Паттон М-47" в районе Дженина, а у моста Дамиа через Иортая — двумя батальонами 40-й танковой бригады с 88 танками "Паттон", имели незначительное численное превосходство над израильтянами с их 100 танками. Поэтому израильтяне симулировали боевую активность в районе израильского города Бейт-Шеан, неподалеку от северной границы с Иорданией, и заставили иорданцев распылить свои силы — выслать батальон 40-й танковой бригады к этому пункту. Тем временем израильская танковая бригада прорвала фронт к северу от Дженина и в понедельник ночью прошла по холмистой местности на восток, чтобы овладеть Шхемом с тыла. Один батальон 40-й иорданской танковой бригады, размещенной у моста Дамиа, был переброшен в обход Шхема к частям Арабского легиона, отражавшим натиск израильтян в районе Дженина. Иорданцы намеревались остановить быстрое израильское наступление в Кабатии, севернее Шхема, но когда они подошли к городу, израильтяне были уже там и, опираясь на оборонительные позиции, успешно отразили иорданские атаки. Другой батальон 40-й танковой бригады, введенный израильтянами в заблуждение, сначала двинулся на Бейт-Шеан. Когда он повернул обратно к Шхему, израильское танковое соединение уже овладело городом с севера. "Иорданцам не удалось выяснить направление нашего главного удара", — заметил впоследствии генерал Элазар.

^{5[5]} Наблус.

Израильские "Миражи", "Мистеры" и небольшие учебные самолеты "Фуга-Магистер" день и ночь непрерывно обстреливали своими ракетами боевые порядки иорданцев. Хотя авиация оказалась не очень эффективной против танков и, как это часто случается в высокоманевренной войне, она неоднократно обрушивала удары на свои собственные войска и машины, многие узкие тропы, петляющие среди иорданских холмов, стали непроходимыми в результате ее налетов. Это сильно ограничивало передвижение иорданских бронетанковых частей, доставку боеприпасов и подкрепления. У многих иорданских танков кончилось горючее: другие машины были покинуты экипажами или стали легкой добычей израильских танков, так как дороги для наступления или отхода были забиты искореженными иорданскими машинами. Таким образом израильтяне уничтожили 45 танков противника и захватили 40-50 совершенно исправных танков, покинутых своими экипажами. По словам генерала Элазара, 25-я пехотная и 40-я танковая иорданские бригады лишились большей части своей техники и личного состава. Он полагает, что иорданцы потеряли в северной части Западного берега убитыми, ранеными и пленными 3 тысячи человек.

Когда войска Элазара занимали северные районы, а парашютисты Моты очищали от последних снайперов Иерусалим, механизированная бригада Ури спускалась с плато в районе Рамаллы и Шхема к реке Иордан и бесплодным берегам Мертвого моря, лежащим несколько сот футов ниже уровня моря. Из доклада Ури:

Мы продолжали продвигаться на Иерихон. У нас было несколько рупоров — все, что нам требовалось. При спуске к Иерихону должно пройти порядочное время, прежде чем вы его внезапно увидите. Дорога трудная. В пути мы не встретили сопротивления, но наш разведывательный отряд, который шел в 10 километрах впереди нашей бригады, заметил вдали разбитые "Паттоны". Каждый, кто бродил этой дорогой, знает, как внезапно открывается панорама Иерихона и Мертвого моря.

Мы продвигались в двух направлениях. Один батальон атаковал полицейскую станцию, наиболее укрепленный пункт в Иерихоне, другой, прибегнув к той же тактике, какую мы применили в Рамалле, пересек город и вернулся, подавляя всякое сопротивление на своем пути. Всю ночь стреляли снайперы и происходило передвижение иорданских частей, но с наступлением утра мы вновь прочесали город, после чего все стихло. Затем мы спустились к Мертвому морю, где некогда был наш кибуц, но от него не осталось камня на камне.

Тем временем несколько западнее израильские войска заняли города Туль Карм и Калькилию, лежащие неподалеку от иордано-израильской границы. Это были пункты, откуда подвергались сильному обстрелу Тель-Авив и прибрежная низина. В этих городах израильские солдаты не обременяли себя излишней щепетильностью в отношении арабской частной собственности. Впоследствии многие дома были взорваны, в других домах был произведен разгром. Практически Калькилию сравнивали с землей. Тем не менее через дней десять Моше Даян, сияя благожелательностью, торжественно вернул все, что

осталось от города, его обитателям, пообещав им также помощь на восстановление.

Израильские войска под командованием полковника Амита, командующего иерусалимским сектором, захватили южную часть территории Западного берега. В среду утром в 10 часов, когда Мота и его парашютисты готовились к прорыву в Старый Город, полковник Амита сосредоточил свои силы около Рамат-Рахели, и в 14.00 они атаковали иорданские позиции к югу от Иерусалима. Оттуда они двинулись на Вифлеем и Хеврон. Они заняли эти города к вечеру, встретив очень слабое сопротивление. Уже в полдень иорданские войска покинули окрестности Хеврона.

Полное превосходство в воздухе, которого добилась в понедельник израильская авиация, бесспорно, сыграло первостепенную роль в победе Израиля. С первого же дня войны иорданские солдаты, подобно своим товарищам в Синае и Сирии, оказались на фронте без какого-либо прикрытия и без активной поддержки с воздуха. Невозможно сражаться на открытой местности в течение нескольких дней, подвергаясь днем и ночью непрерывным бомбежкам и обстрелу авиацией противника. Иордания, армия которой численно и по качеству вооружения заметно уступала армиям ее арабских союзников, была единственной страной, сражавшейся с Израилем и причинившей ему урон. Ни египтяне, ни сирийцы не предприняли ни одного сколько-нибудь значительного наступательного действия на протяжении всей войны, кроме довольно безрезультатного обстрела израильских сельскохозяйственных поселений из дальнбойных орудий со своей территории. Иордания, которая пожертвовала своими интересами во имя долга, подчиняясь диктату арабского национализма, была единственной страной из десятка арабских стран, объявивших войну Израилю, которая вела себя с честью на поле боя. Но иорданцы столкнулись с непреодолимыми трудностями и должны были противостоять без какой-либо помощи извне противнику, силы которого в несколько раз превосходили их собственные. Это была неравная борьба. Потери Иордании были огромны. Несколько тысяч иорданцев были убиты, страна лишилась почти половины своей территории, в частности Иерусалима и Святых Мест, таящих огромные потенциальные возможности для развития туризма, и большей части своих плодородных земель.

Итак, к вечеру 7 июня в руках израильтян оказался город царя Давида Иерусалим, город Авраама Хеврон и вся Святая Земля. За несколько недель до начала войны редко можно было встретить еврея, который верил бы, что ему суждено когда-нибудь увидеть эти места. Для евреев всего мира, особенно для тех, кто приехал поселиться в Израиле, это было исполнением вековых чаяний. После войны бригадный генерал Эзер Вейцман заметил одному из авторов этой книги: "Вы должны понять, почему Израиль создан здесь, а не в Уганде или Канаде. Мы никогда не могли бы сражаться так, как мы сражались, за еврейское государство, созданное в какой-нибудь другой части света. Иерусалим, Западный берег Иордана и фактически вся Палестина имеют очень глубокое значение для нас. Это — основа сионизма".

Глава восьмая. Реакция мира

Проснувшись в понедельник 5 июня, Европа узнала, что Израиль воюет со своими арабскими соседями. До тех, кто оказался замешанным в конфликт, находясь по ту сторону Атлантики, эта новость дошла в менее удобное время. В 2.50 ночи специальный помощник президента Джонсона по вопросам национальной безопасности Уолт Ростоу был поднят с постели дежурным Белого дома. В 4.30 Ростоу уже был на своем служебном посту в Белом доме и разбудил президента.

Вскоре после рассвета в Пентагоне заработал русский телетайп. Это было послание Кремля. Текст был немедленно переведен и передан в оперативный зал Белого дома. Ответственные лица администрации были застигнуты врасплох, ибо это был первый случай введения в действие "горячей линии", со времени ее установления в августе 1963 года, после кубинского кризиса. В течение последующей недели происходил обмен десятками посланий. Косыгин уведомил Джонсона, что Россия против войны на Ближнем Востоке и не намерена вмешиваться в нее, если США также останутся в стороне. Косыгин дал понять, что две сверхдержавы могут сотрудничать в деле восстановления мира. Хотя Джонсону вручили послание в спальне, он тут же набросал ответ. Дин Раек уже прибыл в Белый дом.

В 5.55 секретарь по делам печати Джордж Кристиан сделал от имени Белого дома первое заявление о войне. Он сказал:

Соединенные Штаты приложат все силы, чтобы добиться прекращения военных действий и положить начало мирному развитию и процветанию всех стран района. Мы призываем стороны конфликта поддерживать Совет Безопасности в его стремлении немедленно установить перемирие.

В 8.15 Раск, Макнамара, Ростоу и Кристиан присутствовали на первом официальном политическом совещании с Джонсоном. Они обсуждали перспективы сотрудничества с Советским Союзом в деле установления перемирия. Позже в то же утро Джонсон отозвал Макджорджа Банди с его поста директора фонда Форда и включил его в число ответственных за политическую линию США.

В кратком заявлении секретаря по делам печати государственного департамента Роберта Маккроски, сделанном в полдень, было сказано, что "США останутся нейтральными в помыслах, словах и действиях". Заявление было сделано по инициативе Раска и Ростоу и предварительно согласовано с ними. Но оно вызвало сильное недовольство еврейской общины и многих американских политиков; Джонсон вскоре понял, что допустил грубый политический промах.

Немного позднее, в первый день войны, репортеры спрашивали, не означает ли заявление Маккроски о нейтралитете, что Израиль брошен на произвол судьбы. Джонсон вызвал Раска и поручил ему сделать новое заявление, в котором Соединенные Штаты должны были предстать как "невоюющая сторона".

Раск заявил:

"Я хочу подчеркнуть, что в любом своем значении слово "нейтральный", которое символизирует великий принцип международного права, не подразумевает безразличия, тем более безразличие недопустимо для нас, так как, подписав Устав Организации Объединенных Наций и являясь одним из постоянных членов Совета Безопасности, мы приняли очень серьезное обязательство делать все возможное для поддержания мира и безопасности во всем мире".

Разумеется, с начала и до конца конфликта все стороны, в том числе Россия, Египет и Израиль, знали, что США никогда не будут сидеть сложа руки, если над Израилем нависнет угроза уничтожения.

В палате общин Джордж Браун заявил, что главная цель Англии заключается в том, чтобы как можно скорее добиться соглашения о прекращении огня. Его заявление, что "Англия стремится к тому, чтобы не принять чью-либо сторону" в конфликте, встретило единодушное одобрение депутатов. Он уклонился от ответа на вопрос, какая страна первой начала войну. Эммануэль Шинуелл, который, как и другие парламентарии, продолжал сомневаться в исходе войны на Ближнем Востоке, предостерег, что если Совету Безопасности не удастся установить перемирие, то арабские страны могут сокрушить Израиль.

В Москву известие о начале войны поступило в 10.47 по московскому времени. Передав это важное сообщение, советское радио и органы информации в продолжение всего дня обвиняли Израиль в агрессии против ОАР. Ночью ТАСС заявило, что советское правительство осудило израильскую агрессию и потребовало от Израиля прекращения военных действий. Оно также утверждало, что советское правительство "оставляет за собой право предпринять любые шаги, которые могут потребовать обстановка".

В Объединенных Нациях Россия пыталась добиться осуждения Израиля как агрессора, тогда как Великобритания и США предложили обратиться с прямым и настоятельным призывом немедленно прекратить военные действия. Но если три великие державы поступали в соответствии с принципами своей политики, то четвертая великая держава — Франция — не в первый раз за последние годы поразила всех политических ясновидцев.

Ожидали, что она не изменит своему прежнему произраильскому курсу: фактически израильские военно-воздушные силы были укомплектованы самолетами французского производства. Когда вести о войне достигли Парижа, французское общественное мнение среагировало на них стихийным изъявлением симпатии к Израилю. Даже правые, придерживавшиеся традиции антисемитских взглядов, проснулись на другой день страстными сионистами. Ветераны кампании "За французский Алжир" прошли парадным маршем по бульварам, скандируя "Израиль победит" в том же самом ритме, в каком они некогда выкрикивали "Алжир французский". Но французское правительство хранило многозначительное молчание, несмотря на произраильские демонстрации.

Де Голль заявил, что Франция придает меньшее значение узам, связывающим ее с Израилем, чем своим давним и тщательно оберегаемым интересам на Ближнем Востоке. Чтобы не подвергать эти интересы опасности, она должна занимать подчеркнуто нейтральную позицию. Фактически де Голль был раздражен тем, что Эвен, посетив Париж на пути в Израиль, пренебрег его советом не проявлять инициативы.

Французскую позицию хорошо сформулировал ведущий французский политический комментатор Эдуард Саблиер в программе Би-би-си, транслировавшейся 7 июня по телевидению.

Бесспорно, что между позицией нынешнего правительства и позицией правительства Ги Молле в 1956 году нет ничего общего... ширится пропасть между безразличием правительства де Голля к правам Израиля на существование и очень страстной поддержкой (90 процентов) этих прав французским народом.

Однако нейтралитет де Голля был изменен оговоркой, что Франция осудит ту сторону, которая нападет первой. Так как некоторое время было неясно, кто сделал первый выстрел, то эта декларация, подобно многим другим заявлениям загадочного президента, мало что объясняла.

Премьер-министр де Голля Жорж Помпиду, который ранее служил директором банка Ротшильда в Париже, был, подобно своим патронам, пламенным сионистом. Он делал все, что было в его силах, чтобы обеспечить доставку в Израиль максимального количества оружия. Поскольку президент наложил эмбарго на дальнейшую поставку оружия, то, во избежание осложнений, некоторые запасные части к самолетам доставлялись в Израиль воздушным путем не из Франции, а из Голландии.

Президент Тито случайно оказался 5 июня в Вене. Будучи старым другом полковника Насера, он недвусмысленно дал понять, что считает Израиль агрессором. Он был первым коммунистическим деятелем, который высказался по этому вопросу. Он торжественно обещал оказать полную поддержку арабским странам в их "справедливой борьбе с Израилем". Его дружба с Насером началась в середине 50-х годов, когда была сделана попытка создать блок неприсоединившихся стран, в числе которых были Индия, Югославия и Египет.

В тот же понедельник одиннадцать арабских стран — Иордания, Сирия, Ливан, Ирак, Саудовская Аравия, Кувейт, Алжир, Марокко, Йемен, Судан и Тунис — объявили о своей солидарности с Насером. Из этих стран только одна Иордания с самого начала войны приняла активное участие в войне с Израилем. Король Хусейн оказался вовлеченным в конфликт против своей воли, уступив давлению арабского мира. Но его армия сыграла в войне почетную роль. Король Хусейн сражался с энергией и упорством. Сирия, которая, несмотря на свою наибольшую враждебность к Израилю, ограничилась в первые два-три дня военных действий обстрелом израильских поселений из дальнобойных орудий, была жестоко наказана за свое бездействие.

Ливан располагал незначительным военным потенциалом и благоразумно не принимал активного участия в войне. По утверждению ливанских пилотов,

им удалось сбить один реактивный израильский военный самолет над Ливаном. Ирак перед войной послал дивизию и 150 танков в Иорданию. Хотя никто не видел иракских солдат на поле боя, они еще долгое время после прекращения огня оставались в Иордании нежеланными гостями. Ирак объявил войну Израилю и предупредил, что оказание его врагу помощи любой страной будет рассматриваться как акт агрессии против Ирака. Согласно багдадской версии, иракская авиация уничтожила во время налета на одну базу 7 израильских самолетов и бомбардировала Тель-Авив. Оба этих сообщения оказались вымыслом.

Король Саудовской Аравии Фейсал, которого в Париже угощали апельсиновым соком, а в Лондоне королева и британское правительство, желавшее заключить сделку на продажу оружия на 150 миллионов фунтов стерлингов, почтили званым обедом, направил Насеру послание с обещанием поддержки. Радио Мекка сообщило, что войска Саудовской Аравии вступили в Иорданию, чтобы "сражаться на стороне арабских братьев". Однако эти доблестные воины оставались незамеченными Израилем в течение всей кампании. Король Фейсал благоразумно пребывал в Европе до 21 июня.

Эмир Кувейта шейх Сабах провозгласил "оборонительную войну между Кувейтом и сионистскими бандами в оккупированной Палестине". Он заявил: "Настал час жертвы". Еще перед войной он откомандировал в Египет воинский отряд для обороны Шарм а-Шейха.

Богатые арабские страны на словах оказывают большую помощь палестинским беженцам, на деле же они проявляют традиционное нежелание помочь им материально. Но для ведения войны Кувейт незамедлительно предложил финансовую помощь Египту, Ираку, Иордании и Сирии. Эта помощь выразилась в сумме 60 миллионов фунтов стерлингов. Потом Египту и Иордании было предоставлено дополнительно еще 8 миллионов фунтов стерлингов. Поскольку Кувейт входит в стерлинговую зону, то это означало снятие им средств с лондонских счетов, и его щедрость в сочетании со всеобщим паническим страхом перед войной привела, как и следовало ожидать, к падению курса фунта стерлингов, что и сказалось через короткое время. Другие арабские страны ограничились своей помощью Насеру демонстрациями перед американскими и английскими посольствами и их культурными центрами, а также попытками нанести им материальный ущерб. В египетской столице, однако, в первый день войны еще не было паники.

"Нью-Йорк таймс" поместил 5 июня на первой странице переданную днем раньше из Каира по телеграфу корреспонденцию Джеймса Рестона:

Вызывающий озабоченность фатализм, по-видимому, распространяется в этом городе. Каир не хочет войны и, бесспорно, не подготовлен к ней. Но он уже согласился с возможностью и даже вероятностью войны, он, как видно, потерял контроль над положением.

Судя по общему тону статьи, Рестон был, очевидно, убежден, что окружение Насера проявит больше благоразумия, чем можно было предположить на основании пропагандистских заявлений. "Они сами утверждают, что хотят не "уничтожить Израиль, а предъявить ему ряд

требований". По словам Рестона, у него создалось впечатление, что Каир не так заинтересован в соблюдении законов судоходства, как "в общем урегулировании, которое приведет к радикальному изменению отношений между арабскими странами и Израилем".

Он писал далее, не указывая источника своей информации, что действия египтян здесь (в Шарм а-Шейхе) были навязаны Генеральным Секретарем ООН У Таном, который настаивал на выводе всех войск ООН со всех наблюдательных постов, в том числе и с тех, с которых осуществлялось наблюдение за Тиранскими проливами. "По словам египтян, — писал Рестон, — они не собираются эвакуироваться".

Эта статья подтверждает мнение, что в Америке начал создаваться общественный климат ("Нью-Йорк Таймс" придерживалась решительно пацифистской позиции), при котором дальнейшее промедление израильтян могло усилить вес проарабских элементов. Возможно, это был второй фактор в расчетах Тель-Авива.

* * *

Значительное число английских и американских корреспондентов в Каире испытали на себе все последствия неудачной и проигранной кампании. В конце концов их выслали, заставив пройти через оскорбления и унижения. Даже на третий день войны в Каир поступала очень скудная информация. Из сводок египетского верховного командования можно было сделать два вывода: во-первых, что войска ОАР отошли ко второй линии обороны и, во-вторых, что "объединенные арабские силы были выведены из Шарм а-Шейха, чтобы присоединиться к главным силам ОАР". Американским журналистам приказали оставаться в гостинице "Нил", где их держали под полуофициальным арестом. Английские корреспонденты могли еще работать, но и они чувствовали, что атмосфера вокруг них сгущается. Цензура еще действовала в разумных рамках, ибо фактически все, выраженное в тактичной форме, разрешалось. Но достоверная информация была недоступна. Несколько раз давались сигналы воздушной тревоги, за которыми не следовали налеты. Не было вестей с фронта.

Каирцы не отходили от приемников, слушая краткие сводки, перемежаемые военными маршами. Это была чистая пропаганда. В понедельник передали, что сбито 23, а затем 42 израильских самолета. Одна из трудностей, с которой столкнулись пропагандисты, заключалась в том, что они получали скудную информацию из армейских ставок. Фактически, помимо этих данных, им послали только две директивы в первый день войны. Народ чувствовал возбуждение и вместе с тем облегчение, что ожиданию пришел конец. Не происходило еще никаких антизападных выступлений. Тем временем рабочие с величайшей поспешностью выполняли программу гражданской обороны. Затемнения, которые проводились отчасти путем прекращения подачи энергии, соблюдались населением с почти маниакальной педантичностью и были замечательно эффективны. В понедельник ночью израильтяне повторили свои воздушные налеты, но только на аэродромы. Египтяне выпустили несколько русских ракет СА-2 по противнику в первый

день и большое количество во вторник и среду ночью. Очевидно, у них не было недостатка в ракетах, особенно в районе аэродрома Каир Западный, но этот вид оружия оказался неэффективным для борьбы с самолетами, пролетавшими низко над землей.

Уже в понедельник утром египетские ВВС были практически уничтожены и война проиграна, по крайней мере, Египтом. Но египетский народ этого не знал. Также и западные страны, не имея достоверной информации, еще не пришли к этому очевидному выводу. Правда, англичанин, который включил дома свой приемник, уже к обеду в первый день войны мог понять, что египетская авиация прекратила свое существование, ибо не поступило ни одного сообщения о том, что хотя бы одна бомба упала на Тель-Авив, который являлся весьма уязвимой и незащищенной целью. Можно было возразить, что Каир также не подвергался бомбардировке, но никто и не считал израильтян способными на такую операцию.

В течение первых четырех дней военных действий арабская пресса и радио, особенно в Каире, вели непрерывную пропагандистскую кампанию. Мухаммед Хайкал, главный редактор газеты "Аль-Ахрам", человек близкий к Насеру и египетскому верховному командованию, писал 6 июня в статье на эту тему, что американские и английские самолеты создали над Израилем авиационное прикрытие, и это дало возможность израильским ВВС перейти в наступление.

8 июня, на четвертый день войны, когда израильские силы уже достигли канала, египетская "Иджипшн газетт" вышла под заголовком "Арабские войска наносят урон израильтянам". В статье говорилось:

"Под ударами арабских войск противник понес вчера большие потери на всех фронтах. В своей вчерашней вечерней сводке ставка верховного командования вооруженных сил ОАР сообщила, что "самолеты ОАР нанесли большой урон израильской танковой бригаде, проводившей операцию по доставке боеприпасов и горючего в районе Хатмии..."

Вооруженные силы ОАР сбили также 23 самолета противника над Синаем, Суэцом и Шарм а-Шейхом и уничтожили отряд израильских парашютистов, сброшенных над второй линией обороны в Синае..."

Вчера было отмечено попадание снаряда в дом израильского президента Шазара в результате интенсивного обстрела, который возобновился с нескольких артиллерийских позиций иорданцев в районе Иерусалима. Сообщается, что дом пострадал.

Неизвестно, где находился президент Шазар в это время. Полагают, что он был в бомбоубежище".

Само собой разумеется, эти сообщения были вымышленными. Потерпев жестокое поражение на суше, на море и в воздухе, Египет согласился 8 июня прекратить огонь.

Но еще замечательнее было сообщение, появившееся на другой день, 9 июня, в "Иджипшн газетт" под огромным заголовком "Израильтяне терпят новые поражения на всех фронтах. ОАР наносит ответные удары". Петитом было набрано единственное достоверное сообщение: "Египет согласился на прекращение огня". Но основная масса египтян, в числе которых были сотни тысяч тех, кто потом неистовствовал на улицах Каира, требуя, чтобы Насер взял назад свою отставку, держалась в полном неведении о том, что произошло на фронте. Как добропорядочным гражданам, им даже в голову не могла прийти мысль попытаться понять слова Насера о "резком отпоре", с которым столкнулись египтяне. Те, кто хотел бы задать этот вопрос, не осмеливались. Полиция, сила более эффективная, чем армия, позаботилась об этом. Номера телефонов, по которым обывателей призывали незамедлительно доносить о любых пораженческих разговорах или "подозрительном поведении", печатались в газетах на видном месте. ОАР располагал совершенным аппаратом полицейского государства.

Туманные и осторожные сводки египетского военного командования наводили послушные египетские массы на мысль, что положение было незавидным. Тем не менее большинство египтян, вероятно, до настоящего времени не осознали, какое сокрушительное поражение потерпела их армия.

Несмотря на циничную подтасовку фактов и замалчивание масштаба потерь, жестокая правда о войне не может быть скрыта от тех египетских семей, сыновья которых навсегда остались на поле боя. Питер Гопкирк был прав, когда писал в газете "Таймс" 16 июня:

"От Насера теперь можно ожидать отвлекающих маневров, в частности нахождения новых и воскрешения старых козлов отпущения, устройства арабских конференций на высшем уровне и всевозможных других трюков, в которых он поднатерел за долгие годы своего правления.

Не желая признать своего разгрома, арабское верховное командование в конце войны начало распространять версию, будто 32 американских самолета прибыли в Израиль со своей ливийской базы Уилус и что английские "Канберры" участвовали в понедельник утром в бомбардировках египетских позиций на Синайском полуострове".

Те жители Англии, которые следили за ходом войны по радио и телевидению, должно быть, были удивлены происходящим, ибо Би-би-си изо всех сил стремилось соблюдать такой же нейтралитет, какой, по утверждению Макклоски, соблюдала Америка. Дать правильную оценку событиям можно было, только предположив в отличие от Би-би-си, что израильские сведения носят более достоверный характер, чем арабские. Израиль утверждал, что в понедельник утром 5 июня он уничтожил 374 арабских самолета и во вторник

— 15. Знаменательное падение числа уничтоженных самолетов, очевидно, вызвано отсутствием объектов для бомбардировки. В действительности эти цифры были преуменьшены. Для тех, однако, кто знал, что израильтяне гораздо более способны управлять сложной техникой, чем арабы, израильские данные казались вполне вероятными.

Первым человеком, сообщившим об израильской победе, одержанной в понедельник, был иерусалимский корреспондент Би-би-си Майкл Элкинс. В последних известиях, передаваемых в 10 часов вечера, было приведено следующее неподтвержденное сообщение (при этом Би-би-си подчеркнуло слово "неподтвержденное"):

"Израилю потребовалось меньше 15 часов с момента начала военных действий, чтобы выиграть войну. Египет перестал быть военной силой... Это самая молниеносная война, какую знает современная история..."

Би-би-си, однако, не изменило своему скепсису. Так же отнесся к этим сообщениям Джон Додд из известной своей туманностью газеты "Сан", когда на другое утро он изложил свое далеко не проникательное мнение:

"Я остаюсь при своем мнении... Нет ничего, что могло бы поставить под сомнение скрупулезную объективность Би-би-си, кроме сообщения Элкинса. Репортеры сбились с ног, стремясь получить интервью у арабских студентов, которое уравновесило бы выступление члена парламента Барнета Дженнера на сионистском митинге. Они сфотографировали арабских послов, чтобы компенсировать зрителю короткое интервью с еврейскими писателями. В общем и целом, это была вечерняя программа, которой Би-би-си может гордиться".

Но разве долг прессы, телевидения и радио проявлять полнейшее беспристрастие при распределении места и времени, уделяемых каждой стороне? Их задачей является установление истины и, когда их корреспондентам это удастся, органы информации должны признать эту истину и поддержать этих корреспондентов, даже если это не вызовет прилива гордости у м-ра Додда.

В печать начали просачиваться сведения об истинном положении вещей. 7 июня "Таймс" поместила следующую корреспонденцию Николаев Герберта из Иерусалима:

"Во вторник, вскоре после рассвета, израильская авиация предприняла массированный налет на иорданские позиции неподалеку от больницы Августы Виктории на горе Скопус, откуда подвергалась обстрелу израильская больница "Хадасса". Истребители-бомбардировщики "Мистер" летали на небольшой высоте, и бомбы, сброшенные ими, взрывались только через несколько секунд, когда самолеты делали новый заход над Святым Городом.

Иорданская зенитная артиллерия вела беспорядочный огонь, израильские самолеты беспрепятственно летали над

всем районом. Они пропадали из виду, спускаясь ниже холмов Иорданского плоскогорья, прочесывали и бомбили иорданские позиции. Ни разу за все 24 часа, прошедшие с начала войны, в воздухе не показался ни один иорданский самолет. До наступления сумерек израильские "Миражи" и "Мистеры" сделали десятки вылетов. Один "Мираж" был подбит и упал в Иорданскую долину.

Уже раньше арабская молодежь с горечью спрашивала: "Где же сто миллионов арабов? Где иорданская авиация?"

Амманскому аэропорту причинены большие повреждения в результате налета израильских реактивных истребителей. Взлетно-посадочные полосы выведены из строя, и три или четыре самолета уничтожены на земле. В их числе один "Хокер-Хантер" иорданских ВВС, одна двухмоторная машина английского атташе и один самолет командующего войсками ООН генерала Одда Булля. Неизвестно, какой ущерб причинен военной части аэропорта, но поднимавшиеся над складами с горючим столбы пламени красноречиво свидетельствовали о том, что он был значительный".

В конце того же дня "Ивнинг ньюс" сообщила: "Израильтяне на канале... Шарм а-Шейх взят".

* * *

Хотя египтяне не предприняли наступления на поле боя, к дипломатической войне они отнеслись со всей серьезностью. Английские консульства в Александрии и Порт-Саиде были подожжены. Обвинение в тайном сговоре с Израилем, разрисованное красноречивыми подробностями, послужило предлогом для разрыва дипломатических отношений с Соединенными Штатами. С Лондоном Каир уже раньше порвал отношения из-за Родезии. Теперь были немедленно прекращены контакты с Вашингтоном. Эти шаги были усилены заявлением 6 июня о закрытии Суэцкого канала. Египет и другие арабские страны выступили за прекращение поставок нефти Западу.

Мнимый сговор между Израилем, Англией и США был главной темой дипломатических бесед, проводившихся во вторник в кулуарах ООН. (О происхождении этой утки и разговоре по радио между Насером и Хусейном рассказано в четвертой главе).

Пропагандистская ложь Насера начала вызывать раздражение у Кремля. Египетскому послу в Москве был оказан советскими руководителями холодный прием. Ему было разрешено устроить пресс-конференцию, на которой он повторил свои голословные заявления об участии британской и американской авиации в налетах на Египет. Примечательно, что в русской прессе это место из отчета о пресс-конференции было опущено. Одним из мотивов фабрикация этой фальшивки была надежда на прямую советскую интервенцию. Но советские руководители заявили египетскому и другим арабским послам в Москве, что эта история является полнейшим вымыслом, и русские не имеют к нему никакого отношения. Главы арабских

дипломатических миссий в Москве созвали пресс-конференцию, на которой русские журналисты прослушали записанное на пленку заявление каирского радио. ТАСС и московское радио сообщили о пресс-конференции, но опустили все ссылки на это заявление.

В Вашингтоне царил относительное спокойствие, пока арабская ложь не вызвала раздражения. Глубокой ночью 6 июня государственный департамент вызвал египетского посла, чтобы вручить ему ноту протеста. Дин Раск покинул оперативный отдел государственного департамент и появился перед телевизионными камерами и с гневом опроверг египетское обвинение. Эксперты Пентагона пришли тем временем к выводу, что Израиль выиграет войну. "Нью стейтсмен" напечатал 9 июня статью Эндрю Копкинда, в ней, в частности, говорится:

"Сообщения о превосходстве израильских вооруженных сил не были преувеличены. Президент Джонсон знал, что может позволить себе многозначительно улыбаться, предоставив воевать Даяну.

По утверждению Уильяма Бичера, выступившего 7 июня со статьей в газете "Нью-Йорк таймс", некоторые эксперты считали, что Израиль сможет где-нибудь "прорвать египетскую оборону в Синае в одном или двух направлениях в течение 7-10 дней". ЦРУ также делало президенту Джонсону обнадеживающие доклады.

Вероятно, русские уже осмыслили масштабы израильской победы. Этим можно объяснить, почему после 36 часов войны Косыгин направил по прямому проводу послание Джонсону, в котором говорилось, что Россия готова согласиться на прекращение огня без предварительных условий. Федоренко получил инструкцию голосовать за первую резолюцию Совета Безопасности о прекращении огня, не настаивая на включении в резолюцию пункта об отходе враждующих сторон к линиям 1956 года или об осуждении Израиля. Выступая в тот же вечер по телевидению, президент Джонсон заявил, что русская позиция открывает обнадеживающий путь к устранению опасности на Ближнем Востоке".

В палате общин во вторник Гарольд Вильсон сделал заявление по поводу мнимого участия английских авианосцев в военных действиях. Он сообщил, что в этом районе было только два английских корабля этого типа и что как "Викториас" на Мальте, так и "Гермес" в Адене находились на расстоянии более 1000 миль от театра военных действий. Служа само по себе свидетельством ничтожных возможностей британской военно-морской авиации, это заявление звучало тем не менее весьма убедительно. Вильсон объявил о введении 24-часового эмбарго на поставку английского оружия на Ближний Восток. Этот срок должен был быть продлен в случае присоединения к Англии других стран, чего, однако, не произошло. Вильсон не смог представить палате общин картину военных действий. Если бы он читал

депеша министерства иностранных дел с присущим ему усердием, он мог бы дать более содержательный отчет о происходящем. "Самые серьезные бои на суше, — сказал он, — по-видимому, происходят на египетско-израильской границе, но информация о них неопределенна и противоречива".

Как заявил специалист по Ближнему Востоку из Института стратегических исследований Джоффри Кемп в радиопрограмме Би-би-си в десять часов, большинство наблюдателей в тот вечер пришло к выводу, что египетские войска ведут аррьергардные бои. Но Том Литтл из ближневосточного отдела Би-би-си сразу же после возвращения из поездки по странам Ближнего Востока продолжал призывать к осторожной оценке событий:

"Я всегда исходил из предпосылки, что президент Насер понимал невозможность защищать полосу Газы и что израильтяне выйдут к морю. Поэтому появившееся сегодня вечером сообщение о начавшемся египетском наступлении на Северный Негев мне кажется правильным".

В среду, на третий день войны, когда израильские войска овладели всем Синаем и заняли Иерусалим, Египет сфабриковал новые доказательства "сговора". Министр иностранных дел Махмуд Риад привел в качестве "доказательства" признание израильского пилота Авраама Шелона. По новой версии, 17 английских бомбардировщиков, прибывших непосредственно перед израильским налетом на Аджлунский аэродром, были использованы для обстрела военных объектов в Сирии и Египте. В действительности же Аджлун — иорданская радиолокационная станция. Египетская газета "Аль-Ахрам" сообщила, что иорданская радиолокационная станция засекла самолеты, поднявшиеся с двух авианосцев, стоявших у израильского побережья. Риад также утверждал, что у пленных израильских пилотов были карты, изготовленные в Уайтхолле. Помимо Египта, новый раунд дипломатической войны провели четыре нефтедобывающие страны — Саудовская Аравия, Ливия, Бахрейн и Катар, — которые прекратили поставки нефти в Англию и Соединенные Штаты.

В Нью-Йорке не прекращались словопрения. Советский делегат Федоренко поспешил представить Совету Безопасности резолюцию с требованием о прекращении огня 7 июня с 8 часов вечера по гринвичскому времени. Это предложение было единогласно принято. Аба Эвен сказал, что Израиль будет соблюдать это соглашение, если арабы последуют его примеру. Русское правительство предупредило Израиль о том, что немедленно отзовет своих представителей из Тель-Авива, если он откажется выполнить предыдущую резолюцию. Но израильтяне уже чувствовали себя достаточно уверенными в исходе войны, чтобы сразу же сделать достоянием гласности масштабы своей победы и, в частности, подробности о результатах бомбардировок. Генерал Рабин объявил, что Израиль овладел Синаем, Шарм а-Шейхом, Иерусалимом и Западным берегом Иордана.

Когда толпы евреев устремились через ворота Мандельбаума в Старый Город, чтобы увидеть Стену Плача, семена будущего раздора были посеяны

генералом Даяном. Он сказал: "Мы искренне протягиваем руку мира нашим арабским братьям, но мы вернулись в Иерусалим, чтобы никогда больше не покидать его".

Египет, Сирия и Ирак отклонили предложение прекратить огонь. Сирийцы даже утверждали, что они преследуют израильтян, которые отходят к Назарету. Король Иордании Хусейн выступил с заявлением, транслировавшимся непосредственно с линии фронта: "Мы будем сражаться до последнего дыхания, пока мы стоим перед Богом. Мы омоем Святую Землю последней каплей своей крови". Но через полчаса иорданский премьер-министр Саад Джума сообщил, что его страна согласилась прекратить военные действия. Британское правительство было серьезно обеспокоено уязвимостью Иордании, опасаясь, что Хусейн будет лишен власти. В ту ночь распространились слухи о его бегстве в Рим.

В ответ на заявление Насера о закрытии канала, Джордж Браун сказал, что этот шаг египтян не выведет его из состояния равновесия. Отвечая на запрос Дункана Сандиса в палате общин о мерах, которые правительство намерено принять, чтобы добиться возобновления судоходства по этой водной магистрали, Джордж Браун заметил:

"Достопочтенный джентльмен страстно желает, чтобы канал был вновь открыт... Я могу только сказать, что, с моей точки зрения, это связано с подписанием перемирия и переговорами об урегулировании во всем районе".

Но до сегодняшнего дня мистеру Брауну не удалось открыть канал, и его не очень досаждают просьбами о посредничестве в урегулировании.

* * *

В четверг, вскоре после 10 часов утра, президент Джонсон получил ужасное известие, что в результате атаки, произведенной израильскими ВВС неподалеку от синайского побережья на американское разведывательное судно "Либерти", 34 человека убиты и 75 ранены. Так как самолеты VI флота немедленно вылетели к месту происшествия, Джонсон счел необходимым известить об этом Косыгина по прямому проводу. Когда это послание было уже отправлено, Израиль сообщил, что произошло недоразумение и принес извинение. И это было передано по телетайпу.

В Средиземном море произошел еще один инцидент: два советских боевых корабля — эсминец и небольшое патрульное судно — начали беспокоить авианосцы американского VI флота. По-видимому, русские решили оказать на американцев давление с тем, чтобы те прекратили поиски советской подводной лодки, которая, как подозревали американцы, находилась в районе боевых действий.

В палате общин мистер Хит спросил премьер-министра, что предпринимается для установления прямого провода между Москвой и Лондоном. М-р Вильсон ответил:

Прямой связи нет, но я надеюсь, вы будете рады узнать, что между г-ном Косыгиным и мною происходит на этой неделе очень интенсивный личный обмен мнениями при посредничестве посла.

Джордж Браун признал, что, поскольку русские не дали положительного ответа на английское предложение прекратить поставки оружия, Великобритания отказалась от эмбарго.

Вечером 8 июля, когда делегаты в Совете Безопасности были уже внутренне подготовлены к длительному выступлению Эль-Кони, председательствующий представитель Дании Ганс Табор объявил, что он вообще не предоставит египтянину слова. Затем У Тан зачитал послание Эль-Кони, в котором сообщалось, что Египет согласится на прекращение огня, если оно будет выполняться обеими сторонами. Для делегатов арабских стран и советского представителя Федоренко заявление Эль-Кони явилось полной неожиданностью. Оно было сделано в разгар конфликта между Соединенными Штатами и Советским Союзом, которые предложили два совершенно различных проекта резолюции о прекращении огня. Г-н Федоренко, пытаясь улучшить то печальное положение, в котором оказалась советская дипломатия, обрушился на Израиль.

Экстремистские круги Тель-Авива, очевидно опьянены своими временными успехами. Они даже ставят свои условия мира... Израиль несет всю полноту ответственности за совершенные им преступления. Он должен быть наказан со всей строгостью.

Подобные речи, отличающиеся только нюансами, произносились в Совете Безопасности в течение всей недели и последующего периода обвинений и контробвинений.

Глава девятая.

Синай: в когтях смерти

В ночь на среду генерал Таль встретился с генералом Иоффе в Джебель Либни, чтобы согласовать планы на следующий этап кампании. Авангард бронетанкового соединения Таля, продвигавшийся форсированным маршем по северной прибрежной дороге, за неполные двое суток после начала войны достиг Суэцкого канала. В ту ночь со вторника на среду солдатам Иоффе удалось в Джебель Либни урвать несколько часов для сна — первого с начала войны. Даже сам Иоффе смог прикорнуть на часок, с 8 до 9 вечера, впервые после субботней ночи. С наступлением темноты из пустыни потянуло холодом. Иоффе дремал на водительском месте своего танка, который еще не успел остыть после дня работы. Но долго спать ему не пришлось: вскоре он проснулся, прослушал сообщения по радио и пробежал поступившие донесения разведки и другие материалы. В течение нескольких часов он бодрствовал, поглощая один стакан чая с лимоном за другим. Наконец, в 2 часа ночи прибыл Таль. Особое внимание оба генерала уделили уточнению разграничительных линий между их районами действия, чтобы избежать столкновений. "Мы с Талем служили в Британской армии и знаем дело", — заметил, улыбаясь Иоффе. У них также остались страшные воспоминания о 1956 годе, когда израильская рота была истреблена своими же товарищами.

Бригадный генерал Авраам Иоффе, высокий общительный человек, говорит о себе, что он "сложен, как танк", и это, возможно, желательно для командующего танковой дивизией. За три недели до начала войны Иоффе занимался во Франции вопросами охраны природы. С того времени как два года назад ушел в отставку, он посвятил себя этому делу.

В Джебель Либни было принято решение, что войска Таля направятся по северной дороге через Бир Гифгафу, чтобы преградить арабам дорогу через высоты к Исмаилии, тогда как войска Иоффе, продвигаясь по южной дороге к перевалу Митле, перережут единственную дорогу отхода к каналу для автомашин. Тогда же они решили предпринять совместную наступательную операцию на рассвете в то же утро: Таль должен был атаковать египетские позиции в Бир Хаме, в десяти милях западнее Джебель Либни, а войска Иоффе — вступить в соприкосновение с противником в районе Бир Хасне.

Совершив ночной марш и заняв на рассвете Бир Хаму, войска Таля уничтожили при этом несколько египетских самоходных орудий СУ-100 — тяжелых противотанковых пушек, называемых "смерть танкам". Следуя за бригадой резервистов, продвигавшейся в авангарде, войска Таля оказались на дороге на запад, к Бир Гифгафе. В пути они попали в засаду, устроенную египетскими танками Т-55, самыми современными из всех машин, участвовавших в войне. Только ценой потери нескольких своих танков, израильтяне смогли прорваться через засаду и продолжить продвижение к Бир Гифгафе.

Тем временем в 4.00 авангард танковой бригады Иоффе двинулся на Бир Хасне, которым он овладел в 9.00.

Иоффе так описывает действия своих войск, выполнивших эту задачу:

Мы, словно безумные, ринулись в межгорный проход, называемый перевалом Митле. Это слово известно всему Израилю. Одиннадцать лет до этого перевал был занят парашютистами под командованием генерала Шарона. Он тянется на 23 километра, и кто владеет им, фактически является хозяином всех подступов к каналу. Приказано было окружить неприятельские силы и задержать их отступление к каналу.

Из Бир Хасне два батальона израильских танков под командованием полковника Иски устремились на запад, чтобы перерезать линию отхода египтян к Бир Тамаде — пункту, господствующему над подступами к перевалу Митле и к северной горной дороге.

Между тем на юге, в районе Шарм а-Шейха, египетские войска оставили мыс, возвышающийся над Тиранскими проливами, за два часа до переброски израильтянами сюда из Эйлата по воздуху и морем своих ударных войск. В среду в 11.00 бело-голубой флаг со звездой Давида реял над проливами и быстроходный израильский торпедный катер прошел по узкому заливу. Это было первое израильское судно, которое прошло через проливы, закрытые Насером ровно две недели назад.

Танкисты Иски достигли Митле в среду в 18.00 — через неполных 60 часов после пересечения ими границы Израиля. Многие машины, подвозившие припасы, в частности горючее, были уничтожены в пути египтянами, и в 15 или 20 километрах от перевала у половины израильских танков кончилось горючее. Не желая бросать на произвол судьбы 7 из своих 14 танков, танкисты Иски прикрепили их стальными тросами к тем танкам, у которых еще имелось горючее. Так они доползли под ураганным огнем противника до перевала и заняли позиции. Даже те танки, которые шли на буксире, не прекращали огня. У Митле в одном танке, у которого еще было горючее, заклинило башню от прямого попадания египетского снаряда, но он продолжал наводить свою пушку на движущиеся египетские танки, умело маневрируя на своих гусеницах. Танку приходилось делать не менее двух прицельных выстрелов, чтобы попасть в цель.

Тем временем генерал Таль расположил два танковых батальона севернее Бир Гифгафы, блокировал дорогу из Бир Тамады в Исмаилию и послал батальон легких французских танков на возвышенность в 10 милях к западу, чтобы не допустить подхода египетских подкреплений из района канала. Главной задачей Талья было навязать бой египетским танкам. Три израильские дивизии готовили смертельный удар противнику: Таль и Иоффе перерезали дороги, а Шарон загонял египтян в ловушку.

* * *

В среду с наступлением темноты войска Шарона проделали две трети своего пути от Абу Агейлы до Нахла. Этот трудный и медленный переход вел по воде^[1] через пустыню. В среднем израильтяне прошли большую часть

^[1] Русло высохшего ручья.

расстояния со скоростью не более 3 миль в час. Продолжая свой марш ночью, одно подразделение Шарона наткнулось на минное поле и потеряло один бронетранспортер. Шарон приостановил продвижение и в четверг с двух до четырех часов утра, пока саперы расчищали проходы в минном поле, он в его люди спали как мертвые.

* * *

Возобновив на заре продвижение, они внезапно наткнулись на бригаду танков "Сталин" — самых тяжелых машин, с которыми им пришлось иметь дело в пустыне. За танками стояло несколько тяжелых самоходных орудий. Израильские танки устремились в атаку, но египетские не тронулись с места. Израильтяне не верили своим глазам: все танки были в полной исправности, но покинуты всеми экипажами. Позднее, когда бои прекратились, Шарон встретился с командиром этой части бригадным генералом Ахмедом Абд эль-Наби, взятым в плен. Его привезли на командный пункт генерала Шарона в Бир Гифгафе: Египтянин вручил ему свою визитную карточку.

Эль-Наби объяснил, что, не веря в успех сопротивления (хотя он не имел представления о размерах израильских сил), он решил со всеми своими людьми бежать, не задерживаясь даже для подрыва своих танков. "Вы расстроили все мои планы", — произнес он с горечью. Египетские командиры, очевидно, могли действовать только по заранее разработанным планам.

Эль-Наби сказал, что он был сильно встревожен, когда во вторник ночью услышал грохот большого соединения танков, проходившего где-то поблизости от его части. В действительности это была египетская танковая бригада, продвигавшаяся на восток.

В среду ночью эль-Наби снова услышал шум надвигающихся танков. На этот раз он был осведомлен об израильском наступлении через Абу Агейлу и Бир Хасне, и, полагая, что его собираются атаковать, он решил покинуть все свои танки и артиллерию и отвести своих солдат на полугусеничных транспортерах на запад, в Бир Тамаду, которая, по его мнению, была еще в руках египтян. "Вы ошиблись", — с усмешкой заметил Шарон, — "наши ребята были уже там". После стычки с израильтянами эль-Наби бросил свои войска и втроем — вместе с подполковником и майором — бежали пешком на юго-запад.

20 июня в интервью с Чарлзом Мором, опубликованном в "Нью-Йорк таймсе", эль-Наби на вопрос, почему он не уничтожил свои танки, сказал:

"Мне было приказано отступить, я не получил инструкций уничтожить танки... Если бы я подорвал мои танки, евреи могли бы обнаружить меня. Подорвать танк — значит вызвать страшный грохот".

Эль-Наби рассказал, что вначале они отступали "в образцовом порядке": еще сохранилось деление на части и соблюдалась дисциплина. Трудности начались на перекрестке дорог в центре пустыни, когда они наткнулись, по его утверждению, на "засаду" или дорожный заслон противника. "Из-за этой засады мы должны были разбиться на группы и разойтись в разные стороны, держа общий курс на юг к перевалу Митле", — рассказал бригадный генерал.

Но почему он не прорвался через эту засаду?

"Это было невозможно", — ответил он. Присутствовавший израильский капитан вмешался: "Почему? Какими силами и оружием мы располагали, по вашему мнению, в этой дорожной засаде?" — "Я слышал стрельбу из легких пулеметов, но подумал, что стреляли также из тяжелых пулеметов".

Израильский капитан возвел глаза и руки к небу: "У вас была целая бригада, а наш заслон состоял из небольших сил".

"Вы правы, — ответил эль-Наби, — но не следует забывать, что мы остались без танков"...

У перевала Митле 125-я египетская бригада распалась, по словам ее командира, не войдя в соприкосновение с противником.

"Добравшись до Митле, бригада перестала быть организованным соединением, — объяснил египтянин. — Каждый стремился только спасти свою шкуру. Все машины были брошены, и люди пошли пешком на запад через горы". Многие египтяне бросили свое оружие, шлемы и часть обмундирования. "Я потерял свой чемодан, который месяцем раньше купил в Лондоне, и свой радиотранзистор", — сказал эль-Наби с огорчением.

Он не запасся водой и едой и пустился в путь без провожатых: упущение, причину которого он не мог указать. Его спросили, пытался ли он взять с собой нескольких солдат. Его ответ: "Нет. Как я уже сказал, каждый спасал только свою шкуру".

Бригадный генерал три дня брел без воды, пока не добрался до Рас Судра. Он шел по дороге и ему посчастливилось: его подобрал, как он сказал, "очень милый израильский майор и патруль". "Они были очень добры ко мне, — заметил он. — Они вызвали скорую помощь и дали мне выспаться в пути. Я был в очень плохой форме. Они проявили большую доброту". — "Как бы вы поступили с нами?" — спросил с некоторой суровостью израильский капитан. Уловив скрытый смысл вопроса, эль-Наби почувствовал себя задетым и выпрямился на своей койке: "У меня не было инструкции обращаться плохо с израильскими военнопленными", — сухо ответил он.

Встретившись с эль-Наби после войны, Шарон спросил его, какие беседы вел он со своими людьми в предвоенные дни. Эль-Наби ответил, что ему и в голову не могло прийти беседовать со своими подчиненными. "В этом как раз и состоит разница между нами", — заметил Шарон. "Я часами беседую со своими солдатами о войне и о предстоящих боях. Я отношусь с большим уважением к своим людям, а египетские офицеры презирают своих солдат. Я считаю, что египтяне — хорошие солдаты. Они простые и малокультурные, но выносливые и дисциплинированные люди. Они хорошие артиллеристы, хорошие саперы и хорошие стрелки, но их офицеры — дерьмо. Их офицеры воюют только по заранее разработанному плану. Если не считать минного поля между Бир Хасне и Нахлом, которое было, вероятно, заложено до войны, египетские офицеры после нашего прорыва не устанавливали мин и не делали засад на всем пути нашего продвижения. Но немало солдат, в частности у Митле, где мы преградили им путь к отходу, бились на смерть, пытаясь прорваться на запад к каналу. Так же они сражались в 1948 году у Фелуджи, в

30 милях южнее Тель-Авива. Кстати, в тех боях участвовал молодой офицер Насер".

Шарон продолжал: "Даже у Кусеймы (одна из первых павших египетских позиций) египетские офицеры с криком "Спасайся, кто может" вскакивали в первый попавшийся джип или транспортер и бросали своих солдат на произвол судьбы. Мы проезжали мимо одного египетского солдата, который, сидя на обочине дороги, повторял с плачем: "Они бросили меня, они бросили меня".

"Ни один израильский офицер никогда не поступил бы так. Наши офицеры всегда подают команду не "вперед", а "за мной". По этой причине обычно 20 процентов наших общих потерь составляют офицеры. (В войне 1967 года 23 процента павших были офицеры).

"По рассказам пленных египетских солдат, — добавил Шарон, — им говорили, что, вступив в Израиль, они будут убивать мужчин, насиловать женщин. Быть может, это выгодная философия для наступающих, но она явно не подходит в отступлении. Тогда вы забываете о том, чтобы насиловать чужих жен, и хотите оказаться со своей собственной женой дома, на берегу Нила".

* * *

Оставив египетские танки в тылу в пустыне, силы Шарона продолжали свое наступление к Нахлу. Шарон рассказывает:

Мы узнали, что наши войска выступили из Кунтиллы и овладели Бир Тамадой, и что египетская бригада, защищавшая этот пункт, отошла к Нахлу. Я принял решение как можно скорее взять Нахл и выделить танки, чтобы устроить засаду отступающей египетской бригаде. Я послал одного из своих офицеров с заданием установить местонахождение египтян. Он доложил, что основные силы противника находятся лишь в 3 милях от Нахла: передовые отряды египетской бригады уже прошли через Нахл, когда мы подходили.

Я расположил два танковых батальона на восточной окраине Нахла: один из батальонов был развернут к востоку, преграждая путь идущим оттуда египетским войскам, другой батальон, расположенный на правом фланге нашей танковой группировки, развернут к северу. Я распорядился, чтобы они быстро устроили засаду и приказал танкистам подпустить противника на расстояние 200 ярдов, чтобы в ловушку попало как можно больше машин.

Я был тогда в 7 милях к северо-востоку от Нахла с батальоном моторизованной пехоты и одним танком и двинулся на юго-восток к месту в 10 милях восточнее Нахла, чтобы выйти в тыл египетской колонне. Следуя приказу, наши танки в засаде подпустили египтян на расстояние 200 ярдов; в первые же минуты нашим огнем были выведены из строя 9 египетских танков Т-54.

Со своей моторизованной пехотой я вышел к дороге и наткнулся на 6 египетских танков "Центурион", которые обстреляли нас. Я вызвал нашу авиацию, и три из этих шести машин были сожжены напалмом. Затем командир пехотного батальона махнул рукой, и весь батальон бросился за ним и уничтожил три остальных танка.

После этого мы атаковали египтян с тыла. С 10.00 часов до 14.30 мы уничтожили 50 Т-54 и "Центурионов", два артиллерийских дивизиона, противотанковые и зенитные батареи и более 300 автомашин. Противник потерял тысячу человек.

Это была поистине "Долина смерти". Выехав оттуда, я почувствовал, что состарился. Сотни убитых; повсюду горящие танки. У каждого было чувство, что человек — ничто. Из-под гусениц танков вздымался песчаный вихрь. Стоял страшный шум. Грохот орудий и танков сливался с треском наших вертолетов, эвакуировавших раненых, и ревом тяжелых транспортных самолетов "Стратокруйзер", сбрасывавших нам на парашютах горючее, воду и боеприпасы.

Между тем стрельба и бои продолжались, вражеские машины с горючим и боеприпасами взрывались и горели. Везде валялись трупы.

* * *

Пытаясь вырваться из израильского окружения и выйти на дорогу на Исмаилию, египтяне продвигались в северном направлении. Их моторизованная бригада столкнулась с двумя батальонами бригады резервистов Таля, которые заняли позиции у дороги в нескольких милях к северу от Бир Гифгафы. Египтяне предприняли координированную атаку несколькими танками Т-54, наступавшими с запада, их уцелевшие самолеты совершили несколько налетов. Двум батальонам Таля удалось отстоять свои позиции и нанести большой урон живой силе противника. Правда, при этом египтяне едва не подавили сопротивление израильских легких танков, размещенных на холмах в 10 милях западнее Бир Гифгафы.

В наступившей темноте 40 египетских Т-54, двигавшихся из района Исмаилии на выручку своим окруженным товарищам, наткнулись на слабый израильский заслон из нескольких легких танков. Как египтяне, так и израильтяне были застигнуты врасплох, и они обменялись огнем с расстояния 20 ярдов. Израильтяне стояли лагерем, разместив вокруг него свои легкие танки и сгруппировав в центре полугусеничные транспортеры с горючим, боеприпасами и продовольствием. Завязался тяжелый бой. Бронебойные снаряды из легких израильских танков были бессильны и отскакивали от тяжелой брони египетских Т-54. В начале боя египтяне поразили прямым попаданием самоходную минометную установку со снарядами. Машина взорвалась и вывела из строя семь других полугусеничных транспортеров и один легкий танк. Двадцать израильтян были убиты на месте. После этого прямым попаданием были уничтожены два других израильских танка.

19-летний парашютист, попавший на фронт прямо со школьной скамьи, рассказывает:

В полночь нас разбудил рев и лязг приближающихся танков. На нас двигались более 40 египетских машин с включенными передними фарами. Противник открыл огонь, и почти сразу же один из наших транспортеров с боеприпасами был подбит и взорвался. Вой был жестокий. Вдруг я почувствовал, что моя правая рука взмокла и что я не могу больше стрелять из своей винтовки. Только тогда я понял, что ранен. Я сам туго перевязал правую руку и после этого стал на некоторое время связным. Когда пришел полугусеничный транспортер для эвакуации раненых, мне удалось взобраться на него. Но вскоре на нем скопилось много людей с более серьезными ранениями, чем у меня, и я слез с машины и бежал рядом с ней. Она выглядела, словно гора мяса. Я счел более безопасным бежать рядом с транспортером. Стрельба не прекращалась, но бронетранспортер обеспечивал меня некоторым прикрытием.

Миновав два пункта сбора раненых, парашютист добрался до полевого госпиталя в Эль-Арише в 10.30 утра, т.е. через 7 часов 30 минут после ранения. Здесь ему оказали первую помощь, а затем переправили в Тель-Авив, где он провел три недели в госпитале.

Батальон удерживал свои позиции в течение двух с половиной часов и отступил на один километр после получения приказа. Тем временем Таль направил в помощь батальону дивизион средних танков. Как только эти танки прибыли, командир батальона, не дожидаясь дальнейших инструкций, контратаковал противника, вернул утраченные позиции и уничтожил 10 танков Т-54.

Узнав, что египтяне вновь производят перегруппировку своих войск к югу от Бир Гифгафы, чтобы осуществить прорыв, Таль бросил на юг одну танковую бригаду из Джебель Готмира, расположенного в 15 милях северо-восточное Бир Гифгафы. Эта бригада должна была атаковать египетские силы с тыла, а бригада резервистов на севере — удерживать свои позиции и блокировать пути отхода противника. В коротком и кровавом бою израильтяне уничтожили всю египетскую бригаду.

Тем временем непрерывный поток египетских солдат, автомашин и бронетанковой техники устремился из Восточного и Центрального Синая к перевалу Митле. Египтяне еще не знали, что днем раньше, в результате эффективного налета израильской авиации, перевал стал непроходимым для всех видов транспорта, кроме машин на гусеничном ходу. Когда египетские машины скопились в этом пункте, израильская авиация начала непрерывно бомбить их напалмовыми и осколочными бомбами, а танковая бригада Иоффе довершила разгром.

Воины Иски сражались без передышки более трех дней и двух ночей и были близки к истощению. Когда они достигли Митле, у них не было времени для перегруппировки или отдыха. Почти сразу же после их подхода к перевалу

тысячи египетских солдат яростно атаковали их в надежде прорваться своими машинами и танками через перевал к каналу и спасись. В 22.00 Иски радировал в штаб дивизии, что его войска почти полностью окружены и отбивают яростные атаки противника. В полночь Иоффе приказал своей второй бригаде, присоединившейся к нему на рассвете предыдущего дня, выступить в 3.00 и прорвать кольцо, в котором оказались силы Иски в районе Митле. Продолав часть пути, эти силы, продвигавшиеся в темноте по западной дороге, вдруг обнаружили, что они сомкнулись с египетской танковой частью, следовавшей в том же направлении. Из-за темноты и пыли было невозможно отличить своих от чужих. Израильский командир велел своим людям в течение нескольких минут продолжать продвижение вместе с египтянами. Затем совершенно внезапно он приказал командирам своих танков: "Сверните резко вправо и расстреляйте все, что останется на дороге". Этот маневр был успешно осуществлен.

Солдаты Иски вели героическую борьбу в течение всей ночи. Как рассказал один из них, к утру на каждый танк приходилось не больше двух орудийных снарядов и по пол-ящика пулеметных лент. К этому времени, в результате налета израильской авиации (подбившей по ошибке также 2 своих танка), египтяне бежали пешком в горы, бросая танки и машины.

Иоффе так описывает события у перевала Митле:

Мы стояли здесь в обороне день и ночь и следующий день, отражая атаки всех бронетанковых частей и колонн, которые, устремившись в отчаянии к каналу, нашли путь к нему отрезанным. Трудно себе представить, что та самая бригада Иски, которая выступила с израильской территории в понедельник, прошла весь этот путь и блокировала перевал. В четверг утром силы наших солдат, сражавшихся без передышки более 72 часов, были на исходе.

Я должен был что-то предпринять посреди боя, что-то не совсем обычное. Я заменил одну бригаду другой, не прекращая в то же время танкового огня. Это было очень сложное задание, но парни выполнили его, и выполнили, не стреляя друг в друга. Инициатива и смекалка, проявленные не только командирами, но и экипажами танков, помогли нам избежать несчастных случаев.

В одном месте перевала, где дорога проходит мимо узкой расщелины, стояло полдюжины новейших и совершенно целых египетских танков Т-55. Дорога "туда и обратно" была для них закрыта. Им некуда было отходить. Можно было видеть, как они в отчаянии пытались спуститься по отвесной скале — там они и остались, словно мухи на стене.

Оставив за собой в пустыне большую часть семи разгромленных египетских дивизий, Таль и Иоффе приказали своим войскам продолжать продвижение к каналу. Под ураганным огнем египтян вторая бригада Иоффе освободила в четверг в полдень из окружения изнуренных боями солдат Иски. Главные силы этой бригады прорвались с боями к западному подъему на

перевал. Танкам потребовалось почти полдня, чтобы обойти сотни египетских машин и танков, подбитых с воздуха и запрудивших в нескольких местах узкую дорогу через холмы. В этот вечер продвижение израильских танков, переваливших на западную сторону холмов и приближавшихся к каналу, было приостановлено, так как они наткнулись на две или три сильно укрепленные египетские позиции, усиленные с тыла танками. Оказавшись не в силах прорвать оборону противника до наступления темноты, израильтяне решили штурмовать позиции ночью, двинув против них танки с включенными фарами. При их приближении египтяне оставили свои позиции и бежали. В пятницу в 2.00 утра войска Июффе вышли к Суэцкому каналу напротив Шалуфы, тогда как другая группа, также под его командованием, достигла Рас Судра, продвинувшись на юго-запад от восточного конца Митле. В то же время менее измотанные силы Иски, которые были отведены от Митле к Бир Тамаде и продвигались вдоль вадии Джиди к южной оконечности Малого Горького озера, также вышли к каналу.

Таль послал одну из своих танковых бригад через холмы в Исмаилию. В пути израильские танки в нескольких местах вели упорные бои с сотней египетских танков, половину которых составляли Т-55. Египтяне таким образом расположили свои танки за дюнами, что израильские машины, появлявшиеся на гребнях дюн, отстоящих друг от друга на несколько сотен ярдов, были видны, как на ладони. Израильтяне же видели только стволы вражеских орудий. Некоторые "Центурионы" Талья были поражены тремя или четырьмя прямыми попаданиями и выведены из строя. После этого египтяне отошли на 500 ярдов от дороги и устроили засаду. Меняя всякий раз свою тактику, они уничтожили еще несколько израильских танков. Это заставило израильтян прибегнуть к следующему маневру: два их танковых дивизиона продолжали осторожно продвигаться через дюны, а по дороге чуть позади колонной двигался танковый батальон и подавлял огневые точки противника, как только тот выдавал свое местонахождение. Таким образом, бронетанковая бригада Талья уничтожила около 100 египетских танков, потеряв только 10 своих, и вышла к каналу напротив Исмаилии.

Первые израильские солдаты, достигшие канала, принадлежали к специальной группе, которую Таль послал из Эль-Ариша по дороге на запад, вдоль моря. Уже в ранние утренние часы в среду — через 48 часов после начала войны — они уже стояли на канале. Узнав об этом, Даян приказал им немедленно отойти на 20 миль на восток, чтобы свести к минимуму опасность вовлечения Израиля в международный конфликт из-за канала. На следующий день, когда этой группе разрешили вернуться на прежние позиции, египетские МИГи дважды атаковали ее с воздуха. Два дивизиона египетской артиллерии, которые вскоре после этого открыли огонь с противоположного берега канала, были уничтожены израильскими самолетами. В другой раз, уже после вступления в силу соглашения о прекращении огня, когда египетская артиллерия снова начала обстреливать израильские позиции вдоль канала, Таль приказал своей артиллерии обрушить огонь по Исмаилии, отвечая двумя снарядами на каждый выпущенный египтянами. "Теперь они испытали то, что годами терпели наши кибуцы на сирийской границе", — сухо заметил Таль.

По словам генерала Иоффе, его дивизия за неполные 4 дня уничтожила не менее 157 танков и в трех местах вышла к каналу.

"Мы взяли в плен много генералов и полковников, которые совершенно свободно высказывали свои мысли. Мы помогли многим египтянам, снабдив их водой и указав дорогу к каналу. Нам было не под силу содержать целую армию египтян, и поэтому мы брали в плен не всех, помогая остальным переправиться через канал.

Впервые я узнал о том, что мои люди вышли к каналу, когда один из моих командиров попросил разрешения вымыть ноги в канале. Вот когда я впервые узнал, что он на канале. Я не позволил ему, и он до сих пор ходит с немывыми ногами".

Тем не менее — генерал Иоффе не знал этого — полковник Иска нарушил приказ.

* * *

Это была одна из самых молниеносных и решающих побед, какие когда-либо знал мир. За неполные 4 дня израильтяне разгромили гордую 100-тысячную армию египтян. Тысячи машин и 700 танков русского производства, в том числе самых современных, были захвачены или уничтожены. Качественное превосходство людского состава, а в особенности офицерского, твердое сознание израильтян, что они воюют за самое существование своей страны и за жизнь своих жен и детей, их неумолимая решимость, гибкость и быстрота в принятии решений, маневренность в сочетании с превосходной подготовкой — вот решающие факторы, которыми можно объяснить израильскую победу. Но такой быстрый и драматический результат никогда не был бы достигнут без безраздельного господства, достигнутого израильскими ВВС во всем ближневосточном воздушном пространстве. Для египетского танкиста было малоприятным переживанием пробыть четыре дня в своем танке без воздушного прикрытия, служа мишенью израильским реактивным самолетам. Даже самые доблестные и решительные армии мира не могли бы выдержать таких непрерывных бомбардировок и обстрелов с воздуха. "Мы непрерывно бомбили их, — заявил генерал Ход, командующий израильскими ВВС. — Мы не повторили ошибки, допущенной нами в 1956 году. Тогда мы атаковали египтян с восточной стороны Синая, и они смогли вывезти большую часть своего вооружения. На этот раз мы с самого начала блокировали западные подступы к Митле, перерезали пути отхода, а затем нанесли им удар с запада на восток".

К тому времени, когда в четверг поздно ночью египетское правительство согласилось на прекращение огня, немного осталось от семи полностью укомплектованных египетских дивизий в Синае, кроме тысяч солдат, этих жалких остатков армии, в одиночку или группами бредущих в Египет. Большая часть вооружения была захвачена или уничтожена. Многие египтяне-феллахи (крестьяне) из районов Дельты и берегов Нила, непривычные к ношению

обуви, бросили ботинки и личное оружие, когда бежали по пустыне за запад. Пустыня и бедуины неласково встретили беглецов. Уцелевшие машины были, как правило, заняты офицерами. Покорные же крестьяне, обманутые своим правительством, одуроченные и преданные безумием и честолюбием Насера, брошенные своими офицерами на милость врага и пустыни, отчаянно боролись за возвращение домой. Некоторые находили воду и еду в сотнях машин, которые громоздились на обочинах дорог, покинутые людьми, словно остатки крушения, и после многодневного перехода под губительным зноем пустыни, достигали канала. Отсюда они вплавь добирались до другого берега или сдавались в плен израильтянам, которые переправляли их на катерах из Кантары в Египет. Но многие не добрались до канала. Тот, кто летал над пустыней через неделю после войны на небольшой высоте, мог видеть их, валявшихся небольшими группами на песке, в том месте, где они упали. Некоторые лежали распростерты с обращенным к небу почти обугленным солнцем лицом.

Даже для тех, кто выжил, это было страшным испытанием. Один египетский пилот, сбитый израильтянами над Синаем, провел три дня в пустыне. В среду утром он и два других пилота получили задание от самого египетского главнокомандующего фельдмаршала Амера подняться в воздух на последних трех МИГах-17, которые остались неповрежденными на авиабазе Фаид, и атаковать израильские силы в Синае. Когда его самолет был подбит, он выбросился с парашютом и приземлился в пустыне. Он освободился от своего летного костюма русского производства, который стеснял его движения и был слишком теплым для блуждания по пустыне. Вскоре он встретился с двумя другими египетскими солдатами, к которым примкнул. У них почти не было запасов воды. На следующий день они увидели джип, на котором ехал египетский офицер. Они махали ему и кричали, и машина на мгновение замедлила ход. Но она не остановилась. На второй день они встретили бедуина на верблюде и попросили у него напиться. Бедуин ответил, что неподалеку есть источник и обещал через час вернуться. Они прождали его весь день, но он не пришел. Наконец, на третий день, когда они более двух суток ничего не пили и умирали от жары и усталости, они наткнулись на израильский патруль, который взял их в плен.

Заметив на дорогах Синая отбившихся — при условии, что те были без оружия и держали руки на голове, — израильтяне останавливали свои машины, чтобы дать им воды или подвезти к каналу. Вертолеты и наблюдательные самолеты также получили указание искать египетских солдат. Обнаружив их, что случалось нечасто, пилоты сбрасывали им воду.

Израильтяне не могли взять их всех в плен, но помогали им добраться до канала. Тем, кто умел плавать, предлагали переплыть на другой берег в месте, где ширина канала не превышала 100 ярдов. Одна группа египтян, успевшая проплыть половину пути была скошена с западного берега канала пулеметным огнем их соотечественников. Это видели некоторые иностранные журналисты. Трудно понять мотивы такого поступка: возможно, что Насер и высшие офицеры египетской армии, желая навеки похоронить правду о разгроме своей армии в песках Синая, не хотели допустить их возвращения. Переправа

военнопленных впоследствии осуществлялась на более регулярной основе. Их перевозили на двух небольших катерах из Кантары на египетскую сторону канала, где их помещали в лагеря, оцепленные колючей проволокой. Однако израильтяне взяли в плен большое количество египетских офицеров, в том числе генералов. Их общее число доходило до 5 тысяч, и израильтяне пытались обменять их на 10 своих соотечественников, которые содержались в египетском плену. Когда вопрос об обмене военнопленными стал актуальным, египтяне не переставали торговаться.

Глава десятая. Голанские высоты

Сирия присоединилась к войне против Израиля на суше только во вторник 6 июня. Для израильтян было неожиданностью, что эта наиболее крикливая и враждебная Израилю арабская страна не выступила в понедельник. По мнению бригадного генерала Элазара, причина этой нерешительности сирийцев заключалась в раздражении, с которым они встретили союз, заключенный за две недели до начала войны между Египтом и Иорданией. Кроме того, сирийцы выжидали результатов военных действий на Синайском полуострове, прежде чем испытать свое собственное военное счастье. Очевидно, они, подобно иорданцам за день до этого, поверили лжи, распространенной Каиром, и открыли огонь из своих позиций в горах по всей пограничной полосе — от самой южной точки на берегу Тивериадского озера^{1[1]} до Баниаса, у подножия горы Хермон.

В начале июня израильтяне заметили концентрацию крупных сирийских сил в районе таможни, против израильской деревни Мишмар ха-Ярден. В состав этих войск входили несколько пехотных, одна танковая и одна моторизованная бригада. Большое число сирийских танковых частей было сосредоточено также на пограничной дороге из Кунейтры к таможне. Израильтяне сочли это достаточным доказательством того, что сирийцы готовят наступательную операцию. Захваченные израильтянами при взятии Кунейтры документы подтвердили намерения сирийцев прорваться в Израиль в трех направлениях. Главный удар они намеревались нанести в направлении Хайфы через Мишмар ха-Ярден. Из этого же направления другая группа сирийских войск должна была повернуть и начать наступление на Назарет. Целью второго удара было продвижение на Афулу через Тель-Кацир на южной оконечности Тивериадского озера и долину реки Иордан. Третье направление сирийских войск пролегало по плану через территорию Ливана к городу Акре. Однако в ходе войны сирийцы осуществили только три атаки, да и то местного значения, каждую силами одного пехотного батальона, усиленного 1520 танками. Атаки были направлены против израильских поселений Тель-Дан, кибуц Дан в Шеар-Ишув — крайнего пункта на северо-востоке страны. Это произошло 6 июня. "По моему мнению, — заявил впоследствии генерал Элазар, — эти атаки были маневрами с целью привлечения наших сил к этому району и, возможно, для достижения незначительных территориальных успехов. Это дало бы противнику повод бахвалиться тем, что ему удалось овладеть одним или двумя нашими поселениями".

Израильтяне оставались в обороне в течение первой половины недели и, начиная со вторника, подвергались интенсивному артиллерийскому обстрелу с Голанских высот. По словам генерала Элазара, на протяжении первых трех дней обстрела израильтяне ни разу не ответили на огонь противника, чтобы не выдать своих позиций, так как вся местность хорошо просматривалась

^[1] Озеро Кинерет.

сирийцами, разместившимися на высотах. Сами израильтяне не могли засечь (разве что с воздуха) позиции, с которых сирийцы вели огонь.

С понедельника вся израильская авиация была занята уничтожением египетских, иорданских и сирийских военно-воздушных сил. Во вторник и среду ее усилия были направлены на выведение из строя танков и на прикрытие с воздуха наступающих израильских войск в Синае и в районах западнее Иордана. Но уже в четверг, пятницу и субботу она смогла обратить всю свою мощь против Сирии.

На протяжении 19 лет сирийцы неустанно трудились над сооружением севернее Тивериадского озера большой "линии Мажино" из подземных бункеров, вкопанных танков и орудийных гнезд вдоль горной цепи, господствующей над израильскими долинами на западе. Генерал Пелед, командир одной из дивизий, подчиненных Элазару, рассказывал: "Эти укрепления уходили на 10 с лишним миль в глубину. Не было так называемых, первой, второй и третьей линии обороны: только сплошные укрепления и огневые позиции ряд за рядом". По словам генерала Элазара, сирийцы могли обрушить на израильтян более 10 тонн снарядов в минуту из 265 орудий, сосредоточенных вдоль горной цепи. Он исключил из этой цифры ракеты из русских "катюш" на собственной тяге. Каждая такая установка снабжена пусковым устройством и может выпустить 24 ракеты в минуту. Элазар заметил, что ракеты с 10-мильным радиусом действия и боевым зарядом в 10-15 фунтов, не обладая большой прицельной точностью, все же поражают значительную площадь. Впоследствии израильтяне обнаружили на Голанских высотах среди трофеев русские 130-миллиметровые орудия последнего образца с дальностью 16 миль. На них была выбита дата выпуска: "1966". В горах было также установлено 200 зенитных орудий.

В четверг 8 июня израильская авиация обрушилась всей своей мощью на эти огневые позиции. Командующий израильскими ВВС генерал Ход рассказывает об этой операции: "Мы сбрасывали бомбы с неконтактными взрывателями, которые взрывались над позициями зениток и оказывали разрушающее действие. После вывода из строя батарей зенитных орудий, израильская авиация взялась за сирийскую артиллерию, извергавшую ураганный огонь на израильские позиции и поселения в долине. В пятницу и субботу израильские самолеты непрерывно бомбили сирийские бункеры. Бетонные стены этих бункеров были такой толщины, что израильские бомбы в 500 и 1000 фунтов не могли пробить их. Напалм также оказался неэффективным, ибо бункеры имели навесы, не допускавшие проникновения внутрь горючей смеси. Тем не менее израильские самолеты в течение всего дня с 10-минутными перерывами бомбили эти укрепления. "Мы непрерывно бомбили их, чтобы подорвать боевой дух сирийцев, — заметил генерал Ход. — Даже ночью мы не давали им спать". В субботу утром началось бегство сирийцев из бункеров. Израильские самолеты преследовали их до установленной самими израильтянами границы, проходившей в 25 милях южнее Дамаска.

Генерал Элазар намеревался штурмовать Голанские высоты 6 июня, когда сирийцы начали обстреливать израильские поселения и позиции вдоль

границы и, как уже писалось, трижды вторгались незначительными силами на израильскую территорию. Он был убежден, что мог достигнуть цели даже без подкрепления, которое должно было прибыть с Иорданского фронта в конце недели. Но выступление несколько раз откладывалось. Последнее решение перенести срок с четверга на пятницу было, очевидно, принято Данном по двум главным причинам: дать израильской авиации время "размягчить" сирийскую оборону и предоставить отдых войскам, переброшенным с других фронтов, где они сражались без передышки с понедельника. Бесспорно, обладая более крупными силами, израильтяне могли бы овладеть высотами за более короткий срок, а время, как знали Даян и правительство, было жизненно важным фактором.

Существовала, по-видимому, и третья причина. Возможно, что в четверг рано утром, ко времени, когда планировалось начать наступление, израильтяне уже знали, что Сирия ночью должна дать ответ на призыв Организации Объединенных Наций прекратить огонь. Подвергнувшись массированному удару и теряя почву под ногами, как это случилось с Египтом, сирийцы с большей готовностью согласились бы на перемирие и впоследствии соблюдали бы соглашение. Но такой исход не устраивал израильтян, желавших довести дело до конца. Вероятно, они решили отсрочить операцию на сутки и провести ее с максимальной быстротой после того, как Сирия отвергнет или нарушит соглашение.

Когда до израильских солдат, томившихся в окопах на сирийском фронте, дошла весть, что Сирия, вслед за Египтом, согласилась прекратить военные действия в 3.20 по гринвичскому времени, они были жестоко разочарованы. Один израильский парашютист так описывает свое настроение:

"Мы все хотели выступить против сирийцев. Мы мало думали о египтянах, испытывали определенное уважение к иорданцам, но самые большие счета у нас были с сирийцами, которые в течение 19 лет подвергали обстрелу наши кибуцы".

Так говорил один из тех, кого должны были сбросить с самолета в понедельник ночью в район Ариша в Синае. Когда же эту операцию отменили, его часть была передислоцирована на Иорданский фронт, а оттуда в среду утром — на горные склоны, возвышающиеся над Тверией на западном берегу Тивериадского озера для подготовки наступления на Сирию. Большое количество захваченных иорданских машин было присоединено к их колонне, а захваченные иорданские знамена весело развевались на их джипах и полугусеничных транспортерах. Их приветствовали по всей дороге жители деревень, мимо которых лежал их путь, им дарили цветы, сигареты и бутылки пива.

Подобно тому, как Наполеон посадил по обе стороны главных дорог Франции деревья, чтобы его солдаты могли идти в тени, так израильтяне за двадцать прошедших лет посадили по два ряда деревьев по обим сторонам дорог, чтобы замаскировать свой транспорт в случае воздушных налетов. Таким образом, западнее Тивериадского озера израильские танки были прикрыты. Тот же парашютист замечает:

"Сначала мы отправились в Египет, потом в Иорданию, потом в Сирию. Мы даже думали, что совершим прогулку

в Ливан... Нам, парашютистам, нравится осматривать достопримечательности. Места вокруг озера Кинерет в Галилее прекрасные, иногда напоминающие Швейцарию. Мы разбили лагерь в горах около одного старого мошава^{2[2]}. Так как нам здесь предстояло ждать, то мы подвели воду из оросительного канала, соорудили душ и разместились вокруг него. Мы стали специалистами по садам и комарам. На северном берегу озера виднелись поля Альмагора, подожженные сирийскими снарядами. Ночью небо над ними было красным.

Мы включили свои радиотранзисторы. Передавали, что сирийцы обстреливают наши кибуцы. Но мы видели только, как наша артиллерия в самолеты непрерывно бомбит сирийцев. Их позиции подвергались бомбардировке в течение двух дней. Небо все время было красным. Всякий раз, когда наша артиллерия поражала какую-нибудь цель, мы все ликовали, как, думаю, еще где-нибудь в мире".

Наступил и минул срок начала прекращения огня — 3.20 по гринвичскому времени. Ненадолго смолкла артиллерийская канонада, и израильтяне отозвали свои самолеты. Но вскоре все снова вернулось к "нормальному" состоянию: артиллерия возобновила огонь и немного спустя израильская авиация возобновила налеты. Какая сторона нарушила перемирие (если предположить, что нарушила только одна сторона, что само по себе вызывает сомнение), установить невозможно. Бесспорно, что израильтяне очень хотели добраться до сирийцев и что они сочли бы кампанию, законченную с ударом часов, весьма неудачной для себя. Они видели в сирийцах главных виновников ситуации, приведшей к войне. Сирийские же войска, чувствовавшие себя в безопасности под защитой укреплений и оружейных стволов, не видели основания подчиниться решению о прекращении огня, независимо от того, исходило ли оно из Нью-Йорка или от их собственного правительства.

Поэтому в пятницу утром генерал Элазар получил приказ атаковать противника, и в 11.30 войска под его командованием начали молниеносное наступление. По словам генерала, сирийцы следующим образом расположили свои силы: три кадровые бригады — 11-я, 8-я и 19-я держали позиции круглый год; две пехотные бригады стояли в тылу: 90-я севернее и 32-я южнее Кунейтры. Каждой из этих пяти пехотных бригад был придан батальон танков Т-34 и самоходных установок СУ-100, а также 30 танков, которые еще раньше были вкопаны в горах. В дополнение к этому имелась еще ударная группа из двух танковых и двух моторизованных бригад, усиленных еще перед войной одной танковой и одной моторизованной бригадой. "С тех пор, как мы решили, что наиболее удобными районами для совершения прорыва являются самый северный и самый южный участки израильско-сирийской границы, мы начали проводить ложное наступление в районе Коразим, в самой северной точке Тивериадского озера", — заметил генерал Элазар.

^{2[2]} Кооперативное сельскохозяйственное поселение.

В четверг ночью под покровом темноты была сформирована воинская часть, в которую вошли мотострелки, парашютисты, танковая бригада и саперы с бульдозерами. В пятницу в 11.30 израильтяне начали наступление на Сирийском фронте в районе Кфар-Сольд. Они избрали для наступления одно из наиболее крутых и потому наименее укрепленных мест. Усиленная танками ударная пехотная группа, количественно превышавшая бригаду, начала штурм горных укреплений неподалеку от Эйн-Фите и Зауры, лежавших на уровне 1500 футов над долиной. Первыми должны были пройти бульдозеры, чтобы проложить путь танковым и моторизованным частям, следовавшим за ними. Бульдозеры, экипажи которых состояли из саперов, шли без какого-либо прикрытия. Продвигаясь зигзагами по крутым склонам, пролагая путь танкам и пехоте на транспортерах, они действовали под ураганным огнем сирийцев, обстреливавших колонну из своих танков, вкопанных в землю. Эти танки были почти неуязвимы, так как над землей возвышались только их пушки и башни. Израильтяне несли тяжелые потери. Командир батальона подполковник Мося Клейн, который вел свои войска в атаку, был убит. Его заместителя, принявшего на себя командование, вскоре постигла та же участь. Командование передавалось все ниже по рангу, по мере того как гибли другие заместители. Вкопанные сирийские танки были наконец выведены из строя израильскими пехотинцами, которые взбирались на них, открывали люки и бросали внутрь ручные гранаты. Из восьми бульдозеров, пролагавших дорогу, вернулись только пять. Но лишь некоторые водители вернулись вместе с ним. Затем пехотное соединение атаковало сирийские опорные пункты Тель-Азаят, Тель-Факр в Бурж-Бравиль. В Тель-Факре, самом укрепленном из них, разыгрались жестокие бои. Первая волна пехоты достигла позиций, огороженных колючей проволокой, некоторые солдаты второй волны прорвались через проволоку и минное поле, третья волна достигла траншей. После трехчасовой схватки, которая, по словам Элазара, велась главным образом "кулаками, ножами, зубами и прикладами", позиция была взята.

Тем временем сирийская артиллерия вместо того, чтобы направить огонь на дороги, по которым продвигались израильские солдаты, продолжала по своей многолетней привычке обстреливать поселения. Артиллерийский обстрел, по-видимому, был совершенно неэффективным, ибо в кибуцах имелись надежные подземные убежища для женщин и детей, а все мужчины были в окопах.

Когда война кончилась, генерал Элазар подвел итог результатам, достигнутым сирийской артиллерией за эти 4 дня непрерывного и интенсивного огня: "205 домов, 9 курятников, 2 тракторных парка, 3 клуба, 1 столовая, 6 амбаров, 30 тракторов и 15 автомашин были поражены снарядами; 175 акров садовых насаждений и 75 акров под зерновыми культурами были выжжены; потери в людях — 2 убитых и 16 раненых, преимущественно легко" При таких жалких результатах вполне понятно раздражение, которое сирийцы вызвали у своих русских инструкторов. Однажды, в разгар боя, израильтяне перехватили радиogramму по-русски: "Прекратите обстреливать селения, стреляйте по войскам". На другом этапе было перехвачено новое шифрованное сообщение: "Черные убегают". "Возможно, это относилось к овцам", —

заметил начальник израильской разведки генерал Ярив. Генерал Элазар также подтвердил факт перехвата радиосигналов на русском языке, в частности даже указаний по корректировке артиллерийского огня.

Когда началось наступление израильтян на главном направлении, Элазар предпринял также на южном направлении две вспомогательные атаки в районе Гонена и Ашмуры, чтобы держать сирийцев в неведении, откуда может последовать главный удар. Эти две одновременные атаки создали прорыв, по которому другая танковая группировка израильтян продвигалась в субботу утром от Гонена к Равийе, чтобы поддержать здесь наступление. К вечеру израильтяне имели уже два плацдарма на высотах.

Элазар говорил впоследствии:

"Мы не развивали свой успех в ту ночь, так как приходилось двигаться по отвесным и узким дорогам. Мы столкнулись со многими серьезными трудностями в этих операциях по подъему: трудностями в вождении танков и в доставке снабжения. Потребовалась ночь, чтобы мы могли перегруппировать свои силы и нанести утром свой второй удар".

При сильном прикрытии с воздуха израильтяне на следующий день приступили ко второму этапу наступления, взяв направление на Кунейтру. Вновь сформированная израильская танковая группа начала на рассвете продвигаться на Тель-Тамру, тем самым облегчив бригаде "Голани" овладеть Баниасом. Прежде чем свернуть на восток, чтобы принять участие в битве за населенный пункт Масаду, бригада "Голани" очистила весь северный район вдоль сирийско-ливанской границы от сил противника.

Тем временем главные силы, совершившие за день до этого прорыв, шли на Кунейтру. Танковая группа, которая прорвалась на участке вблизи Гонена, поспешно продвигалась по труднопроходимой гористой местности к Равийе. Израильским танкам пришлось преодолеть многочисленные гнезда противотанковых пушек, прежде чем повернуть на Кунейтру. Выполнив свое задание в районе Баниаса, бригада "Голани" также направилась на Кунейтру, чтобы выбить сирийцев из города.

В субботу в 13.00 Кунейтра была окружена и в 14.30 взята. По прошествии 27 часов с начала сражения на Сирийском фронте, по мнению израильтян, в боях не участвовали только две бригады противника — одна танковая и одна моторизованная, — которые были размещены в районе Кунейтры, а затем, после распада сирийской армии, отступили к Дамаску, чтобы защищать столицу.

Генерал Элазар сказал позднее:

"После взятия Кунейтры нам оставалось только внести несколько последних изменений на карту границ завоеванных территорий. Почти ничто не преграждало нам путь к Дамаску. Я думаю, что нам потребовалось бы 36 часов, чтобы войти в этот город".

По оценке Элазара, 1000 сирийцев было убито и 500-600 взято в плен. Израильтяне потеряли 115 человек убитыми и 306 ранеными. По израильским

оценкам, сирийцы потеряли треть из своих 300 танков, которыми они раньше располагали (40 танков попали неповрежденными в руки израильтян). Были выведены из строя свыше 50 процентов орудий восьми сирийских артиллерийских дивизионов. Оставшаяся половина артиллерийского парка была захвачена израильтянами.

Ранним субботним утром другое израильское соединение под командованием бригадного генерала Пеледа пересекло сирийскую границу, начав выступление из южной точки побережья Тивериадского озера. Оно состояло из пехотных частей, бравших высоты у Тавафика, танковых сил, которым удалось пробиться из долины Ярмука вверх, парашютистов, переброшенных на вертолетах в тыл сирийцам, чтобы перерезать их коммуникационные линии. Дополнительная бронетанковая группа, которая в то утро также вступила в Сирию, продвигалась через Дабусию, очистила этот район от войск противника и соединилась с силами Пеледа у Бутмие.

Парашютист, высказывания которого уже приводились, был в числе людей генерала Пеледа, переброшенных в Сирию на вертолетах. Он дает следующее описание событий:

"Полет занял 6 минут. Это была чудесная прогулка, не хватало только стюардессы. Мы пролетели над сирийским зенитным орудием с прислугой из четырех солдат. Они не сделали ни одного выстрела. Такое возможно только в арабской армии. Мы приземлились на пшеничное поле и прикончили их.

Мы овладели армейским лагерем около Фика. Все солдаты бежали оттуда, оставив одного часового у ворот, мы сняли его. По сравнению с иорданскими лагерями, где чувствовалось влияние прежней британской подготовки, сирийские лагеря были очень грязные. Еды не было: только шоколад и одеколон. Море одеколону. Даже танки были забиты шоколадом и одеколоном. У сирийцев отвратительные сигареты, много хуже иорданских. Но у них чудесные финики. Мы зашли в блиндаж, который, видимо, был занят двумя офицерами, ибо там лежали два матраца. От одного шло такое зловоние, что мы сожгли его. Это была очень трудная работа, ибо он не загорался и тлел долгое время, запах вызывал тошноту.

В Фике к нам примкнуло несколько морских командос. На море им нечего было делать и поэтому, желая сразиться с врагом, они оказались на суше.

Через полтора часа после приземления к нам на помощь прибыла танковая колонна. Командир танка крикнул нам: "Здесь одни ослы или есть также танки?" Танков не было.

В тот вечер мы слушали прогноз погоды по радио. Обычно приводятся данные по Тель-Авиву, Галилее и Негеву. Но в этой сводке говорилось также о температуре в Газе, на Западном берегу Иордана, в Кунейтре, в Синае и в Шарм а-Шейхе. Мы с ликованием встречали упоминание каждого нового места.

С того места на плато, где мы находились, открывался вид на озеро Кинерет и холмы на другом берегу. Едва стемнело, во всех кибуцах зажглись огни. Освещение было более ярким, чем когда-либо за последние 19 лет. За кибуцами виднелись гора Табор и город Цфат. В кибуце Тель-Кацир тут же под нами в долине устроили гулянье, продолжавшееся до 4 часов утра.

К субботнему вечеру у нас набралось много пленных. Мы усадили их на обочине дороги так, что они не могли следить за тем, что происходит на дороге. Они сидели на солнцепеке, но, к сожалению, мы не могли найти тенистого места, ибо такового не было.

В воскресенье меня назначили сопровождать колонну со снабжением, и мы направились к Бутмие. На Голанском плато чудесно. Пшеница созрела для жатвы, изредка попадались помидоры и перец. Наши парни очистили от сирийцев всю горную цепь и отрезали их с тыла. Вдоль дороги валялись горы трупов: вид не из приятных".

Официально Шестидневная война окончилась в субботу в 19.30 после прекращения огня, достигнутого в результате повторного призыва Совета Безопасности прекратить военные действия и согласия сирийцев и израильтян последовать этому призыву.

Благодаря подвигу своей армии, беспримерному в современной истории, израильтяне, окруженные врагом, превосходящим их по количеству и качеству вооружения и обладающим абсолютным численным перевесом, вели борьбу на трех фронтах и не только выжили, но и одержали блестящую победу.

Говоря словами парашютиста:

Израиль интересная страна — в ней никогда не соскучишься. Началась война, через 6 дней она окончилась, и весь мир перевернулся.

Глава одиннадцатая. Последствия войны

После прекращения огня потребовалось немного времени, чтобы весь мир осознал, что Израиль стал самой большой силой на Ближнем и Среднем Востоке. Израиль показал, что, вероятно, за исключением Турции, он обладает самой боеспособной армией в этом районе. Для страны с населением в два с половиной миллиона человек, противостоящей 40-миллионному населению арабских стран, активно участвовавших в войне, это был головокружительный успех. Ясно, что военное превосходство Израиля останется еще долгое время доминирующим фактором ближневосточной политики. Только открытая интервенция России или Соединенных Штатов — этих двух сверхдержав — может изменить такое соотношение сил.

Победа Израиля означает крупное поражение не только арабского мира, но и Советского Союза. В течение последних 20 лет Советский Союз вел политическую игру на Ближнем Востоке, неуклонно преследующую цель устранить военное, политическое и экономическое влияние Англии, Франции и Соединенных Штатов и заменить его своим собственным. По иронии судьбы эта политика толкнула Советский Союз одним из первых признать Государство Израиль. Начиная с 1955 года, Советский Союз, заключив с Насером сделку о военных поставках, начал гонку вооружений на Ближнем Востоке и сделал огромные капиталовложения преимущественно в военную промышленность многих стран этого района, в частности Алжира, Египта, Сирии, Ирака, Йемена и Сомали. Если принять во внимание израсходованное время и ресурсы и ущерб, нанесенный советским интересам, то израильская победа явилась гораздо более серьезным поражением для Советского Союза, чем кубинский кризис. В настоящее время весь Ближний Восток живет под знаком нерешенного главного вопроса: примирится ли Советский Союз с созданным положением, или, сочтя, что затронуты его жизненно важные интересы, попытается изменить ход событий, как за три года до этого Соединенные Штаты во Вьетнаме.

После сердечной встречи в Глассборо между Косыгиным и президентом Джонсоном стало очевидным, что Советский Союз не намерен оспаривать силой оружия результаты войны и не пойдет на столкновение с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке. Тем не менее в продолжение двух недель после окончания войны 500 тяжелых транспортных самолетов "Антонов" совершили рейсы из Советского Союза и стран Восточного блока в Каир. Возможно, это только цветочки.

Кампания была слишком кратковременной, чтобы внешние силы могли сыграть в ней важную роль, но если бросить ретроспективный взгляд на историю Израиля за 19 лет, станет ясно, что не только Израиль обладает большей военной мощью, чем соседние арабские страны, но что активность мирового еврейства в области пропаганды и финансов оказалась неизмеримо более эффективной, чем мероприятия арабского мира. Арабская военная мощь оказалась фикцией. "Священная война" привела к адскому хаосу. Израильский министр иностранных дел Аба Эвен в своем заявлении 7 июля обратил

внимание на эту неразбериху. На пути из Нью-Йорка в Тель-Авив он сказал в Лондоне, что это была первая в истории война, когда "на другое утро после ее окончания победители предлагали мир, а побежденные требовали безоговорочной капитуляции победителей".

Прекращение огня застало Израиль хозяином таких территорий противника, как полоса Газы, Шарм а-Шейх и весь Синайский полуостров до Суэцкого канала. Старый Город Иерусалима, который без промедления был воссоединен с новым Иерусалимом, Западный берег и наконец Голанские высоты, господствующие над северным Израилем. Помимо Иерусалима и некоторых мест Святой Земли, которые имеют большое религиозное и историческое значение для еврейского народа, завоеванные территории представляют для Израиля главным образом стратегический интерес. Города Калькилия и Туль Карм и другие пункты на Западном берегу использовались иорданцами как базы для обстрела Тель-Авива и находящегося к северу от него приморского города Нетании, а также международного аэропорта Лод и некоторых израильских авиабаз. Иорданский анклав Латрун, вклинившийся на юго-западе в Израиль, и возвышенность, благодаря которой Иордания господствовала над дорогой из Тель-Авива в Иерусалим, ставили под угрозу доступ в израильскую часть Святого Города. И, что важнее всего, в результате концентрации крупных сил противника на Западном берегу над Израилем висела опасность быть перерезанным на две части в месте, где его территория не превышает 10 миль в ширину.

Овладев Голанскими высотами, возвышающимися над Галилеей, израильтяне устранили опасность обстрела сирийскими снайперами и артиллерией, которая годами висела над фермерами, работавшими в долине. Кроме того, сейчас израильтяне в состоянии предотвратить любые попытки сирийцев отвести истоки Иордана или Ярмука.

Но, быть может, для безопасности Израиля Синайский полуостров важнее Голанских высот на севере или некоторых районов Западного берега. В наш век реактивной авиации и внезапных нападений минуты играют решающую роль, как доказали сами израильтяне. Египетской авиации, имевшей в Синае базу в Эль-Арише, требовалось 7 минут, чтобы долететь до Тель-Авива. Теперь же с египетских баз на Западном берегу канала требуется для этого 20 минут. Этот фактор имеет большое значение для израильтян, если они решат отдать этот бесполезный на первый взгляд кусок пустыни. Кстати, он не такой уж и бесполезный. Значительное количество нефти, которую дают скважины в районе Суэцкого залива, и небольшое его количество, добываемое в самом Израиле, удовлетворяют потребности страны в горючем. Удерживая Шарм а-Шейх, Израиль может обеспечить свободу судоходства в районе Эйлата. Наученный горьким опытом, когда войска ООН были выведены по первому требованию Насера, которому было угодно усомниться в праве Израиля на свободную навигацию, Израиль не возлагает уже больших надежд на Объединенные Нации.

Израиль, возможно, готов отдать практически все свои территориальные приобретения в обмен на истинный мир с надежными гарантиями. Но до наступления такого мира Израиль, бесспорно, считает территории более

верной гарантией своей безопасности, чем документ, подписанный под давлением обстоятельств, который может быть разорван и растоптан в любой момент.

Так как ни одно арабское государство не проявило после войны большей готовности признать Государство Израиль, чем до войны, стало ясно, что окончательное урегулирование — дело далекого будущего. Очевидно Израиль мечтает вести переговоры с каждым из своих соседей в отдельности. Насер же стремится к тому, чтобы сохранить хотя бы видимость арабского единства. Но после войны, спровоцированной им и обернувшейся для Египта катастрофой, одной видимости недостаточно. Глубокие противоречия, разделяющие арабские страны — в особенности те из них, у кого есть нефть, и те, у кого ее нет, — проявились также во время войны и постоянно нарастают.

В серии из трех интересных статей, опубликованных в газете "Обсервер" после войны, Колин Легам писал:

Израиль еще не вышел из шокового состояния, — заявил один из ведущих военных и политических деятелей страны, объясняя причины возникновения нынешнего климата после чуда, совершенного израильским оружием в Шестидневной войне.

Единственная аналогия, которая приходит на ум, — добавил он, — это если бы Англия через три дня после Дюнкерка овладела Берлином. Слишком ошеломителен был переход от состояния острой опасности к беспримерной победе, чтобы можно было освоиться с ситуацией. Требуется время, чтобы к этому привыкнуть.

27 июня Кнесет принял закон о присоединении Старого Города и на другой день — о воссоединении Старого и Нового Иерусалима. Если по остальным вопросам Израиль готов вести переговоры, то Иерусалим не является предметом торга. Освобождение Иерусалима из-под власти ислама было давнейшей мечтой и христиан, и евреев. По иронии судьбы христиане, которые совершали крестовые походы и под водительством генерала Алленби освободили Иерусалим в 1918 году, не сыграли, вопреки всем арабским измышлениям, никакой роли в изгнании арабов. Разумеется, с точки зрения христиан Иерусалим продолжает оставаться в руках неверных. Правда, евреи и христиане жили в Иерусалиме до потомков Пророка. Поэтому исторические права на владение Священным Городом должны принадлежать наследникам иудаизма и христианства. Но до 1967 года, за исключением периода с 1099 по 1187 год, когда город был в руках крестоносцев, Иерусалим в продолжение большей части двенадцати веков оставался под властью последователей ислама. И если туристы и паломники выиграли от объединения Иерусалима, так как оно привело к устранению такой нелепости, как необходимость нелегально переходить границу в районе ворот Мандельбаума, чтобы попасть из одной части города в другую, то для мусульманского мира это объединение, бесспорно, означало большую потерю. Иерусалим — третий святой город мусульман. Он уступает в святости только Мекке и Медине, так как, по преданию, мечеть Омара была построена на том месте, откуда Мухаммед вознесся на небо. Но если в прежние исторические эпохи борьба за обладание городом мотивировалась главным образом религиозными соображениями, то в

1967 году она явилась в гораздо большей степени столкновением национальных движений, чем религий.

* * *

В пятницу 9 июня, когда Сирия еще продолжала воевать, мир с удивлением узнал, что Насер произнес речь, в которой сообщил о своем уходе в отставку со всех постов. В этой речи, транслировавшейся по радио и телевидению, Насер заявил:

Братья, мы привыкли во времена побед и во времена бедствий, в сладкие часы и в горькие часы говорить с откровенностью и не утаивать правды друг от друга... Мы не можем скрыть от себя тот факт, что мы потерпели в последние дни серьезную неудачу... Я искренне говорю, что готов принять на себя всю полноту ответственности. Я принял решение и рассчитываю, что вы поддержите меня. Я решил уйти со всех своих официальных постов, чтобы оставить политическую деятельность вернуться к частной жизни и исполнять свой долг как рядовой гражданин.

Уже в среду, на третий день войны, "Ивнинг стандарт" напечатал статью специалиста по Ближнему Востоку Джона Кимхе о том, что Насер, по-видимому стоит перед серьезными внутривнутриполитическими трудностями. По мнению Кимхе, между Насером и египетским командованием создались натянутые отношения. Сообщая, что командующий Синайской армией генерал Мортаджи принял на себя командование всеми вооруженными силами Египта, Кимхе писал, что в Каире по-видимому, осуществлен предыдущей ночью военный переворот крупного масштаба. На другой день он сделал интересный прогноз о возможном преемнике Насера:

Наиболее приемлемым решением правительственного кризиса, которое в настоящее время пользовалось бы наибольшей поддержкой среди деятелей режима, является создание национального гражданского правительства, в котором вооруженные силы действительно могли бы контролировать военную и внешнюю политику.

В качестве главы этого правительства чаще всего называют имя бывшего премьер-министра, начальника тайной полиции Захарии Мохиэддина.

Кимхе оказался прав: Насер в конце своей речи объявил о назначении Мохиэддина своим преемником.

В среду вечером Майлс Копленд изложил свою точку зрения в радиотелевизионной программе "24 часа". Полагая, что Насер еще сохраняет сильные позиции, он заметил:

Уже некоторое время ведутся разговоры о занятии Насером какого-либо высокого поста, например, поста главы Арабского социалистического союза, и я думаю, что в настоящее время такой исход вероятен.

Копленд с теплотой отозвался о Мохиэддине:

Захария — человек, который вполне приемлем как для американцев, так и для русских. Мы, американцы, очень любим его... Он хорошо разбирается в египетских делах и, судя по всему, это единственный человек, с которым наше правительство, британское правительство, западные державы и русские могли бы разговаривать о том, что следует предпринять.

Однако события развернулись не совсем так, как предсказывал Копленд: поступило сообщение, что Насер под давлением масс намерен к следующему дню пересмотреть свое решение. В субботу он объявил, что остается президентом. В конце недели слухи, что он был пленником армии, были опровергнуты. В воскресенье он "принял отставку" командующего войсками в Синае генерала Мортаджи, начальника штаба военно-воздушных сил Мухаммеда Махмуда и командующего военно-морским флотом Солимана Иззата.

Насер остался верховным главнокомандующим всеми египетскими вооруженными силами, хотя для генерала Фавзи был создан новый пост главнокомандующего. Предполагаемый преемник Насера Мохиэддин, а также бывший секретарь Арабского социалистического союза Али Сабри были введены в кабинет в качестве заместителей премьер-министра.

Когда Насер "вернулся" к власти, египтяне почти ничего не знали о масштабе поражения. На пресс-конференции, состоявшейся 11 июня в Тель-Авиве, генерал Гавиш объявил, что египтяне потеряли от 7 до 10 тысяч человек убитыми и много тысяч ранеными. Израильцы захватили или уничтожили свыше 700 танков. В Синае оставшиеся в живых египтяне пытались идти обратно пешком, без еды, воды и укрытия от палящего солнца. Прошло более четырех дней, прежде чем египтяне решили возобновить подачу пресной воды по трубопроводу, идущему из Египта через канал в Синай. Израильцы и представители Международного Красного Креста прочесывали пустыню в поисках оставшихся в живых. Когда уцелевшие солдаты вернулись, малая доля правды дошла до народа. Чтобы предотвратить распространение упадочнических настроений среди гражданского населения, власти не пустили многих из них домой, а загнали в барачные лагеря. Многие, пытавшихся добраться вплавь через канал, убили свои же египетские солдаты.

Не успела пройти неделя войны, как Каир стал рассадником самых фантастических слухов. В частности, говорили, будто армия или то, что осталось от нее, разочарованная и распаленная яростью из-за того, что авиация не обеспечила ей прикрытия с воздуха, спешно готовила переворот.

Согласно другой версии, переворот был уже произведен, и Насер под дулом пистолета был вынужден подать в отставку, но, по слухам, увидев реакцию толпы, мятежники испугались и решили оставить Насера у власти в качестве марионетки. Согласно третьему слуху, Насер покинул страну. В подтверждение достоверности последней версии указывали на то, что со времени своей речи об отставке, транслировавшейся по телевидению, Насер не появляется на людях. Эти слухи циркулировали главным образом среди образованных слоев населения, которые первыми осознали плачевную ситуацию.

В восстановлении своего военного потенциала Насер полностью зависел от советской помощи. 25 июня, после визита президента Подгорного, международный Каирский аэропорт был для коммерческих рейсов закрыт на один час. Русские начали свои поставки по воздушному мосту. Еще не ясно, в каком объеме будут возмещены египетские потери. Но даже если будет

возмещено все, потребуется продолжительное время, чтобы создать боеспособную египетскую армию и авиацию.

* * *

29 июня Давид Бен-Гурион, старейший израильский государственный деятель и человек, который в 1956 году провел Суэцкую кампанию, дал интервью младшему автору этой книги. Это интервью транслировалось 12 июля в радиопрограмме Би-би-си "Мир в первом часу".

Бен-Гурион заявил, что в соответствии с международным правом не только Тиранские проливы, но и Суэцкий канал должен быть открыт для израильских судов. Он сказал также, что Иерусалим должен остаться еврейским городом. Что касается остальных территорий, то, по его мнению, Израиль мог бы отказаться от них, если бы это способствовало установлению мира. Он считает, однако, что Хеврон также должен отойти к Израилю, ибо он "более еврейский, чем даже Иерусалим". Иерусалим стал еврейским городом три тысячи лет назад, при царе Давиде, а Хеврон — четыре тысячи лет назад, при Аврааме. Кроме того, к Хеврону примыкал ряд еврейских поселений, которые были разрушены за два дня до провозглашения Государства Израиль. На остальной территории Западного берега арабы должны получить автономию и сохранить, в рамках своей связи с Израилем, свой национальный образ жизни. В конце беседы Бен-Гуриону был задан вопрос: "Считаете ли вы великую победу, одержанную Израилем, поворотным пунктом в вашей истории?". Он ответил: "В известном смысле — да, но если бы у меня был выбор, я предпочел бы вернуться к прежнему положению. Прошлого не вернешь, но если бы можно было предотвратить войну, я предпочел бы остаться в прежних границах и без завоеваний, ибо мы заплатили дорогую цену: погиб цвет нашей молодежи, около 700 человек... Я предпочитаю мир любой войне, даже победоносной, слишком высока цена". Бен-Гурион подчеркнул, что имеются два предварительных условия, на которых Израиль может вернуть любую захваченную территорию. Во-первых, арабы должны признать Государство Израиль и, во-вторых, должен быть подписан настоящий мирный договор.

Трудно сказать, в какой мере эти идеи разделяются другими израильскими политическими деятелями. Вероятно, что большинство из них во всем согласно с Бен-Гурионом.

Кроме присоединения Иерусалима, израильское правительство не сделало каких-либо конкретных исправлений границ и не выдвинуло какого-либо плана мирного урегулирования. Бесспорно, что израильцы не вернутся к границам перемирия 1948 года и останутся на линии прекращения огня до тех пор, пока не будет достигнуто удовлетворительного соглашения. Главное требование Израиля было выражено Абой Эвеном в частной беседе, состоявшейся через несколько дней после окончания войны:

Мы должны заключить мир, основываясь не на территориальных претензиях, а на требованиях нашей обороны.

Игал Алон — также в частной беседе — высказался более подробно. По его мнению, было бы разумно демилитаризовать Синайский полуостров,

удержать полосу Газы, Западный берег, Иерусалим и Голанские высоты. Границы Израиля должны совпадать по крайней мере с границами бывшего Палестинского мандата, ибо Газа никогда не входила в состав Египта, а Западный берег — в состав Трансиордании.

В своих публичных выступлениях израильские политики придерживались различных мнений о том, какой аспект проблемы наиболее важен. Эшкол и Эвен не выходили за рамки провозглашения общих принципов. Генерал Даян изложил свои взгляды в интервью, которое было записано на пленку 9 июня, т.е. до окончания боев в Сирии, и два дня спустя транслировалось в США. Даян сформулировал следующие предложения:

1. Ни полоса Газы, ни Западный берег не будут возвращены.
2. Израиль сохранит за собой Иерусалим и обеспечит свободу всех вероисповеданий.
3. Израильские войска останутся в Шарм а-Шейхе, пока не будут получены надежные гарантии свободы судоходства в районе Эйлата.
4. Должен быть обеспечен проход израильских судов через Суэцкий канал.
5. Все спорные вопросы, существующие меж, Израилем и арабами, должны быть решены в прямых переговорах между сторонами.

Однако Леви Эшкол в своем интервью корреспонденту "Санди таймс", опубликованном 11 июня, ограничился следующим заявлением:

Угроза уничтожения, которая висела над Израилем с момента его образования и была близка к осуществлению, устранена. Никогда больше мы не допустим возобновления этой угрозы.

Откровенность Даяна иногда приводила в замешательство правительство. После посещения Газы 5 июля, Даян заявил: "Полоса Газы должна стать составной частью Израиля". На другой день представитель израильского правительства категорически опроверг сообщение, что Даян говорил "о присоединении Газы или какой-либо другой территории или сделал намек, который мог быть истолкован как намерение такого рода".

Вновь углубилась пропасть, разделявшая Эшкола и Даяна, и распространились слухи, что Даян будет вынужден выйти из правительства. Эшкол намекнул, что в недалеком будущем он совместит пост премьер-министра с постом министра обороны. 8 июля он зашел так далеко, что даже поставил под сомнение роль, которую Даян сыграл в войне:

Правительство могло остаться в прежнем составе, но некоторые министры, охваченные паникой, потребовали введения в кабинет Даяна, чтобы поднять дух народа перед началом войны.

На политической арене Израиля происходили, как всегда, бурные столкновения. Даян и партия Рафи пытались использовать свою репутацию людей действия, добившихся победы. Другие партии, представленные в правительстве, боролись за сохранение своего влияния на предстоящих выборах в Кнесет, хотя до них оставалось еще более двух лет.

Эшкол и Эвен обратились к арабским странам с призывом начать переговоры об урегулировании конфликта. Но этот призыв не встретил благоприятного отклика. Выступая 19 июня в Объединенных Нациях, Аба

Эвен подчеркнул, что Израиль готов оказать большую помощь арабским странам. Он предложил им сотрудничество в развитии сельского хозяйства, промышленности и транспорта. Гонка вооружений должна быть прекращена, и великие державы должны "изъять наш многострадальный район из сферы своего глобального соперничества".

Израиль уже завязал прямые отношения с миллионом арабов, жителей завоеванных территорий. С самого начала израильское правительство запланировало осуществление радикальных мероприятий с целью решения проблемы беженцев, сосредоточенных в лагерях на прежних границах Израиля. На Западном берегу обосновались со времен войны 1948 года 300 тысяч беженцев и 315 тысяч беженцев прозябали в нищете в районе полосы Газы. Имелись веские причины для того, чтобы в первую очередь приступить к решению проблемы беженцев. Начиная с 1948 года, арабские страны пытались использовать беженцев в качестве политического оружия в борьбе с Израилем, чтобы не дать миру забыть об арабских притязаниях на Палестину. Они направляли все свои усилия не на решение этой проблемы, но на сохранение очага ненависти и террора на израильских границах. Решив проблему беженцев, израильское правительство нанесло бы политическое поражение враждебным арабским странам, продемонстрировало бы свою благожелательность к арабскому народу и оправдало бы в глазах мира удержание завоеванных территорий в условиях отсутствия мирного договора.

Существовала разница в положении жителей Газы и Западного берега. Все египетские правительства относились к беженцам в Газе, почти как к узникам концентрационных лагерей, тогда как Иордания, население которой не превышало 1/10 населения Египта, в какой-то мере пыталась помочь несчастным жертвам войны обжиться на новых местах и включиться в экономическую жизнь страны. Беженцы в Газе не могли поддерживать контакт с Египтом и не имели даже той ограниченной свободы, которой пользовались граждане этой страны. Въезд в Каир был разрешен только по пропускам, а пропуск было трудно получить. Этим 315 тысячам всячески препятствовали в поисках работы или в стремлении покинуть пределы страны. Их поддерживал специальный фонд ООН, т.е. фактически Соединенные Штаты, которые являются самым крупным жертвователем в фонды ООН. В отличие от беженцев в Иордании, в Газе было запрещено беженцам эмигрировать в другие страны, хотя в некоторых из них, например, в Ираке, имелся спрос на рабочую силу. Чтобы превратить беженцев в орудие чужой воли, их низвели до положения политически бесправной группы.

На Западном берегу беженцы жили в лучших условиях. Поскольку Иордания разрешала им эмигрировать, 100 тысяч из них покинули лагерь в поисках работы в странах Персидского залива и, чаще всего, в Саудовской Аравии. Ежегодно они посылали свои денежные сбережения родственникам. Генерал Герцог, который после войны был отозван из запаса и назначен губернатором Западного берега, отзывался о лагерях беженцев в этом районе, как о "более или менее обычных арабских деревнях с каменными или цементными постройками, дорогами, школами и центрами профессионального обучения".

100 тысяч арабов, бежавших в результате войны через Иордан на восток, распространяли слухи о зверствах, совершаемых израильскими захватчиками. Но Колин Легам писал 9 июля в газете "Обсервер":

Несмотря на единичные случаи грабежа — грабили как арабы, так и евреи, — немногие оккупационные армии мира так хорошо вели себя и проявляли такое дружелюбие, как израильская армия. Эту оценку я слышал из уст всех мэров арабских городов Западного берега, с которыми я беседовал.

Бегство арабов объясняется их желанием оказаться подальше от опасностей войны и страхом перед свирепой оккупацией, как им внушали пропагандисты Аммана и Каира. В ряде случаев бежали, чтобы не лишиться пособий, выдаваемых Иорданией и другими арабскими государствами.

2 июля израильский кабинет объявил, что беженцам, которые перешли в Иорданию, будет разрешено вернуться. Некоторое разочарование вызвало израильское условие, что они должны будут сначала зарегистрироваться и подать ходатайство, в связи с чем дата откладывалась до 10 августа. Это заявление сделало безосновательным утверждение, будто Израиль содействовал бегству арабов и намеревался заселить Западный берег евреями.

Стремясь улучшить положение в лагерях, израильское правительство разрешило тем из 315 тысяч жителей полосы Газы, кто этого желал, переселиться на Западный берег, где у многих из них имелись родственники. Предложение Давида Бен-Гуриона о создании автономного арабского государства под израильским протекторатом на территории Западного берега получило поддержку в качестве другой альтернативы решения проблемы. Иорданские власти были весьма обеспокоены слухами о том, что израильские официальные лица приглашают арабов, бежавших с Западного берега, посетить родные места, чтобы представить им в соблазнительном свете, какого процветания достигла страна при израильтянах.

Впервые за всю свою историю Израилю представился случай практически решить проблему беженцев. Если он сможет способствовать дальнейшему расколу в арабском мире, окружив себя дружественными арабскими государствами под своим протекторатом, он, несомненно, сделает это. Но это было бы сопряжено с огромными начальными расходами. Хотя специальный фонд ООН продолжает поддерживать беженцев, по подсчетам израильских правительственных экспертов, поддержание уровня жизни, который сложился на Западном берегу, обходилось бы Израилю ежемесячно в 2 миллиона фунтов стерлингов. Но уже через несколько лет Западный берег, применяя орошение, механизацию и израильскую техническую помощь, мог бы добиться экономической самостоятельности.

* * *

Арабскому миру в результате войны удалось достигнуть временного единства по двум вопросам. Во-первых, были прекращены поставки нефти в Великобританию и Соединенные Штаты и, во-вторых, было принято категорическое решение не вступать ни в какие переговоры с Израилем. Надежды на урегулирование постепенно увяли.

Как известно, Великобритания стала менее зависимой от поставок нефти через Суэцкий канал, чем в 1956 году. 12 июля "Таймс" впервые привел точные сведения о помехах, чинимых египтянами судоходству по каналу. Два египетских судна для перевоза паломников блокировали канал около Порт-Саида, т.е. его северный вход, два плавучих дока с грузом цемента — между Исмаилией и Большим Горьким озером, а небольшой танкер — южный вход. Для расчистки канала с помощью специальных судов, которые имелись в Порт-Саиде и Исмаилии, египтянам потребовалось бы — будь на то воля Насера — не более 48 часов. Несомненно, что суда, кроме самых крупных, могут и сейчас проходить через канал, если бы не запрет Насера. Важность канала для Великобритании иллюстрируется тем обстоятельством, что не менее 20 процентов английского импорта и экспорта проходит через канал. Все же этот путь не был главным для поставок нефти в Англию, ибо только 25 процентов ее шло через канал. Но блокада канала оказывает косвенное влияние на британские поставки. Во всем мире ощущается нехватка танкеров. снабжение Европы теперь идет через Кейптаун, что означает удлинение пути с 6270 миль до 10710 миль. В результате возник огромный спрос на танкерные емкости при одновременном повышении расходов на фрахт. Это вредно отражается на платежном балансе и ведет к сокращению поставок в Европу. Помимо подорожания нефти, Великобритания столкнулась также с проблемой изыскания новых источников нефтеснабжения, ибо уже на второй день войны арабские страны прекратили продажу нефти Англии и Соединенным Штатам в качестве репрессии за мнимое участие в войне англо-американской авиации. Арабские страны, которые номинально сотрудничали в проведении этой политики, могли лишить Англию 67 процентов импортируемой ею нефти. Кувейт, Саудовская Аравия, Ливия, Ирак, Алжир, Абу Даби и Катар строго придерживались решений о блокаде.

Но бойкот был обоюдоострым оружием. Если Англии трудно было найти другие источники снабжения нефтью, то для арабов не легче было найти другие рынки сбыта. Саудовская Аравия, которая поставляет 20 процентов всей нефти, импортируемой Англией, объявила о бойкоте Англии и США 6 июня и возобновила поставки уже 14 июня. Радио Мекки объяснило, что бойкот утратил свою правовую основу, когда выяснилось, что английские и американские самолеты не участвовали в войне на стороне Израиля. Но антизападные настроения среди арабов продолжали быть очень сильными. Если бы Саудовская Аравия попыталась возобновить поставки нефти во время войны, то это вызвало бы контрмеры пронасеровски настроенных рабочих-нефтяников.

Великобритания пострадала также в результате нигерийских событий, совпавших по времени с Шестидневной войной: пытаясь задушить мятежное государство Биафру, нигерийское правительство блокировало нефтеналивной порт в Бонни. Но английское правительство не утратило оптимизма. Оно возлагало надежды на три фактора: на наличие в стране больших запасов нефти, на существование неарабских источников снабжения горючим и на перспективу ослабления арабского бойкота. Несмотря на это, 4 июля палатой общин был одобрен законопроект о введении в случае необходимости

рационирования горючего и об осуществлении государственного контроля за его расходованием. Стремясь прийти на помощь странам Европы, Соединенные Штаты начали поставлять им нефть из своих запасов. Но французское правительство кооперировало с арабами, заверив их, что не будет перепродавать закупаемую у них нефть Англии и Соединенным Штатам. Некоторые комментаторы предсказывали, что если Великобритания будет посажена на нефтяной рацион, Франция воспользуется любой национализацией британских или американских компаний, чтобы проникнуть в арабскую нефтедобывающую промышленность. Но до настоящего времени арабы не сделали такой попытки, и имеются признаки того, что поставки нефти вскоре возобновятся, по крайней мере из некоторых арабских стран.

* * *

Египет не ограничился давлением на Англию и Соединенные Штаты. Он пытался также создать плацдарм на восточном берегу Суэцкого канала в Синае, чтобы не допустить превращения канала в постоянную линию прекращения огня. Президент Алжира Бумедьен и президент Насер осуществляли тесные контакты с Москвой. Бумедьен, правительство которого упорно отказывалось признать прекращение огня, вел 12 июня переговоры с Косыгиным в Москве. 20 июня начальник советского генерального штаба прибыл во главе многочисленной военной делегации в Каир для обсуждения перевооружения египетской армии. Пока Косыгин был в Соединенных Штатах, Подгорный провел три дня (21-24 июня) в Каире.

После посещения Подгорным Белграда на пути в Каир югославская газета "Борба" сообщила, что русские займут весьма реалистическую позицию: они пришли к выводу, что нет шансов ликвидировать последствия израильской победы до тех пор, пока арабы не согласятся на переговоры, не признают факта существования Израиля и не сделают ему ряда уступок в вопросе его прав на прохождение судов. Сдержанный тон коммюнике, обнародованного при отъезде Подгорного из Каира, казалось, подтверждал справедливость этого мнения. Кроме того, египтяне начали прощупывать почву для возобновления американской помощи. За ночь до встречи в верхах в Глассборо египетский министр иностранных дел Махмуд Фавзи попросил Дина Раска о тайной встрече в гостинице "Уолдорф Астория", о чем впоследствии сообщила газета "Аль-Ахрам".

Король Иордании Хусейн предпринял турне по европейским столицам, пытаясь изменить судьбу своей страны. После выступления в Организации Объединенных Наций 26 июня, в котором он призвал к выводу израильских войск, он посетил президента Джонсона, Гарольда Вильсона, генерала де Голля и папу Павла VI. 20 июля он прибыл в Каир, где Насер приветствовал его еще одним, быть может, столь же зловещим поцелуем.

В продолжение следующей недели главы пяти арабских государств совещались в Каире. словно желая продемонстрировать под занавес свою силу, с недельным визитом в Александрию и Порт-Саид прибыла флотилия из 13 русских кораблей, в числе которых были ракетноносцы. Ее командир адмирал Молодцов заявил, что его корабли готовы "отразить любую

агрессию", Целью каирских переговоров между арабскими лидерами был созыв всеарабской конференции в верхах в полном составе и подготовка ее повестки дня. Именно на этом настаивал с самого начала король Хусейн. Но кроме иорданского короля Хусейна и президента Судана Эль-Азхари, остальные участники конференции принадлежали к просоветскому и экстремистскому лагерю арабских стран. Состоялись два тура переговоров. Насер, алжирский президент Бумедьен и Хусейн приняли участие только в первом. Когда в конце недели в Каир прибыли президент Ирака Ареф и президент Сирии Атасси, король Хусейн, смущенный таким скоплением экстремистов, улетел на своей "Каравелле" в Амман. Решение о созыве конференции всех арабских стран не было принято. Как писал 17 июля в "Гардиан" Гарольд Джексон, Хусейн был обескуражен результатами каирских переговоров:

Проведенные предварительные переговоры не только не удовлетворили его, но должны были возбудить в нем подозрение в том, что революционеры Египта, Сирии, Ирака и Алжира злоумышляют за его спиной.

Из всех непосредственных соседей Израиля Иордания больше всех была заинтересована в мире. Дед Хусейна король Абдалла был убит по подозрению в сговоре с евреями. Теперь же Хусейн, повелитель разоренной страны, оставшаяся территория которой была временно оккупирована 15-тысячной иракской армией, в чьей дружественности он сомневался, оказался единственным реалистом среди побежденных. Дух египетской политики был лучше всего сформулирован газетой "Аль-Ахрам": "Битва продолжается, победа будет за нами". По завершении каирской встречи арабские лидеры пришли к соглашению в единственном пункте: "Никогда не вести переговоров с Израилем". 15 июля, когда в Аммане был сформирован новый кабинет, между Иорданией и Израилем, впервые после соглашения о прекращении огня, начались столкновения.

В то время как Хусейн нащупывал путь к урегулированию, Египет развернул пропагандистскую войну против Израиля, и на Суэцком канале, по которому проходила линия прекращения огня, произошел ряд инцидентов. Первое крупное столкновение имело место 1 июля, когда рота египетской пехоты пересекла в полдень канал в 10 милях южнее Порт-Саида. По мнению израильтян, египтяне решили прибегнуть к политике "свершившихся фактов". Вторая атака началась в 7 часов вечера минометным огнем египтян по израильским войскам в районе Кантары. Бой продолжался и на другой день, но египетские попытки форсировать канал оказались безуспешными. Неделью спустя, 8 июля, произошел воздушный бой, первый со времени прекращения огня. Четыре египетских МИГа вступили в бой с двумя израильскими "Миражами" около Кантары, и один египетский самолет был сбит. Израильская авиация была также введена в действие, чтобы подавить египетскую артиллерию в нескольких пунктах в районе Порт-Саида, у северного входа в канал. Артиллерийская дуэль через канал и небольшой морской бой неподалеку от Синайского побережья имели место 12 июля. В первом случае восемь израильских солдат были ранены. В результате морского боя эсминец "Эйлат" и торпедный катер потопили два египетских торпедных

катера в 15 милях севернее синайского побережья, прямо под носом у русского флота. Воображение не изменило египтянам: они утверждали, что 14 июля сбили четыре израильских самолета над Суэцом и пятый над Порт-Тауфиком. Израильцы же заявили, что все их самолеты вернулись на базы.

В течение суток бои распространились на другие участки канала. Появилась новая причина конфликта: судоходство. Когда наблюдатели ООН готовились занять свои позиции, генерал Даян информировал генерала Олда Вулля об израильской точке зрения. Линия прекращения огня, по мнению израильтян, проходила по середине канала. Даян настаивал на праве каждой стороны плавать в своих водах. 15 июля египетские танки и артиллерия открыли огонь из района Кабрита на Горьком озере и Эль-Фирдана, находящегося между Кантарой и Исмаилией. Израильская авиация подвергла бомбардировке египетские батареи в обоих пунктах. Один израильский самолет был сбит зенитным огнем, но пилот благополучно приземлился на парашюте на территории Синая. Израильцы потеряли 7 человек убитыми и 22 были ранены.

* * *

17 июня Косыгин прибыл в Соединенные Штаты на сессию Генеральной Ассамблеи Объединенных Наций. На пути в США и обратно он останавливался в Париже, чтобы встретиться с генералом де Голлем. Однако в обоих случаях он не считал нужным побывать в Лондоне у Джорджа Брауна. На сессии Косыгин пытался провести резолюцию, в которой, помимо осуждения Израиля и требования вывести войска, содержался призыв к Совету Безопасности "принять безотлагательные эффективные меры по ликвидации всех последствий израильской агрессии". Это было то, чего Россия пыталась, хотя и безуспешно, достигнуть в Совете Безопасности во время войны. Косыгин заявил, что действия израильских захватчиков на оккупированных ими территориях напоминают ужасные преступления гитлеровской Германии. Когда после его выступления слово взял Эвен, чтобы опровергнуть советские обвинения, Косыгин и Громыко покинули зал заседания. Но эта советская резолюция, подобно всем другим предложениям об урегулировании, представленным на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, была отвергнута.

Более серьезную работу Косыгин совершил во время своих двух бесед с глазу на глаз с президентом Джонсоном 23 и 25 июля. Встреча в верхах в небольшом городке Глассборо на полпути между Вашингтоном и Нью-Йорком, возможно, явилась следствием русского бряцания оружием на Генеральной Ассамблее. Но более вероятно, что появление Косыгина в Объединенных Нациях должно было дать ему шанс для встречи с Джонсоном и послужить оправданием для этой встречи. Хотя это делало его уязвимым для критики не только со стороны Кубы и Китая, но и со стороны арабов, он и его помощники сочли такой риск оправданным.

Со своей стороны, Джонсон был явно неприятно поражен, узнав о прибытии Косыгина. Полагают, что он решился встретиться с Косыгиным после долгих колебаний. Он согласился на переговоры из желания оправдать ожидания населения. Сославшись несколько раз на свое первое послание к

американской нации в 1964 году, когда он провозгласил политику разрядки международной напряженности в духе Кеннеди, Джонсон заявил: "Я надеюсь, что новые советские лидеры могут посетить Америку, чтобы из первых рук получить информацию о нашей стране".

Первая встреча между Косыгиным и Джонсоном, несомненно, явилась более значительным успехом, по крайней мере в личном плане, чем смели надеяться большинство американцев, в том числе ответственные лица в Белом доме. Все вздохнули с облегчением, когда, после недели дипломатического торга о времени и месте встречи, два деятеля согласовали детали. Их решение возобновить переговоры в воскресенье также вселяло надежды.

Но это радостное настроение, порожденное "встречей дедушек", на которой оба деятеля без труда сошлись на обоюдном желании, чтобы их внуки жили в условиях мира, вскоре сменилось настороженностью. В пятницу, сразу же после беседы с Косыгиным, длившейся 5 с половиной часов, Джонсон вылетел на банкет демократической партии, где сделал следующее заявление: "Мы не пришли к новому соглашению, этого нельзя достичь в результате одной беседы, но мне кажется, что мы достигли лучшего взаимопонимания". В ходе своих бесед, из которых три часа были проведены ими с глазу на глаз, не считая переводчиков, они затронули такие проблемы, как Вьетнам, договор о нераспространении ядерного оружия, а также ближневосточный конфликт. По-видимому, наибольшего прогресса достигли они в вопросе принятия соглашения об ограничении распространения ядерного оружия. Этот пункт, очевидно, вызвал наименьшие разногласия.

Одновременно в соседней комнате совещались Раек, Громыко, Макнамара и Макджордж Банди. Проблема угрозы баллистических ракет нависла над ними со всей своей неумолимостью. Макнамара стремился избежать огромных расходов, которые достигли бы за 10 лет 14 миллиардов фунтов стерлингов, необходимых для создания в США системы противоракетной обороны. Уже давно было известно о создании такой системы русскими.

Ничто не давало основания предположить, что Косыгин и Джонсон смогут сделать что-то большее, чем изложить свои позиции по Вьетнаму и Ближнему Востоку. Едва ли можно считать прогрессом в их переговорах тот согласованный вывод, к которому они пришли и который сводился, по словам представителя Белого дома Джорджа Кристиана, к признанию "права Израиля на национальное существование". Москва этого права никогда не оспаривала.

В Глассборо Косыгин принял приглашение посетить ЭКСПО-67 в Монреале и вылетел на берега Гудзонова залива, омывающего Лабрадор. По дороге домой он сделал остановки на Кубе и в Париже. Будучи на берегах Гудзонова залива, Косыгин заявил премьеру Ньюфаундленда Смолвуду, что Советский Союз никогда не стремился к уничтожению Израиля. То же он повторил Сайрису Итону, американскому миллионеру-финансисту из Кливленда, о встрече с которым он договорился во время своего визита в Канаду. Г-н Итон был известным приверженцем русско-американского сближения, чему он способствовал устройством Пагуошских встреч.

Косыгин и Джонсон, очевидно, нашли общий язык как люди и как профессиональные политики. Немалую роль в этом сближении сыграло их положение дедушек: русские подарили золотой кубок новому отпрыску семьи Джонсонов, первенцу Люси Наджет. Косыгин, как и год назад в Англии, стремился завоевать популярность. Покидая Холибуш Хаус, эту виллу из коричневого камня, он остановил свою машину, сбежал, улыбаясь и размахивая шляпой, по склону к поросшему зеленому берегу и обратился с краткой речью к тысячной толпе: "Я хочу поблагодарить вас за то, что мы смогли посетить это чудесное место. Я хочу заверить вас в одном: советский народ желает жить в мире с вами. Мы хотим, чтобы нигде не было войн. Можно совершить еще много удивительных и чудесных дел".

В воскресенье между Джонсоном и Косыгиным состоялась вторая беседа, продолжавшаяся четыре и три четверти часа. Не было недостатка в любезностях, но было достигнуто мало конкретных результатов. Оценивая встречи в Глассборо, большинство американских наблюдателей полагало, что Джонсон вышел из них полным победителем. По мнению Белого дома, устройство этой встречи стоило Косыгину большей "потери лица", чем Джонсону. Данные опроса, проведенного среди американцев институтами Геллапа и Гарриса, свидетельствуют о росте популярности Джонсона как политика в результате проведения этой встречи. Если в марте политику Джонсона одобряли 42 процента опрошенных, то в июне эта цифра достигла 68. Для английских комментаторов встреча в верхах явилась отрезвляющим откровением, ибо она свидетельствовала о незначительности той роли, которую играла Англия в международной политике. Когда Джордж Браун был приглашен на обед за день до встречи в верхах, он застал за столом 130 гостей. Такое скопление людей делало невозможным проведение светского "рабочего" приема. Наряду с Брауном Джонсон пригласил датского и итальянского премьеров.

В Объединенных Нациях американский представитель Артур Гольдберг представил 4 июля на рассмотрение Генеральной Ассамблеи следующие "десять важнейших мирных предложений", выдвинутых президентом Джонсоном в его переговорах с Косыгиным в Глассборо:

1. Эвакуация всех вооруженных сил и прекращение состояния войны.
2. Принятие всеми членами ООН декларации об уважении государственного суверенитета каждого члена ООН.
3. Обеспечение территориальной целостности и политической независимости всех стран Ближнего Востока.
4. Гарантия жизненно важных условий безопасности всех стран этого района.
5. Отказ от применения силы в отношениях между странами Ближнего Востока.
6. Право каждого государства на свободное и беспрепятственное пользование международными водными путями.
7. Справедливое и окончательное урегулирование проблемы беженцев.

8. Соглашение, согласно которому экономическое развитие и повышение жизненного уровня должно пользоваться преимуществом перед гонкой вооружения.

9. Обеспечение безопасности Святых Мест и международная гарантия свободного доступа к ним.

10. Разработка международной системы, предусматривающей, в частности, оказание Объединенными Нациями помощи заинтересованным сторонам в достижении указанных целей.

И снова Организация Объединенных Наций оказалась не форумом для принятия международных решений, но резонатором противоречивых политических интересов. Три разные резолюции были предложены на рассмотрение Генеральной Ассамблеи 4 июля, и ни одной из них не удалось заручиться необходимым большинством в 2/3 голосов. Русская резолюция, первоначально представленная Косыгиным, заклемила Израиль как агрессора и потребовала вывода израильских войск. За нее проголосовали 22 члена ООН, 71 был против и 27 воздержались. Югославская резолюция, за принятие которой яростно боролись французы и русские, призывала Израиль вернуться к линиям перемирия 1948 года и подписать вместе с арабами декларацию о прекращении состояния войны. Она также была отклонена незначительным большинством: за нее было подано 53 голоса, против — 46 и 30 воздержались, т.е. резолюция не собрала 2/3 голосов. Великобритания и Соединенные Штаты поддержали латиноамериканскую формулу, которая увязывала вывод израильских войск с заключением соглашения между странами Ближнего Востока. Многие с сожалением констатировали, что эта резолюция, собравшая 57 голосов против 43 при 20 воздержавшихся, также была отклонена.

Израильтяне были довольны, что две резолюции, призывавшие к односторонним уступкам с их стороны, провалились, но большинство людей во всем мире было разочаровано бессилием Генеральной Ассамблеи. Аба Эвен со своим неизменным остроумием заметил, что, с израильской точки зрения, Генеральная Ассамблея проявила "дух здоровья, скепсиса и мудрости". Положение на Ближнем Востоке снова стало предметом рассмотрения Совета Безопасности — органа, которому надлежало заниматься этим вопросом. Только действуя через Совет Безопасности, ООН могла способствовать делу мира. 10 июля, после срочного созыва Совета Безопасности для обсуждения столкновений на Суэцком канале, было решено разместить по обе стороны этой водной магистрали наблюдателей. Они должны были занять свои позиции днем 16 июля, но израильтяне настаивали на уточнении характера их деятельности. Наконец, 17 июля в 4 часа дня по гринвичскому времени восемь наблюдателей ООН заняли свои посты на каждой стороне канала в качестве первых стражей новой и беспокойной линии прекращения огня. В тот же день президент Алжира Бумедьен и президент Ирака Ареф, решимость которых ликвидировать результаты победы Израиля еще не выдохлась, прибыли в Москву.

Как писал 20 июля Джон Кимхе в газете "Ивнинг стандарт", король Фейсал послал незадолго до этого королю Хусейну чек на 4 миллиона фунтов стерлингов; такая же сумма была послана Кувейтом. Если это сообщение было

достоверным, то эта щедрость может быть истолкована как попытка Саудовской Аравии предотвратить возможную аннексию Ираком того, что осталось от Иордании. Вскоре поступили сообщения о выводе иракских войск из Иордании. Очевидно, деньги сделали свое дело.

Какие бы перемены ни намечались в течение первых послевоенных недель, президент Насер дал понять, что он остался при своей обычной непреклонности. Намекнув, что он сам и старая гвардия должны сойти со сцены, он настаивал в своей речи, произнесенной в Каире 23 июля, на том, что побежденные вооруженные силы Объединенной Арабской Республики должны быть восстановлены и реорганизованы для продолжения борьбы с Израилем. Он подчеркнул решимость арабов сокрушить Израиль: "Имеется единственное решение: мы не сдались и продолжаем борьбу". Он сказал далее: "Мы будем бороться повсюду, чтобы мобилизовать арабский народ. Мы не первые, кто проиграл кампанию".

Это уже было каким-то прогрессом. Это было его первым признанием того, что Египет потерпел поражение. Впоследствии он повторил русскую ложь, что причиной войны было намерение Израиля вторгнуться в Сирию. Он также сообщил, что Каир тогда получил из Дамаска информацию о сосредоточении 18 израильских бригад на сирийской границе. Как уже упоминалось, фактически израильтяне имели здесь только роту численностью 120 человек.

* * *

Наконец, уместно задать вопрос: какое будущее может ожидать евреев и арабов на Ближнем и Среднем Востоке. Авторы неоднократно отмечали в этой небольшой книжке, что лучшую службу, по их мнению, могли бы сослужить этому району и всему миру великие державы, если бы они прекратили здесь свою политическую игру. Будет фатальной ошибкой, если окончательное решение будет сведено к простому компромиссу между Советским Союзом и Соединенными Штатами, к которому время от времени примыкают без решающего голоса Англия и Франция. Такое решение не явится гарантией прочного мира.

А если это так, то не следует посторонним выступать в роли советчиков, но нет также вреда в указаниях, полезных всей участникам конфликта. Израиль должен соблюдать осторожность: он должен руководствоваться великодушием, и при любом изменении границ он должен исходить из общих перспектив мира. С другой стороны, арабский мир должен — и это в его собственных основных интересах — исходить из признания реальностей жизни. Израиль останется на карте Ближнего Востока. Какой бы шум и грохот ни устраивали арабы, им этого факта не изменить. Признание Израиля в качестве суверенного государства является предварительным условием установления спокойствия и процветания в этом районе. Вслед за этим между Израилем и арабами могут установиться хорошие и со временем даже добрососедские отношения.

"Евреев и арабов невозможно примирить", — воскликнут пессимисты, безнадежно всплеснув руками. Авторы не разделяют этого меланхолического

вывода. В мире уже случались самые невероятные вещи. Кто поверил бы полвека назад, что произойдет раздел Ирландии и отделение ее от Великобритании, а десятилетие назад, — что можно будет без визы приехать из Ирландии в Англию? А кто — и это совсем уже невероятно — мог вообразить себе, что раздел Ирландии на Северную и Южную сохранится и что воссоединение этих двух стран будет рассматриваться как отдаленная перспектива, которую можно достигнуть только посредством примирения интересов и смягчения человеческих сердец?

Для достижения таких благих результатов требуется лишь одно: время и устойчивость. Когда арабы дойдут на урегулирование с евреями — это может потребовать немало времени, — ООН должен будет ратифицировать и гарантировать всякое соглашение между ними. Тогда непримиримые арабы увидят, что подобные соглашения обеспечивают им мир с Израилем и Западом и процветание, а те, кто будут продолжать в своем углу выкрикивать свирепые лозунги, останутся прозябать в своем первобытном убожестве. Израиль может предложить многое арабскому миру. Свой жалкий клочок пустыни он превратил в сад.

Обратившись к современным методам ведения сельского хозяйства, Израиль освободился от многовекового рабства, обрекавшего человека на получение от земли только самого необходимого, чтобы он и его семья не умерли голодной смертью. Турист, приезжающий из Израиля с его оросительной системой, гигантскими бульдозерами и уборочными машинами на Западный берег, возвращается на две тысячи лет назад. Здесь жнут серпами, и зерно обмолачивается ослими или верблюдами, которых водят на привязи по кругу. Израиль может показать своим арабским соседям, как революционизировать эту основную отрасль их народного хозяйства, и он был бы рад сделать это. Если в районе установится прочный мир, сюда хлынет поток западного капитала, и можно будет достичь огромного прогресса в ликвидации бедности и многовековой отсталости в арабских странах.

28 июня "Таймс" поместил письмо Эдмунда Ротшильда с интересным проектом повышения жизненного уровня на Ближнем Востоке. Он предложил построить атомные установки по опреснению 100 миллионов галлонов морской воды в день: одну в Израиле, другую в Иордании и третью — на половинную мощность — в районе Газы. Стоимость крупной установки оценивалась Ротшильдом в 170-210 миллионов долларов. В статье, напечатанной в той же газете на следующий день, Майкл Ионидес, автор книги "Водные ресурсы Трансиордании и их развитие", высказал мнение, что этот проект осуществим. Выступая 6 июля в палате общин, сэр Алек Дуглас-Хьюм также с одобрением отозвался об этом проекте. Проект актуален и может устранить одну из главных причин конфликта между Израилем и соседними странами. То, что расходуется Объединенными Нациями — в значительной степени Соединенными Штатами, — чтобы накормить палестинских беженцев, может пойти на снабжение их водой для собственного урожая. Это обошлось бы не дороже, и результаты, несомненно, были бы лучшими. Если бы и Советский Союз присоединился к Англии и Соединенным Штатам в создании

таких станций, это явилось бы большим шагом на пути установления прочного мира на Ближнем Востоке.

Стремление к справедливому миру должно разделяться всеми людьми и народами. Мир может быть непрочным, но после решающей победы, одержанное Израилем, кажется несомненным, что его существованию и безопасности ничто не будет угрожать в течение многих лет. Если речь идет о 20 годах, то за этот срок многое изменится. Если же о 50 годах, то большего не надо, чтобы достигнуть соглашения. Поэтому великие державы должны соблюдать нейтралитет и всячески поощрять каждого еврея и араба, которые вступят на тропу мира. Эти страны должны отказать в поддержке тем, кто призывает к захватам и реваншу.

Черчилль Рэндолф Спенсер и У Шестидневная война

Предисловие

В течение года, предшествовавшего беспрецедентной победе Израиля в Шестидневной войне, арабский мир играл в опасную игру, смысл которой заключался в подталкивании мира к краю пропасти, но не далее "красной" черты.

Президент Египта Гамаль Абдель Насер тоже проявил большую осторожность, и расположение чрезвычайных сил ООН в Тиранских проливах и на египетско-израильской границе было для него хорошим предлогом для сохранения такого состояния. В мае 1967 года его престиж в арабском мире находился на очень низком уровне. Он боролся с королем Саудовской Аравии Фейсалом, чтобы стать властелином Йемена, и после пяти лет сражений не мог похвастаться мало-мальски значительными успехами. Экономическое положение Египта было очень шатким, отношения с Соединенными Штатами — плохими, а отношения с другими арабскими странами — весьма далекими от того, чтобы удовлетворить его честолюбие. Единственной, пожалуй, страной, которую можно было считать верным союзником Египта из всех арабских стран "социалистической" ориентации, была Сирия, которая прилагала максимальные усилия, чтобы втянуть Египет в войну против Израиля.

Неожиданно сильная реакция Израиля 7 апреля 1967 года на инциденты, спровоцированные Сирией, вызвала сильную озабоченность ее руководителей, а предупреждения и ответные действия на вылазки диверсантов подтвердили опасения сирийцев, что они перешли "красную" черту в своих антиизраильских провокациях. Испугавшись, они призвали на помощь Египет, и в этом — по свидетельству самого Насера в его речи об уходе в отставку — им помогли русские, убеждавшие Египет в "агрессивных планах Израиля", якобы готовившего нападение на Сирию.

Насер стоял перед альтернативой, и он решил, что если Израиль начнет военные действия против Сирии, а он не придет ей на помощь, то останется в арабском мире полностью изолированным и лишенным всякого влияния. Поэтому он перебросил в середине мая большую часть своих войск на Синайский полуостров. Этот шаг уже сам по себе неминуемо должен был привести к войне. Командование египетской армии в Синае обратилось к чрезвычайным силам ООН с требованием отвести своих солдат в определенные пункты с тем, чтобы египетские части могли занять боевые позиции. В результате переговоров между Насером и Генеральным Секретарем ООН У Таном всему миру вдруг стало известно, что силы ООН отошли и что Израиль оказался лицом к лицу с враждебным и воинственным Египтом.

И тогда было объявлено о закрытии Тиранских проливов.

В течение ряда лет Израиль денно и нощно предупреждал, что закрытие проливов означает войну. Даже великие державы были принципиально согласны с этой позицией после нашего отступления из Шарм а-Шейха в 1957 году. Насер, опытный политический игрок, решил попытать счастья: он уверовал, что ему удастся затянуть петлю на шею Израиля без войны, несмотря на недвусмысленные

заявления правительства Израиля, население которого после проведенной мобилизации ждало дальнейшего развития событий: армия — с напряжением, тыл — с большой озабоченностью.

Разнузданная военная истерия арабов достигла таких размеров, которые до сих пор не были известны просвещенному миру. Арабским массам были обещаны сокрушительная победа, безнаказанные насилия и грабежи, и эти обещания вызвали такой экстаз и ликование, которые возможны лишь в странах Востока. Богатая арабская фантазия воспламенилась, обильная ложь всех средств информации породила опасные иллюзии, и не только весь арабский мир, но и значительная часть мирового общественного мнения была убеждена, что на сей раз победа будет за арабами.

Кольцо вокруг Израиля смыкалось. После египетско-сирийского союза было заключено соглашение между Египтом и Иорданией — самая большая ошибка короля Хуссейна, — затем к этому соглашению присоединился Ирак. Впервые иорданская армия была отдана под египетское командование. Египетские солдаты были переправлены по воздуху в Иорданию и дислоцированы в Латруне, в опасной близости к жизненно важным центрам Израиля.

Казалось, что все готово для последнего и решающего акта спектакля, продиктованного богатой арабской фантазией. Израиль, лишенный активной политической поддержки, стоял один перед вооруженными до зубов арабскими полчищами, во много раз превосходившими количественно израильскую армию. Мир, затаив дыхание, ждал развития событий. Глубокий трепет объял народ Израиля и его друзей. А в лагере врагов еврейского государства царило неприкрытое ликование.

Весь Израиль стал единым боевым лагерем. Вступил в действие удивительный механизм, именуемый системой безопасности Государства Израиль. Он действовал спокойно и уверенно, охватив все стороны жизни, — людские ресурсы и вооружение, транспорт и энергетику, снабжение и гражданскую оборону. Не было почти необходимости в мобилизации — весь народ стал в строй. Невиданная волна добровольцев устремилась в армию. Народ, полный глубокого исторического самосознания, вспомнил, что раздоры и внутренняя борьба приводили в прошлом к катастрофам, и он потребовал от своих руководителей покончить с распрями и внутрипартийными раздорами, объединиться и сплоченным фронтом выступить против общего врага. И в эти решающие для страны дни нашлись руководители, которые смогли стать выше политических и партийных разногласий и добиться национальной консолидации, которая в течение одной ночи создала атмосферу уверенности и даже оптимизма.

И еврейство всего мира осознало, что без Государства Израиль оно теряет всякой смысл, ибо судьба еврейского народа связана неразрывными узами с судьбой еврейского государства, так как все евреи, где бы они ни находились, — звенья одной цепи и взаимные гаранты своего благополучия. Во всем мире среди евреев поднялась такая волна солидарности, какой они раньше никогда не знали. Из самых отдаленных и заброшенных уголков света, где только бьется еврейское сердце, шли вести о безграничной любви и преданности, искренней заботе и мобилизации всех сил и средств. И израильтяне убедились, что еврейский народ — это его самый надежный и крепкий тыл.

Израиль, сплоченный и организованный, с образцовым спокойствием и непоколебимой решимостью ждал грядущих дней. Политические деятели всего мира колебались, вели бесплодные дискуссии, но ничего не решали. Арабская истерия росла не по дням, а по часам. Насер был уверен, что инициатива и все козырные карты в его руках. Он обещал арабскому миру все — и арабы ждали обещанного.

И действительно, рано утром в понедельник 26 мая 1967 года — 5 июня 1967 года — неотвратимо наступил час военного столкновения.

В историю войн народа Израиля и, пожалуй, в историю мировых войн была вписана одна из самых блестящих страниц. В течение недель две большие армии стояли друг против друга в полной боевой готовности. Поэтому, видимо, не имеют особенного значения споры о том, кто нанес первый удар. О факторе неожиданности не может быть и речи — ведь полная готовность существовала в обоих лагерях, и не было никаких оснований полагаться на какое-либо превосходство при использовании фактора внезапности. И если в первые же часы сражения Израиль многого добился, то это следует приписать прежде всего несобранности и халатности египетского командования. Главные же удачи Израиля надо приписать еврейской военно-стратегической мысли.

Вступили в сражение Иордания, командные посты которой были в руках египтян, Сирия, спровоцировавшая быстрое сползание к войне, и Ирак, присоединившийся к межарабскому военному союзу. Иордания приблизила войну к дому каждого израильянина, начав стрельбу по всей линии границы. Ее пушки были нацелены на Новый Иерусалим, на Тель-Авив, на гражданский аэродром в Лоде, на жителей долин. Сирийцы не прекращали обстрел наших северных поселений. Границы Израиля стояли в огне. На сей раз арабы сдержали свое обещание и наступали со всех сторон.

С первой же минуты армия Израиля диктовала ход военных операций: каждый из трех фронтов имел свой штаб, и каждый был готов немедленно ответить на вызов противостоящего ему противника. Реакция наших сил диктовалась нашими точными расчетами, волей к победе малой кровью и отнюдь не соответствовала ожиданиям врага.

Своими блестящими действиями, беспримерными в истории мировой авиации, наш военно-воздушный флот добился за первые три часа войны полного превосходства в воздухе. Тем самым наши наземные силы получили возможность развивать военные операции под покровом огневого прикрытия, охранявшего наши части и поражавшего неприятеля на каждом шагу. Книга Р. и У. Черчилль рассказывает о великом чуде захвата всего Синайского полуострова за шесть часов после разгрома египетской армии; об освобождении территории на западном берегу Иордана и, прежде всего, о воссоединении Иерусалима; об отводе сирийской угрозы от северных поселений. Отныне все это навеки вписано в историю еврейского народа.

Кульминацией войны было возвращение еврейскому народу его вечной столицы. Когда наши доблестные парашютисты, вписавшие столько блестящих страниц в историю Цахала — Армии Обороны Израиля, — еще до окончания боев достигли Стены Плача и, припав к ней, не смогли сдержать слез, — это был один из самых волнующих моментов нашей истории, насыщенной многими

незабываемыми событиями! Ведь большинство этих рослых и сильных парней, которые плакали, как дети, прильнув к нашей национальной святыне — западной стене Иерусалимского Храма, — никогда в своей жизни раньше не молились. Осуществилось древнее пророчество, и еврейский народ отныне навеки завладел своей древней и нераздельной столицей.

Израиль победил, потому что народ был сплочен, потому что все воевали с готовностью пожертвовать собой. Каждый солдат знал, за что он воюет, и каждый понимал, что нет иного выхода. Израиль победил, потому что сумел со дня образования государства воспитать сильную, хорошо обученную и преданную народу армию. После трехнедельного состояния полной боевой готовности в нужную минуту она действовала, как хорошо выверенный механизм. Служба резервистов, система мобилизации, национальные усилия, все средства подготовки к войне — все это полностью себя оправдало в решающий час истории.

В течение ряда лет командование Цахала заботилось о первоочередном оснащении авиации и танковых частей, и это полностью себя оправдало в Шестидневной войне. Именно оба этих рода войск самым активным образом обеспечили победу на полях сражений. Но самое главное и решающее — это то, что израильский командир всегда впереди, во главе своих солдат. Он никогда не оставлял своего места, если только не был тяжело ранен, и солдаты никогда не оставляли ни его, ни своих товарищей. Из общего числа погибших процент израильских офицеров, павших в боях, в два с половиной раза выше соответствующего процента в зарубежных армиях. В этом секрет решающих побед Цахала.

Много лет лелеемая арабами мечта о ликвидации Государства Израиль не сбылась и на этот раз, несмотря на огромные преимущества арабов в населении, территории, природных богатствах и вопреки активной помощи коммунистического блока инструкторами и вооружением. Этот факт не смогли поколебать ни развязанная арабами осенью 1973 года война Судного дня, ни последовавший за нею беспримерный по масштабам нефтяной шантаж, ни арабский террор. Израиль добивается прочных, жизненно важных для него границ, а в конечном итоге — справедливого мира.

Хаим Герцог,
бригадный генерал.

Послесловие

За два года после событий, описанных в этой книге, очень немного достигнуто и ничто не решено на Ближнем Востоке. Обе стороны глубоко окопались в военном и психологическом смысле. Арабы испытывают горечь при мысли, что в продолжение более двух лет не было предпринято никакой согласованной международной акции с целью заставить Израиль вывести свои войска с территорий, занятых им в 1967 году. Они не забыли, как в 1956 году Даллес спросил у израильского министра иностранных дел: "Когда вы уходите? В среду или в четверг?"

Но израильтяне также разочарованы. В начале многие в Израиле видели в Шестидневной войне не только военную победу, но и средство для достижения длительного урегулирования на Ближнем Востоке. В израильском обществе пустила глубокие корни надежда, что Израилю удастся обменять занятые территории на признание и мир. Теперь настроение изменилось. Два года после войны израильский министр иностранных дел Аба Эвен, говоря об этих психологических переломах, заметил: "Мы народ, в истории которого периоды необоснованной безмятежности сменяются апокалиптическим мраком".

Отказ арабских правительств сесть за стол переговоров с Израилем и выработать соглашение, провоцирование египтянами крупных инцидентов на Суэцком канале и усиление террористической активности палестинцев рассеяли прежние надежды. Израильтяне поняли, что политика великодушия бесперспективна. Они теперь убеждены больше, чем когда-либо раньше, что в глубине души арабы никогда не примирятся с существованием сионистского государства, независимо от его строя и размеров. Они сомневаются даже в том, что если будет найдена формула соглашения, то арабы примут ее как окончательное решение вопроса. "Прежде чем будет достигнуто соглашение, — заметил Аба Эвен в Иерусалиме, — арабы должны заставить себя понять, что мы не передвижная выставка, вроде Всемирной выставки в Монреале, которую можно запаковать и увезти. Мы останемся здесь".

Именно неспособность арабов понять это, мешает им сесть за стол переговоров с израильтянами лицом к лицу и делает бессмысленной в глазах израильтян абстрактную готовность арабов признать существование израильского государства (подразумевается принятие арабами британской резолюции ноября 1967 года, гарантирующей права и суверенитет всем странам Ближнего Востока).

Взгляды, господствующие в Израиле через два года после войны, можно резюмировать следующим образом:

Если федаины хотят заниматься террором, а египтяне хотят стрелять, то лучше пусть делают это с дальних берегов Иордана и канала, а не с порога нашего дома.

Месяцы дипломатических переговоров на высоком уровне не принесли плодов. Посредник ООН Гуннар Ярринг, несмотря на свое долготерпение и неустанные усилия, не преуспел в своей миссии и превратился в мальчика на побегушках от одного противника к другому. Затем наступила очередь великих держав: сначала — по инициативе де Голля — Соединенных Штатов,

Советского Союза, Англии и Франции, а затем только Соединенных Штатов и Советского Союза. Но и в последнем случае не удалось достигнуть успеха. Единственным результатом этих переговоров было решение, принятое Соединенными Штатами и Советским Союзом, что они не дадут вовлечь себя в вооруженный конфликт. При всем значении, какое имела эта договоренность, она едва ли могла способствовать решению проблемы Ближнего Востока. Две сверхдержавы не смогли даже найти общего языка в вопросах прекращения поставок вооружения, хотя все страны Запада, стремясь к ослаблению напряженности на Ближнем Востоке, с давних пор выступали за политику эмбарго.

Первым прямым свидетельством того, что надежды за мирные переговоры испарились, был почти ежедневный интенсивный обстрел египетской артиллерией в сентябре 1968 года израильских позиций на восточном берегу Суэцкого канала. Израильцы были захвачены врасплох. У них были только полевые укрепления, и их потери доходили до 50 человек в месяц. "Мы просчитались, — откровенно признался Шимон Перес. — Мы никогда не думали, что Насер за одно удовольствие обстрелять нас на восточном берегу канала заплатит такую цену: эвакуация более полумиллионного населения из зоны канала и отказ от доходов от сельского хозяйства и промышленности в этом районе, в том числе от нефтеочистительных заводов в Суэце". Израильцы, которые на протяжении месяцев терпели обстрел, нанесли удар по глубокому египетскому тылу, высадив на трехмоторных французских вертолетах "Супер-Фрелон" (продолжающих полет и в случае выхода из строя одного двигателя) десант, взорвавший трансформаторную станцию в Наг Хаммади на Ниле.

Этот рейд дал израильцам четырехмесячную передышку, которую они хорошо использовали. Спроектировав несколько типов бункеров, чтобы определить наиболее эффективный вид укрытия, и затем испытав их на полутонный заряд взрывчатки, они приступили к крупномасштабному строительству. Для усиления бетона стальной арматурой, они разобрали полотно железнодорожной линии вдоль канала до самого Эль-Ариша. В течение всего этого периода они могли безнаказанно приближаться с землеройными машинами к самому берегу канала. По словам министра обороны генерала Даяна, "можно было проехать на велосипеде десять миль вдоль канала, не подвергая себя опасности". Но затишье было непродолжительным, и в течение весны и лета 1969 года возобновившийся египетский обстрел из сотен стволов, установленных вдоль канала, нарастал крещендо. Израильцы ответили 9 сентября самой крупной акцией со времени прекращения войны. Они предприняли комбинированную операцию на египетской территории с использованием морских, воздушных и сухопутных, в том числе танковых, сил. Израильские войска высадились под покровом темноты на западном берегу Суэцкого залива и прошли около 30 миль, разрушая сторожевые посты и военные сооружения, в том числе ракетные установки СА-2. Ударный отряд ни разу не вошел в соприкосновение с египетскими силами и отступил со всем своим снаряжением среди бела дня.

После этого рейда генерал Даян предостерег египтян: "Египет может ожидать новых и более сильных ударов".

Мухаммед Хайкал, редактор газеты "Аль-Ахрам" и доверенное лицо Насера, в ответ на вопрос о причинах развязывания египтянами военных действий вдоль Суэцкого канала подчеркнул, что арабы не могли допустить, чтобы на канале было спокойно, так как это могло быть истолковано как молчаливое примирение их со "свершившимся фактом" и со временем привело бы к превращению линий прекращения огня в новые международные границы. "Мы не можем согласиться, — заявил Хайкал, — ни с прекращением огня, ни с линиями прекращения огня".

Несмотря на перевооружение Египта Советским Союзом, который возместил этой стране потери первых 170 минут войны, поставив ей более 300 реактивных истребителей и тяжелых бомбардировщиков первой линии, общее соотношение сил на Ближнем Востоке, судя по всем признакам, не изменилось. Хотя египетская авиация располагает более современными и мощными самолетами, чем до войны, и египтяне довели число своих военных аэродромов до тридцати (несмотря на потерю четырех воздушных баз в Синае и эвакуацию еще трех баз — Фаида, Кабрита и Деверсуара, оказавшихся в пределах досягаемости размещенной в районе канала израильской артиллерии), израильские военно-воздушные силы сохраняют свое превосходство в воздушном пространстве Ближнего Востока. Благодаря главным образом этому Израиль может совершать такие операции, как рейд в Египет 9 сентября 1969 года, тогда как для египтян подобные мероприятия невозможны.

Стратегическое положение, сложившееся через два года после войны, очевидно, лучше всего определено пилотом израильского истребителя с авиабазы Экрон: "От канала до каирских баз только четыре с половиной минуты полета". Действительно, война 1967 года полностью изменила положение. До июня 1967 года Тель-Авив находился лишь в четырех с половиной минутах полета от египетской базы в Эль-Арише, тогда как израильтянам требовалось более 25 минут, чтобы достичь главного комплекса египетских баз вокруг Каира и канала. В 1967 году израильтяне и египтяне поменялись ролями. На первый взгляд Синайский полуостров не более, чем пустыня, но он очень важен для Израиля. Стоя на канале, Израиль не только может применять систему раннего предупреждения для обнаружения египетского самолета в ту самую секунду, когда тот поднимается в воздух, но с помощью патрульных самолетов он может осуществлять контроль над военными объектами в глубоком египетском тылу. Египтяне, напротив, потеряли эту возможность, и теперь их наземная система раннего предупреждения ограничена только двумя радиолокационными станциями в Иордании, которые уязвимы для израильской воздушной атаки. Через два года после войны израильтяне смогли получить только 72 американских самолета типа "Скайхок" и несколько "Фантомов" из 48 машин этого типа, которые американцы обещали поставить, тогда как египтяне получили от русских 300 новых самолетов, что давало объединенным арабским воздушным силам трехкратное превосходство над израильской авиацией. Но если израильтяне столкнулись с трудностями при закупке самолетов, то египтяне оказались, не

считая времени полета до объекта и обратно, перед более сложной проблемой преодоления своего технического отставания. Имеется в виду профессиональный уровень летчиков и качество и скорость обслуживания и оперативного управления.

В свете дипломатических встреч высокопоставленных представителей великих держав или делегатов Организации Объединенных Наций, в грохоте артиллерийской канонады и гуле самолетов, пересекающих канал, забывается суть проблемы, заключающейся в том, что два народа — палестинцы и израильтяне — считают Палестину своим домом. Каждый из этих народов готов сражаться и, если потребуется, умереть, чтобы владеть страной, которую он считает своей. Любая формула, которая не предусматривает решения этой проблемы в соответствии с чаяниями большинства этих двух народов, не является удовлетворительной. Государство Израиль — крохотная и, несомненно, самая необыкновенная страна в мире с демократическим характером и структурой общества. Трагедия создания этой страны, одной из наиболее достойных восхищения стран, заключается в возникновении другого народа беженцев и второй, на этот раз палестинской, диаспоры.

Палестинцев можно сегодня встретить на всем Ближнем Востоке в любом качестве: техниками на нефтяных полях, процветающими бизнесменами в Бейруте или советниками при дворах шейхов в районе Персидского залива. Менее удачливое и менее образованное большинство палестинцев влачит свое существование в лагерях беженцев полосы Газы и по обеим сторонам Иордана.

Будучи крупнейшей военной силой на Ближнем Востоке, Израиль всегда сможет отразить нападение Египта. Более трудную проблему представляют палестинцы: отчаяние, которое побудило их на бессмысленное убийство сенатора Роберта Кеннеди, привело к широкой кампании антиеврейского террора во всем мире. По не лишнему основанию утверждению генерала Даяна, террористическое движение более опасно для арабских правительств, чем для Израиля, все же партизанская активность значительно повысилась не только на Западном берегу, но даже в самом Израиле.

Переговоры великих держав не только не привели к решению проблемы, но, напротив, более какого-либо другого фактора затянули принятие решения. Пока в Нью-Йорке или Вашингтоне велись переговоры, главные стороны конфликта, сознавая свое бессилие что-либо изменить, полагали, что нет необходимости серьезно взяться за решение проблемы. Когда же исход переговоров великих держав стал ясным, и в Израиле состоялись выборы, наступило время глубокого раздумья. Арабы должны решить, каким образом, ввиду постоянного израильского военного превосходства и нежелания или неспособности великих держав навязать соглашение, они могут вернуть территории, потерянные ими в 1967 году. Израильтяне, со своей стороны, должны рассмотреть вопрос о палестинцах Западного берега и решить проблему беженцев. Один влиятельный палестинский деятель, житель Восточного Иерусалима, заметил однажды: "Перед нами три равно неприемлемые пути: сражаться, сотрудничать или уйти". Если бы Израиль смог решить проблему беженцев в духе справедливости, он обеспечил бы для себя мир, который до сих пор ускользал от него. Продолжение войны, по

верному определению короля Хусейна, — это безумие. Принимая во внимание, что обе стороны могут столь много выиграть от мира и столь много проиграть от продолжения войны, участники конфликта должны понять, что в их силах найти решение.